

Разбивая
ВОЛНЫ

ИНФЕРНО

NIGHT CLUB

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛИСИЯ МОРЭ

Алисия Морэ

Разбивая волны

<https://litres.ru/74200738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Холден Нокс — наследник империи, «золотой мальчик», который не верит в любовь. Деньги, девушки, адреналин — ему доступно всё. Но внутри — выжженная пустыня.

Эйвери Рид — дерзкая, сексуальная, уверенная. Увидев Холдена, она понимает: этот парень стоит того, чтобы нарушить правила. Она предлагает сделку: секс без обязательств, пока не надоест. Никаких «добрых утра», никаких чувств. Только страсть — грязная, жаркая, на грани.

Всё идёт по плану, пока не появляется Скайлар — её сестра-близнец. Тихая, невинная, верящая в настоящую любовь. Та, кто никогда не посмотрит на такого, как Холден. Именно на неё он заключает пари с другом: соблазнить, влюбить, растоптать. Просто ещё одна игра.

«Разбивая волны» — это эмоциональные качели, от которых сносит крышу. Это откровенные сцены, после которых хочется холодного душа. Это любовь, предательство и искупление. Ты влюбишься. Тебе сделают больно. Ты захочешь ещё. 18+

Содержание

Пролог. Два мира	4
Глава 1. Понедельник	17
Глава 2. Крючок	44
Глава 3. Сделка	69
Глава 4. Трещины	93
Глава 5. Тлеющий фитиль	111
Глава 6. Чужой среди своих	126
Глава 7. Два контакта	168
Глава 8. Два шага	186
Глава 9. Чужая территория	204
Конец ознакомительного фрагмента.	237

Алисия Морэ

Разбивая волны

Пролог. Два мира

Коув-Пойнт, Калифорния

Бокал полетел вниз.

Звона Холден не слышал — его сожрал ветер. Только солнечный зайчик резанул по глазам, вспышка — и всё. Чёрная вода у скал, пена, пустота.

Босые ступни прилипали к нагретому камню. Ветер рвал рубашку, забирался под воротник ледяными пальцами, а от плит под ногами всё равно несло жаром — камень держал нагрев с полудня. Холден переступил с ноги на ногу, и сухая хвойная пыльца пристала к пятке. Соль на губах. Приторный жасмин из сада Сибиллы — он лез в ноздри, в глотку, липкий и тошнотворный, а поверх — сухая горечь разогретой хвои. Холден втянул воздух ртом, и желудок сжался в комок. Курить хотелось до ломоты в челюсти, но карманы джинсов были пусты. Он сжал кулак, разжал. Повторил. Пальцы дрожали. Паршивый день. Не вечеринка, а херня.

Снизу, от бассейна, били басы — раз-два, раз-два. Долбили в грудь. В гостиной кто-то орал припев, забыл слова

и просто был на гласных. Панорамную дверь распахнули настежь, и шторы вытянуло наружу, они полоскались на ветру, как припадочные. Тени мельтешили. Кто-то уже плавал в бассейне. Кто-то залез на диван в обуви. Его гости. Его ту-совка. Особняк за тридцать два миллиона — отцовский тро-фей. Лайонел Нокс купил его месяц назад и даже не спросил, хочет ли Холден тут жить. Просто поставил перед фактом: новая клетка с видом на океан. Лайонелу плевать. Ему важен статус — чтобы всё как у людей, красиво.

Возвращаться? Блондинка, которую Лиам откопал специально к вечеру, уже, поди, потекла в джакузи. Ждёт. Высчитывает взглядом: бренд часов, процент алкоголя в бокале, расстояние до его ширинки. Именно в таком порядке. Селфи на фоне перил и его спины. Хештег: #нокс. Нахер ему это? Им не он нужен. Им нужна фамилия. Член. И сторис, чтобы потом выложить и собрать комменты от завистливых подруг.

Холден глянул на ладонь. Пальцы всё ещё выплясывали. Твари. Он сжал кулак — до хруста в костяшках, до боли в сведённом запястье. Подержал. Отпустил. Трясучка вернулась. Алкоголь тут ни при чём. Водка, которую Лиам сунул ему в руку час назад, до сих пор стояла нетронутой. Голод. Нет, не так — ГОЛОД. Зудящий, чистый, ни черта не про еду. Эта тварь скреблась изнутри, точила когти о рёбра и требовала платы. И заткнуть её мог только выброс адреналина. Литр. Вёдра. Но хватало от силы на час. Потом откат. Дрожь и пустота. Ещё гуще, чем до.

Он знал, как с этим бороться. Ночной серпантин, затылок в подголовник, пальцы на холодной коже руля. Газ в пол. Слепой поворот. На сотой доле секунды мозг вырубается к чёртовой матери. Остаётся только тело и инстинкт. Руль. Газ. Тормоз. Пропасть справа — как обещание. И ты живой. Потому что просто дышишь.

Секс на крыше небоскрёба: вжал девку в холодный бетон, кончил, перекатился на спину, а в небе звёзды, и в голове одна мысль — шагнуть бы.

Или проще. Вариант для ленивых. Найти самого пафосного качка в зале. С цепью на шее и компашкой таких же придурков. Выбрать самую силиконовую тёлку из его кортежа. И увести. Молча. Просто глянуть ему в глаза и протянуть ей ладонь. Ждал, когда хоть один вякнет. Когда сломается этот сраный флёр «элитной вежливости» и начнётся мясо. Хоть раз бы. Но нет. Элитка ссыкливая. Все как один. Прячут глаза и делают вид, что ничего не произошло. Жалкое зрелище.

Сзади зашаркали кеды. Запахло дешёвым табаком — горьким, едким, он ввинтился в ноздри, перебивая тошнотворный жасмин.

Лиам замер в дверях. Рыжие волосы горели алым в последних лучах заката, как сигнальный костёр. В зубах — незажжённая сигарета. Подошёл, занял место у перил, плечом прижавшись к плечу Холдена. проводил взглядом то место, где секунду назад исчез бокал.

— Красиво полетел. Прямо как в кино. — Голос ленивый,

с хрипотцой.

— Ага.

Лиам затянулся, щурясь от ветра, и выпустил дым через нос — две серые, рваные струи, которые воздух изорвал в ключья. Холден скосил взгляд. С четырнадцати лет он терпел этот запах. Лиам был единственным, кто мог вот так просто подойти и встать рядом. Не льстил. Не кланчил бабла. Не заглядывал в рот в ожидании, какая гениальная мысль вылетит из наследного принца Ноксов. Просто был. И курил эту дрянь, хотя у его отца в кабинете целые ящики кубинских сигар пылились. Бунт ради бунта.

— У тебя вид, как у пса, которого забыли выгулять. — Лиам покосился на него. Прищурился, оценивая масштаб трагедии.

— Завали, — бросил Холден беззлобно, почти по инерции.

— Трахаешься как кролик, пьёшь как лошадь, а выглядишь как мертвечина. Может, к мозгоправу? Х-х-х!

— Я в норме.

— Ага, а я Санта. — Сигарета перекочевала в угол рта, Лиам сжал её губами, освобождая руки. — Скучно тебе, Нокс. Как акуле в аквариуме. Жрачка сама в пасть плывёт. Никакого спортивного интереса.

Холден медленно перекатил желваки. Не хотелось признавать, что этот рыжий гад прав.

— К чему ты клонишь?

Лиам не ответил сразу. Страхнул пепел за перила, долгим, почти театральным жестом. Они оба проследили, как серые хлопья закружились в потоке ветра и канули в сумерках.

— Семестр через два дня. — Тычок сигаретой в сторону города. — Переводы с Восточного побережья, с севера, новенькие. Цирк с заселением. Свежая кровь, Нокс.

Холден фыркнул. Дёрнул уголком рта. Он заставил себя не отреагировать.

— О-о-о! — Лиам оскалился, обнажая зубы в хищной улыбке. — Зашевелился? Или твой инстинкт окончательно сдох?

Холден перевёл взгляд на океан. Солнце ушло. Вода стала свинцовой, тяжёлой, с белёсыми прожилками пены. Никаких красок. Просто грязное зеркало, в котором тонет свет. Далеко, на самой границе видимости, мигал одинокий огонёк — то ли буй, то ли катер.

— Посмотрим.

Он оторвался от перил и пошёл к дому. Не прощаясь. За спиной зашуршала зажигалка — Лиам прикуривал новую. А потом хохотнул. Громко, заливисто, так, что эхо отскочило от скал и унеслось в открытую воду. Холден даже не обернулся. Но спиной чувствовал этот взгляд — довольный, провоцирующий.

Двумя днями ранее. Трасса I-5, между Орегоном и Калифорнией

— Скай, умоляю, выключи эту депрессивную хрень!

Скайлар не шевельнулась. Только пальцы двигались — накручивали тонкий провод на указательный. Виток. Ещё виток. До побелевших подушечек, до лёгкого онемения. Глаза были закрыты.

— Это лекция Хейза. Миграция серых китов, — голос ровный, почти без интонации. Так она говорила, когда не хотела, чтобы заметили — ей больно.

— О боже. — Эйвери закатила глаза так, что остались одни белки — только тонкая голубая каёмка по краю. — Скай... Киты? Ты серьёзно?! Мы едем в Калифорнию, в новую жизнь, а ты слушаешь лекцию про рыб?!

— Млекопитающих. — Скайлар всё ещё не открывала глаз. — Они проходят по двенадцать тысяч миль в год. От Аляски до Калифорнии и обратно. У них семьи. Они узнают друг друга по голосам. И когда рождается детёныш, вся стая...

Шлепок. Звонкий, как пощёчина. Ладонь Эйвери припечаталась к её колену, и по ноге пошла горячая волна.

— Всё, тормози! — Эйвери не убирала руку, сжала пальцы, требуя внимания. — Ты невозможный человек. Сдохнуть можно от скуки. Честное слово. Я сейчас сдохну. Прямо тут. И ты будешь виновата.

Скайлар открыла глаза. Медленно. Стянула наушники одним движением, и мир ворвался внутрь — рёв мотора, шум ветра. Провода смотала туго, до врезавшейся в ладонь красной полосы. Машина тряслась на дорожных швах — каждый

стык отдавался в позвоночник. Нагретое боковое стекло обжигало висок, и Скайлар прижалась к нему сильнее. Хотелось заземлиться.

В салоне старого «Форда» не осталось свободного сантиметра. Коробки до самого потолка, набитые пакеты, какие-то свёртки, прижатое коленями мамино рукоделие в деревянной шкатулке с отколотым уголком. Пахло корицей — мама напекла булочек в дорогу, тёплый сладкий запах слоился с бензиновой гарью из приоткрытого окна, лип к нёбу, смешивался с горьковатым кофе из термоса и старой книжной пылью от коробок с учебниками.

За рулём отец фальшиво подвывал старым рок-н-ролльным хитам, и на высоких нотах его голос срывался в смешной петушиный хрип. Он не умел петь. Никогда не умел. Но продолжал — громко, самозабвенно, фальшиво. Его правая ладонь лежала у мамы на колене — большая, с вьёвшейся под ногти серой краской после вчерашней покраски гаража на прощание. А мама накрыла её своей и гладила большим пальцем — туда-сюда, туда-сюда, в такт стыкам на асфальте. Скайлар отвела взгляд. В горле что-то сжалось. Будто кто-то взял трахею в кулак и медленно сдавливает. Она глотнула раз. Звук получился громким, влажным. Второй — ещё хуже, в ушах зашумело. Сжала челюсти до скрежета на зубах и задвинула это обратно в грудь. Туда, где оно должно было сидеть тихо. Отвернулась к окну.

Поля за стеклом — ровные квадраты, будто землю разре-

зали и сшили заново из лоскутов. Орегон отматывался назад. И Скайлар перебирала в голове, как чётки:

— Половица в коридоре. Третья от ванной. Скрипит, если не переступить.

— Соседский пёс Такер. Дурак. Но мяч приносил ровно в семь пятнадцать. Клал у калитки и ждал, вывалив розовый язык.

— Морские звёзды в отливе. Оранжевые и пурпурные. Шершавые на ощупь, как наждачная бумага. Прячутся в расщелинах.

— Лужицы после отлива. Тёплая вода, прозрачная до самого дна. В ней отражается небо.

Она знала там каждый камень. Каждую тень в полдень. Каждый звук — скрип калитки, лай Такера, шум прибоя в два часа ночи. Там всё было понятное. Тихое. Измеренное. Её.

А здесь — «Калифорния». Скайлар перекачивала слово на языке, как ледяной камушек. Чужое. Острое. Колется.

— Скай. Скай-Скай-Скай!

Пальцы защёлкали прямо перед носом. Скайлар вздрогнула и моргнула. Эйвери висела над ней и дышала в лицо вишнёвым блеском для губ.

— Ау! Выпала опять! Я тут распинаюсь — океан, солнце, горячие сёрферы с прессом. Новая жизнь, поняла? Пора вылезать из своей ракушки.

— Я не в ракушке.

— Ага, конечно. — Эйвери выгнула идеальную бровь, ту, что левую — та всегда взлетала выше в моменты сарказма. — Ты в неё забралась лет в пять и сама же заколотила вход досками. Крест-накрест. И на гвозди поплевала, чтоб ржавые были. Ты всю жизнь жуёшь одно и то же, Скай. Может, хватит? Просто проглоти и посмотри, что будет.

Скайлар прикусила щёку изнутри. Сильно, до металлического вкуса на языке. Она любила сестру. Правда, любила. Но Эйвери — это когда тебе в ухо орут в мегафон, а через секунду целуют в щёку, и ты стоишь оглушённая, а она уже обижается, что ты не рада. Энергетический вампир. В хорошем смысле. Наверное.

Эйвери уже забыла про неё. Уткнулась в телефон и листала ленту с той скоростью, с какой нормальные люди моргают. Большой палец мелькал по экрану, картинки сменялись одна за другой — пляж, пальма, смуглый парень с доской, сёрф, закат, чей-то смузи.

— Блин, смотри, какие пляжи. Офигеть... А это кампус нашего колледжа. Там бассейн. На крыше! На крыше, Скай! Ты вообще слышишь?! И библиотека размером с наш старый торговый центр. Там, наверное, книги стеллажами до потолка. Как в Хогвартсе. Так... стоп.

Щелчок. Тишина. Только что восторженный ребёнок — и вдруг что-то острое проступило в линии скул, в прищуре. Эйвери замерла. Увеличила картинку двумя пальцами. Губы беззвучно зашевелились, перечитывая текст. Хмыкнула. И

сунула телефон в карман джинсов.

— Что там? — спросила Скайлар без особого интереса. Просто чтобы разбить эту внезапную, звенящую тишину.

— Потом. — Эйвери откинулась на сиденье и улыбнулась. Слишком широко для простой улыбки. — Сначала заселение, потом разведка боем. У нас, сестрёнка, большие планы. Очень. Большие.

Скайлар не стала допытываться. Она узнала этот блеск. Так глядела Эйвери на капитана школьной команды по плаванию — тот ходил за ней три месяца, носил рюкзак до машины, а потом она его бросила, потому что он «скучно дышал». Охотница. Сейчас начнётся.

Скайлар снова отвернулась к окну. Переезд дался тяжело. Но кому говорить? Эйвери бы не поняла — она жила в режиме вечного сквозняка, для неё бросить всё и умчаться за горизонт было как вдохнуть. Родителей расстраивать нельзя. Отец получил место главного инженера в «Хейс Индастриз» — и светился изнутри, как лампочка в сто ватт. За ужином он объявил новость, и голос его звенел от гордости, а мама заплакала, прижав ладони к щекам — счастливые слёзы. Эйвери заорала «Калифорния!» так, что вздрогнули вилки на столе, и принялась строчить друзьям, сияя экраном в полутьме кухни. А Скайлар молча ковыряла вилкой остывшее пюре и пыталась не разреветься. Бросить всё, что любила. Ради семьи. Всё ради них.

Эту мантру она гоняла по кругу всю последнюю неделю.

Как заевшую пластинку. Когда заклеивали скотчем картонные коробки — липкая лента намертво приставала к пальцам, оставляя серые следы клея под ногтями. Когда грузчики выносили из её комнаты письменный стол — тот самый, с облупленным краем и следами от фломастеров на нижней полке: синий домик, оранжевое солнце с лучами-палками, кривая подпись «СКАЙ». Когда отец в последний раз повернул ключ в замке старого дома, и звук этот — металлический щелчок, сухой и окончательный, — поставил точку в целой главе её жизни.

— Девочки, ну-ка гляньте туда!

Звонкий мамин голос выдернул её из мыслей, как рыболовным крючком под ребро. Скайлар нехотя подняла голову от коленей — и дыхание перехватило.

Дорога сделала поворот. Холмы расступились. И открылся океан.

Тёмно-зелёный, почти чёрный у горизонта, где вода сливалась с небом в мутную полосу. Солнце низко висело, тяжёлое, налитое апельсиновым соком, и волны отливали металлом — живым, дышащим, страшным. Слишком много воды. Она накатывала на берег и отступала, оставляя белую пену, шипящую, как раскалённая сковорода. Далеко-далеко белые точки парусов — крошечные, как клочки бумаги, разбросанные по серой стали горизонта. У Скайлар свело живот. Мышцы сжались в тугой комок. Спину обдало холодом. Плечи сами собой сжались, она втянула голову. Слишком

много пространства. Слишком ярко. Слишком громко. Не её. Всё это было чужое, враждебное, оно наступало на неё со всех сторон, требовало дышать в такт, а она не умела.

— Вот такой я люблю Калифорнию! — Эйвери уже наполовину высунулась в окно, снимая видео на айфон. Волосы разметались, ветер хлестал прядями по щекам, но она только смеялась. — Ждите нас, горячие мальчики! Сёстры Рид едут!

Машина пошла под уклон, к побережью. Замелькали пальмы, белые ограды, вывески. Город наплывал, как цветной сон, от которого нельзя проснуться. Скайлар прижалась виском к стеклу и собиралась уже закрыть глаза, чтобы переждать эту атаку красок, но сестра вдруг пихнула её локтем в ребро.

— Смотри! — Эйвери тыкала пальцем в экран, и ноготь её стучал по стеклу айфона. — Читай. Читай, Скай!

Скайлар пробежала глазами заголовок: «Наследник империи Нокс снова в центре скандала». Под ним — фото: парень в расстёгнутой рубашке выходит из ночного клуба. Вокруг него — толпа, вспышки камер, но он не щурится. Взгляд пустой, надменный.

— И зачем мне это? — Скайлар хотела отодвинуться, но сестра держала экран.

Эйвери медленно растянула губы. Скайлар узнала эту улыбку. Так сестра улыбалась, когда уже всё решила и никакие доводы не помогут.

— Это, сестрёнка, наш ключ. Я его себе наметила.

У Скайлар кожа на руках покрылась мурашками. Диафрагма сжалась, не давая вдохнуть полной грудью.

— Ты с ума сошла.

— Ни капли. — Эйвери свернула новость и убрала телефон. — Увидишь.

Машина въехала в город. Замелькали витрины с неоновой подсветкой, хотя до сумерек было ещё далеко. Скайлар обхватила себя руками за плечи — пальцы впились в предплечья до лёгкой боли — и смотрела, как чужая Калифорния разворачивается перед ней. Где-то там, за этими особняками с идеально подстриженными газонами, жил парень со снимка. А её сестра уже нацелилась на него.

Глава 1. Понедельник

Солнце долбануло прямо в глаз. Холден дёрнул головой, зарываясь носом в подушку, но поздно. Свет уже пробился сквозь незашторенное окно и рассыпался по смятым простыням, белый, режущий. В висках — вчерашний виски. Тяжёлый. Вязкий. Он пульсировал в такт сердцу, и каждый удар отдавался тупой болью в затылке. Во рту — мерзкий привкус, как после дешёвого поила. Он сглотнул, и горло обожгло сухостью.

Рядом завозилось тело.

Рядом завозилось тело. Голое бедро прижалось к его ноге — тёплое, липкое от сна, — чужая ладонь скользнула по животу вниз. Ногти с алым облупленным лаком царапнули кожу — не больно, но Холден почувствовал этот след.

— М-м-м... Куда ты? Рано ещё.

Голос хриплый, сонный, с ноткой каприза. От неё несло перегаром, приторными духами и кислятиной — потом, что ли, или лаком для волос. Или ещё чем похуже. Коктейль из запахов ударил в ноздри, и к горлу подкатила тошнота. Холден сбросил её руку быстрее, чем собирался.

Сел. Локти в колени, ладони к лицу. Выдох сквозь зубы — долгий, свистящий. От пальцев воняло ванилью и мускусом. Дрянь. Захотелось вымыть руки. С мылом. Дважды. Трижды.

Имя? Он попытался вспомнить — мозг выдал белый шум. Что-то сладкое. Типа Кэнди. Или Бренди. Или Мэнди. Неважно. Грасиела выпроводит её к полудню: вежливая улыбка, стакан апельсинового фреша и купюра на такси. Отработанный ритуал. Очередная ночь, очередное тело, очередной провал в памяти.

Из гостиной тянуло застарелым сигаретным дымом. Вечеринка выдохлась ещё в три ночи, но запах остался. Впитался в шторы, в ковёр, в обивку диванов, смешался с пролитым где-то пивом и чьими-то сладкими духами. Скоро придут уборщики, выскребут всё до стерильности — химия, пылесосы, тряпки. А пока дыши этой кислятиной. Дыши и не блюй.

— Эй.

Девушка приподнялась на локте. Простыня сползла, обнажив грудь — движение вышло ленивым, наигранно-соблазнительным. Заученный жест. Номер три в списке «как удержать богатого парня». Холден заметил, как она покосилась на его часы на тумбочке — быстрый, оценивающий взгляд.

— Ты вообще помнишь, как меня зовут?

Он встал и, не оборачиваясь, пошёл в ванную.

— Нет.

Дверь закрылась с глухим щелчком. За спиной обиженно фыркнули, но он уже не слушал.

Ванная встретила холодным кафелем под босыми ступнями и запахом хлорки. Грасиела накануне драила здесь всё

до блеска — ни пятнышка, ни волоска. В зеркале мелькнуло отражение: взлохмаченные тёмные волосы, тени под глазами, ссадины на костяшках — свежие, вчерашние, обо что-то приложился, уже не вспомнить. Холден отвёл взгляд раньше, чем успел себя рассмотреть.

Душ включил ледяной. До упора. Без перехода.

Вода хлестнула по плечам, перехватила дыхание, заставила стиснуть зубы. Упёрся ладонями в стену, стоял минуту, две, три — пока мозг не прояснился, пока туман из виски и чужих запахов не вымыло в слив. Поток барабанил по затылку, стекал по позвоночнику ледяными ручейками, вымывал чужой запах. Остался только гель — резкий, мятный. Отпустило. Уже легче.

Вытерся жёстким полотенцем насухо, до красных полос на коже. Оделся на автомате. Джинсы. Чёрная футболка. Бомбер. Никаких зеркал.

Дом ещё спал, когда он вышел в коридор. Где-то внизу гремела посудой Грасиела — звон тарелок доносился приглушённо, как из другого мира. Солнечный свет пробивался сквозь витраж над лестницей — старая работа, ещё мать выбирала. Синие, алые, золотые пятна раскрашивали ступеньки, дрожали, живые. Холден замедлил шаг. Перешагивал через красное. Как в детстве. Тогда он верил: наступишь — быть беде. Глупость. Суеверие. Но он всё равно перешагивал. Каждый раз.

На верхней площадке уже ждали.

Её духи вползли в коридор раньше неё — тяжёлые, с гнилостной сладостью, от которой свербило в носу и хотелось чихнуть. Сибилла стояла у перил, поправляя жемчужную нитку на шее — длинные пальцы с идеальным маникюром перебирали бусины одну за другой. Сорок лет, выглядит на тридцать — спасибо хирургам Беверли-Хиллз. Утренний свет безжалостно обрисовывал тонкую сеточку вокруг глаз, но она умело маскировала её тональником. Холден помнил эту историю наизусть: десять лет назад обошла двадцатидвухлетнюю модельку из рекламы купальников, увела отца — и теперь до дрожи боялась, что какая-нибудь новая девица с более упругой задницей провернёт тот же фокус с ней самой.

— Холден, дорогой. Твоя... — пауза, слово она выплюнула с недовольной интонацией, — ...подруга в три ночи искала кухню. Побудила персонал. Я уж решила — грабители.

Холден не остановился. Только бросил через плечо:

— Грабители в твою спальню не сунутся, Сибилла. Там сигнализация на каждый бриллиант. Если камушек сдвинут — полиция выезжает.

Она улыбнулась — уголки губ дёрнулись ровно на ту высоту, что позволял ботокс.

— Как грубо. Твой отец будет разочарован.

— Мой отец в Сингапуре. — Холден уже спускался, и голос его гулко отдавался в пролёте. — И ему плевать.

— Он звонил, кстати.

Пауза. Тишина — такая плотная, что слышно, как внизу, на кухне, Грасиела перекладывает ложки. Сибилла перестала теревить жемчуг. Замерла. Впилась взглядом в его спину — проверяла, попадёт ли.

— Задерживается ещё на неделю. Проблемы с подрядчиками. Просил передать, что перевёл деньги на твой счёт. — Она растягивала слова, смаковала их, как дорогое вино. — На новую машину. В качестве извинения. За пропущенный день рождения.

Холден замер у входной двери.

Ладонь сжалась на холодном металле ручки так, что побелели костяшки. Где-то в глубине дома хлопнула дверь — Грасиела вышла во внутренний двор

Деньги. Отцовские отступные. Опять.

Золотой мальчик — так его называли в прессе. Заголовки, рейтинги, фото в полный рост на фоне яхты. Вот только никто из репортёров не знал, что у этого мальчика внутри.

Десять лет. Мама. Рак яичников — нашли поздно, лечили неправильно, а потом просто развели руками, когда уже ничего нельзя было сделать. Лайонел в это время открывал казино в Вегасе. На похороны прилетел за три часа до начала — и всё равно опоздал, застрял в пробке. Стоял у гроба и сжимал плечо сына так, что остались отметины. Маленькие фиолетовые полумесяцы. Пять штук. Холден запомнил запах лилий у гроба — приторный, удушающий, сладкий до тошноты. Такой же, как духи Сибиллы. Лилии. Она души-

лась лилиями. И священник фальшивил на одной ноте — тонкой, высокой, раздражающей. После этого — няньки, гувернантки, частные школы. Яхта на пятнадцать. «Порше» в шестнадцать. Собственный пентхаус в восемнадцать.

Лайонел правда верил, что чек решает всё. Что ребёнок, заваленный подарками, сыт, одет и счастлив по умолчанию. Холден усвоил другое: откупаются — значит, не нужен. Если тебе платят — тебя не любят. К тринадцати годам он уже не ждал. Просто знал: внутри пусто. И эта пустота не заполняется ни виски, ни скоростью, ни случайными тёлками.

Он усмехнулся — беззвучно, одними губами.

— Передай ему спасибо, — сказал, открывая дверь.

— Холден, я не закончила...

Дверь захлопнулась. Громко. Наотмашь. Так, что у Сибиллы зазвенело в ушах, а стеклянная вставка в двери жалобно задребезжала, но устояла — в этом доме всё делали на совесть, даже стёкла.

В гараже пахло кожей и бензином. Мужской запах. Чистый. «Мазерати» заурчал низко, утробно, вибрация прошла по рулю и отдалась в ладонях, возвращая его в тело. Сцепление. Газ. Он вылетел на подъездную дорожку, разбрасывая гравий, и камешки забарабанили по днищу, как градины.

Всю дорогу до кампуса он думал только о словах Лиамы. «Свежая кровь».

Пошло. Банально. Пиздец как тупо. Но где-то там, под рёбрами, что-то шевельнулось.

С кухни доносился звон посуды и голос отца — он вполголоса ругал сковороду, называл её «бессовестной железкой» и грозил выбросить на помойку. Пахло кофе и чем-то подгоревшим — сладковатый, горьковатый дымок поднимался по лестнице, просачивался в каждую щель, и Скайлар почувствовала, как желудок сжался в тугой комок. Не от голода. От волнения. Первый день. Новый колледж.

Она спускалась медленно, заплетая на ходу влажные после душа волосы. Пальцы работали на автомате — прядь за прядью, в тугую французскую косу, плотно, чтобы ничего не выбивалось. Деревянные ступеньки под босыми ногами были прохладными, чуть шершавыми от старого лака, а из кухни уже тянуло жаром — отец, судя по грохоту и сдавленным проклятиям, вёл неравный бой с блинным тестом.

— Кэти, этот опять комом!

Томас Рид виновато поддел лопаткой бесформенный блин и шлёпнул его на тарелку. Фартук съехал набок, открывая клетчатую рубашку, на щеке красовалось пятно муки.

— Потому что ты снова забыл смазать сковороду, милый. — Кэтрин подошла, встала на цыпочки — она была ему ровно до плеча — и поцеловала мужа в плечо. От неё пахло ванилью и тем самым кремом для рук, который она использовала годами, с лёгким ароматом ромашки. — Ничего. Этот будет мой. Я люблю подгоревшие.

— Ты святая женщина. — Томас рассмеялся, притянул её к себе за талию. Фартук сбился ещё сильнее. — Слушай, а

если серьёзно... Как тебе город? Не жалеешь, что сорвались?

— С чего вдруг? Девчонки со мной, ты рядом. — Она кивнула на окно. Солнце заливало подоконник, и стекло отбрасывало на стену дрожащий зайчик. — Вид шикарный. Мне кажется, у нас тут всё будет хорошо.

Скайлар замерла на пороге кухни. Прислонилась плечом к дверному косяку. За окном и правда открывался океан — тёмная синева, подёрнутая утренней дымкой. В открытую форточку тянуло солью и стрекотом цикад. Она втянула воздух — кофе, подгоревшее тесто, мамин крем, папин одеколон с нотками сандала. Старалась запомнить. Заархивировать. Сохранить в отдельную папку где-то в сознании, чтобы потом, когда станет трудно, открыть и вдохнуть снова.

Любимые джинсы, вытертые на коленях, льняная рубашка, кеды, с трещинкой на правом носке. Коса, затянутая так, что кожа на висках натянулась. Она одёрнула рубашку, проверила задний карман — телефон на месте, — и шагнула в кухню.

— Доброе утро, милая. — Мама чмокнула её в макушку. Губы были тёплые, и от них остался невидимый след. — Волнуешься?

— Немного.

— Врёшь. — Кэтрин прищурилась, и в уголках её глаз собрались лучики-морщинки. — У тебя всегда уши краснеют, когда ты врёшь.

Скайлар машинально потрогала мочку уха — горячая.

Кэтрин рассмеялась, и смех у неё был тихий, домашний, как мурлыканье.

Эйвери ворвалась через минуту. Халат нараспашку, волосы дыбом во все стороны, глаза блестят так, будто она выпила три эспresso, хотя даже не завтракала. Пронеслась через кухню, хлопая босыми пятками по холодной плитке, и плюхнулась на стул с такой силой, что тот жалобно скрипнул и чуть не опрокинулся.

— О-о-о, блинчики! Пап, ты гений, ты святой, ты вообще лучший человек на планете! — Вилкой она подхватила сразу два блина, и сироп потёк по пальцам, закапал на стол.

— Эйв, прожуй сначала. — Скайлар поморщилась, но в голосе проскользнула нежность, которую она не успела спрятать.

— Не завидуй моей многозадачности! — Эйвери прожевала, громко, с чавканьем, облизнула пальцы один за другим и подмигнула Скайлар. — Ну что, сестрёнка, готова к первому дню в новом мире?

— Я готова к ориентации по морской биологии. Это всё, к чему я готова.

— Зануда.

— Поверхностная.

— Девочки. — Кэтрин поставила перед ними по стакану апельсинового сока. Стекло запотело, и на стенках выступили капельки — они медленно ползли вниз, оставляя влажные дорожки. — Дайте отцу спокойно позавтракать. Выяс-

ните отношения позже.

Томас только хмыкнул и плеснул себе ещё кофе. Он привык — даже головы не поднял, просто отхлебнул из кружки и перевернул страницу утренней газеты. Скайлар поймала себя на том, что смотрит на его руки — большие, в мелких шрамах от стройки, — и внутри на секунду стало спокойнее. Всё как обычно. Даже здесь, за тысячу миль от старого дома.

— Планы на сегодня, мисс «я-готова-покорить-этот-город»? — спросил Томас, пододвигая к Эйвери тарелку с новым, чуть менее подгорелым блином.

— Планы? — она задумчиво уставилась в потолок, где лениво вращался вентилятор. — Осмотреться. Понять, кто здесь главный. Составить карту местности. А дальше — по обстановке.

— То есть выследить самого популярного красавчика и не давать ему прохода, — тихо вставила Скайлар, пряча улыбку за стаканом.

— Скай, блин! — Эйвери возмущённо уставилась на неё, но глаза её смеялись. — Я вообще-то про учёбу!

— Да-да. Я слышала.

Эйвери фыркнула и расхохоталась — громко, заливисто, так, что отец вздрогнул и чуть не пролил кофе на газету.

— Ладно, вру. Про парней. Но учёба тоже. Процентом десять. Может, пятнадцать. Не больше.

Томас с Кэтрин переглянулись, пряча улыбки. В этом взгляде было всё: двадцать лет брака, два переезда, две до-

чери, тысячи таких же завтраков.

— Так, красотки, допивайте — и в машину, — скомандовал отец, поднимаясь и подхватывая ключи с крючка у двери. — Подброшу по дороге в офис, заодно гляну на этот хваленый кампус. Посмотрим, на что уходят мои налоги.

Через десять минут они выехали. В салоне пахло нагретой кожей и остатками бензина — знакомый, родной запах, сколько она себя помнила. Кондиционер еле дул, спинка сиденья липла к рубашке, и Скайлар то и дело отлепляла ткань от лопаток. Эйвери всю дорогу крутила радио, переключая станции — хип-хоп, попса, новости, опять попса, — пока Томас не рывкнул: «Выбери уже что-нибудь или выключи!». Эйвери выключила и надулась, но через минуту уже болтала о чём-то с мамой по телефону. Скайлар молча считала пальцы. Прижалась виском к стеклу — и считала: двенадцать, тринадцать, четырнадцать. Их было уже семнадцать, когда показались ворота кампуса.

Томас припарковался у главных ворот, заглушил мотор. Двигатель чихнул и затих.

— Ну всё, девчонки. Приехали. Взрослая жизнь, все дела. Звоните, если что. — Он обернулся к ним, положив руку на подголовник, и в глазах мелькнуло что-то, чего Скайлар не видела раньше. Гордость пополам с тревогой. — И, Эйв, — он придержал за плечо старшую (всего на семь минут, но она этим вечно козыряла), — сделай одолжение, не вляпайся ни во что в первый же день.

— Я? — Эйвери состроила максимально невинное лицо, распахнула глаза так широко, что, казалось, ресницы вот-вот заденут брови. — Пап, ты меня с кем-то путаешь.

— Вообще ни во что.

— Я постараюсь. Очень.

Как только дверца открылась, на Скайлар обрушился шум. Гул голосов, обрывки смеха, чья-то музыка из портативной колонки — басы били так, что вибрировало в груди. Солнце ударило по глазам, и она зажмурилась на секунду, а когда открыла — перед ней раскинулся кампус. Стеклопанные корпуса, сверкающие на солнце, как зеркала, дорожки, забитые людьми: кто-то с рюкзаком наперевес, кто-то на скейте, у каждого второго — стакан кофе и телефон у лица, будто приросший к ладони.

Они вышли. Скайлар замерла, вцепившись в лямку рюкзака так, что побелели костяшки. Слишком много людей. Слишком много шума. Слишком много всего. Мимо пронеслась стайка девушек в шортах и топах, обдав её запахом сладкого парфюма. Она отступила на шаг, едва не врезавшись в парня на скейтборде — тот ловко вильнул, доска простучала по брусчатке, и он крикнул «Сорян!» уже издалека, даже не обернувшись.

Эйвери поправила волосы — взбила их пальцами, придавая объём, — и огляделась с таким видом, будто прикидывала план военной кампании. Глубоко вдохнула горячий воздух, и на губах её расцвела знакомая улыбка.

— Встречаемся у фонтана после пар, хорошо?

— Угу.

Эйвери нырнула в толпу первой. Скайлар проводила её взглядом — прямая спина, уверенная походка. Она поправила рюкзак — лямка врезалась в плечо, — и пошла в другую сторону.

Свой корпус Скайлар отыскала без проблем. Но внутри аудитории у неё перехватило дыхание — панорамные окна во всю стену, а за ними, совсем близко, океан. Он был здесь. Прямо за стеклом. Тёмная вода, белые барашки волн, горизонт, размытый дымкой. Профессор Моррисон — импозантный, седовласый, с обветренным лицом и голосом, от которого гул в аудитории стих сам собой, — вошёл и встал у доски. Скайлар забыла обо всём ещё до того, как он открыл рот.

Пары закончились, она вышла на крыльцо — и замерла. Солнце стояло высоко, воздух дрожал над нагретым асфальтом, и дорожки разбегались перед ней в три стороны, петляя между корпусами. Фонтан. Она понятия не имела, где этот чёртов фонтан. Открыла карту в телефоне, повертела экран — туда, сюда, — но стрелка плясала, а сверху выскочило безжалостное: «Заряд: 3%». Экран мигнул и погас. Скайлар выругалась одними губами — тихо, как всегда.

— Эй, привет. Ты заблудилась, да?

Голос раздался справа. Негромкий, с тёплой хрипотцой, будто его обладатель только что смеялся. Скайлар обернулась. Парень с растрёпанными каштановыми волосами и

рюкзаком на одном плече смотрел на неё с тёплой, немного неловкой улыбкой. Рюкзак сползал, он подтянул его, и Скайлар машинально отметила выцветший принт на футболке: горбатый кит и надпись «Save the whales». Это решило дело.

— Есть немного, — призналась она, и уши предательски заалели.

— Я Тео. Третий курс, морская биология. — Он протянул руку, но тут же осёкся, будто вспомнив, что руки сейчас не пожимают. Получилось неловко. — А ты, судя по потерянному виду, новенькая?

— Скайлар Рид. Перевелась из Орегона.

— Орегон? — Глаза Тео загорелись, он даже подался вперёд, чуть не уронив рюкзак снова. — Ты была на Кэннон-Бич? Там же приливные бассейны — это просто инопланетный мир! Морские звёзды, анемоны, офиуры... Я однажды там нашёл голожаберную улитку — ярко-розовую и полчаса над ней сидел, боясь дышать.

Он тараторил, перескакивая с темы на тему, и Скайлар почувствовала, как напряжение в плечах медленно отпускает. Парень говорил на её языке. Не о том, кто с кем спит, не о вечеринках. О хрупких экосистемах. О миграционных путях. И о том, как однажды его заперли в библиотеке на ночь, и он читал до рассвета, пока охранник не нашёл его спящим в кресле с книгой на лице. Тео размахивал руками, и его рюкзак то и дело сползал с плеча. Он поправлял его, не замолкая ни на секунду.

— Ой, прости, я разговорился. — Он весело рассмеялся и потёр затылок ладонью — жест был такой мальчишеский, что Скайлар невольно улыбнулась. — Слушай, а давай провозу? Тебе вообще куда нужно-то?

— К фонтану. Меня сестра ждёт.

— О, у тебя сестра есть? Мои соболезнования. У меня мелкий брат — та ещё заноза, вечно таскает мои книги и загибает страницы. Ладно, пошли. Фонтан — туда, через центральную аллею. Там дубы старые, их ещё основатель университета сажал, представляешь? Говорят, если загадать желание и обнять дуб, то... Хотя нет, это я уже путаю с какой-то сказкой. Короче, пошли.

Они двинулись через кампус. Тео показывал на здания, комментировал: «Вот здесь лаборатория, там микроскопы такие, что можно разглядеть усики на лапке креветки», «Вот здесь кофейня, но не бери там капучино — молоко кислое, проверено», «А вот здесь я в прошлом году упал в лужу, вот прямо тут, и профессор Моррисон прошёл мимо и сделал вид, что не заметил». Скайлар слушала и почти улыбалась. Почти.

А потом Тео вдруг замолчал. Резко. Так, будто ему выключили звук.

— Оу. Смотри-ка. Местная знаменитость.

Скайлар подняла голову. Солнце ударило в глаза, и она сощурилась, но всё равно разглядела.

По центральной аллее шёл он.

Высокий. Темновласый. В чёрной футболке и бомбере, сидевшем как влитой — явно сшитом на заказ, потому что так не сидит ни одна магазинная вещь. Солнце блестело на запонках — единственной детали, которая кричала о деньгах. Вокруг — свита: две девушки с идеальными стрижками, парни в дорогих кроссовках, и впереди — рыжий, что-то эмоционально втирающий ему в ухо, размахивая руками. Холден двигался сквозь толпу — и люди расступались. Сами собой. Просто отступали на шаг, не глядя, как будто срабатывал какой-то древний, животный рефлекс

На секунду всё затихло. Только стук его шагов по брусчатке да отдалённый смех рыжего.

Скайлар стояла и смотрела. Жар пёк затылок, кожа под рюкзаком взмокла, но она не двинулась с места. Он шёл лениво, двигался с грацией хищника, который точно знает: вся добыча в этом лесу — его. Плечи развёрнуты. Взгляд поверх голов, скользит, ни на ком не задерживаясь. Скользнул по ней — и ушёл дальше.

— Холден Нокс, — тихо сказал Тео. — Его семья владеет «Nox Group». Казино, клубы, половина побережья. В университете его каждая собака знает. И, говорят, лучше не знать.

— Красивый, — так же негромко ответила Скайлар и, помолчав, добавила: — Как акула.

Тео хмыкнул.

— В точку. Я бы ещё добавил «белая». Но это так, детали.

Холден прошёл в десяти метрах. Скайлар заметила сбитые костяшки на пальцах, небрежно сунутых в карман. Ветер дунул в её сторону, и она уловила запах — не духов, а чего-то резкого и свежего. Озон. Как воздух перед грозой, когда небо ещё чистое, но внутри уже натягивается струна. Она сглотнула. Переступила с ноги на ногу. Ногти впились в ладонь — и она только сейчас заметила, что сжимает кулаки.

— Пойдём. Сестра ждёт.

И зашагала быстрее, чем обычно. Тео едва поспевал.

Бизнес-коммуникации оказались такой тоской, что Эйвери чуть не взывала прямо в аудитории. Профессор бубнил про «модели эффективного взаимодействия», голос у него был как у старого вентилятора — монотонный, усыпляющий, с подвыванием на низких нотах. Она сначала рисовала чёртиков в блокноте — рогатых, зубастых, — потом попыталась читать ленту под партой, но связь ловила отвратительно, фотки не грузились. Тогда-то она и начала считать родинки на шее парня, сидящего впереди. Три... четыре... пять... На шестом экземпляре, особенно крупном, выпуклом, соседка справа пихнула её локтем в бок.

— Тоже сдыхаешь тут от тоски?

Эйвери повернулась. Девушка с коротким ёжиком выбеленных волос, пирсингом в языке и бровью, изогнутой в вечном скепсисе. Взгляд прямой, нагловатый, оценивающий — так смотрят на новеньких те, кто в этой школе уже сто лет и имеет право составлять рейтинги. На запястье — кожаный

браслет с шипами, в ушах — маленькие серебряные черепа. От неё едва уловимо тянуло ментолом, и Эйвери тут же захотелось на воздух.

— Просто умираю, — выдохнула она, со стуком откидываясь на спинку стула. Пластик жалобно скрипнул.

— Джессика. Но можно просто Джес.

— Эйвери.

— Новенькая, что ли?

— Из Орегона.

— Орегон? М-да, ну и глухомань. — Джес оценивающе окинула её взглядом, задержавшись на туфлях. — Но ты ничего, выглядишь бойко. Погнали после пары кофе бахнем? Заодно расскажу, кто здесь кто. Чтобы ты с порога не облажалась.

— Отличный план. Только мне надо сестру у фонтана перехватить.

Через полчаса они уже сидели на широкой бетонной скамейке у фонтана. Солнце жарило так, что бортик обжигал даже через джинсы, и Эйвери пришлось подложить под себя рюкзак. Вода с тихим шелестом стекала по каменным уступам, и мелкие брызги долетали до лица. Джессика со стоном блаженства потягивала какой-то ледяной напиток с двойным эспрессо и, не глядя на огромную табличку «Курение строго запрещено» прямо над головой, щёлкнула зажигалкой. Огонёк вспыхнул и погас, оставив струйку дыма.

— Значит, так. — Джес откинулась на скамейку, закинув

ногу на ногу, и выпустила дым вверх, в безоблачное небо. — Местный гадюшник делится на три категории.

— Какие?

— Мажоры. Тусуются в бизнес-школе, живут в Ков-Пойнт. Папаши дарят «Теслы» на шестнадцать, мамыши дружат с пластическими хирургами. — Она хмыкнула. — Ботаны — обитают в библиотеке и на естественнонаучном факе. У этих другой спорт: гранты, публикации, но там тоже есть богатые. И все остальные — массовка. Ты, судя по амбициям, рвёшься в первую кучку.

— Я хочу туда, где весело, — Эйвери пожала плечами, отпивая обжигающий напиток. — Ну и где водятся самые горячие парни.

Джес понимающе усмехнулась, выпуская дым через нос.

— О-о-о, подруга... Тогда тебе прямая дорога к Холдену Ноксу. Но я сразу говорю: забудь. Не советую. От слова совсем.

— Это ещё почему?

— Потому что он псих. — Джес прищурилась и начала загибать пальцы, унизанные серебряными кольцами. — Красивый — до тошноты. Богатый — до абсурда. Трахает всё, что дышит, и ни одна не задержалась дольше пары недель. Мой предок знает эту семейку. Там не семья, а террариум. Мачеха — бывшая модель, трахает мозг. Отец — робот, откупается баблом. А сам Холден... — Она стряхнула пепел и глянула Эйвери прямо в глаза. — Просто эгоистичный му-

дак. С даром разбивать сердца.

— Любопытно. — Эйвери задумчиво покрутила трубочку в стакане.

— Эй! — Джес резко подалась вперёд. — Так, стоп. Я слишком хорошо знаю этот взгляд. Ты сейчас всерьёз думаешь: «А не слабо ли мне, великой и прекрасной, его окрутить?» — Она качнула головой, и серьги-черепа звякнули. — Поверь, не слабо. Просто не стоит. Сожрёт. С костями, с потрохами, с твоими туфлями — и выплюнет, даже имя не вспомнит.

— Может, мне только это и нужно. — Эйвери улыбнулась краешком губ.

— Господи. — Джес закатила глаза, но в них уже блеснуло весёлое любопытство. — Ладно, подруга. Я тебя предупредила. Потом не говори, что не слышала.

Эйвери заметила его издалека. Вернее, сначала она заметила, как расступаются люди — будто невидимая рука раздвигала толпу. А потом увидела его.

Холден появился из-за угла бизнес-школы со своей свитой. По правую руку от него почти вприпрыжку шагал рыжий парень — что-то оживлённо рассказывал, жестикулируя так, будто пытался взлететь. Чуть позади — ещё двое, безликие, в дорогой обуви. Холден слушал вполуха, лениво кидая односложные ответы, и шёл так, как ходят те, кому некуда спешить.

— Это он? — Эйвери даже не заметила, как задала вопрос

вслух. Она во все глаза смотрела на приближающегося парня.

— Собственной персоной. — Джес стряхнула пепел прямо на брусчатку и проследила за её взглядом. — Видишь рыжего рядом? Это Лиам Уэббер, лучший друг и поставщик сплетен. Остальные — массовка.

Холден прошёл мимо фонтана. Эйвери поймала его взгляд — на секунду, не больше. Серые, острые, как февральский лёд под солнцем, глаза мазнули по её лицу, задержались ровно настолько, чтобы успеть оценить — и отбраковать. Без интереса. Будто она была предметом мебели. Стулом. Урной.

Внутри у Эйвери что-то оборвалось и взмыло вверх одновременно. Ярость. Азарт. Жгучая смесь, от которой перехватило дыхание.

— Ну-ну, — пробормотала она, провожая его взглядом. Потом взяла трубочку, резко, с хрустом согнула пластик и выплюнула откушенный кончик в стакан. — Посмотрим ещё, кто кого.

Джес шумно вздохнула и демонстративно затушила сигарету о край скамейки.

— Ну всё. Ты пропала. Я эту картину уже сто раз видела. Ладно. Когда он разобьёт тебе сердце, я приду с мороженым и скажу: «Я же говорила».

Эйвери уже не слышала Джес. Она смотрела Холдену в спину и чувствовала, как внутри разгорается нечто среднее

между охотничьим азартом и уязвлённым самолюбием. Настоящий вызов. Он её не заметил. Он посмотрел сквозь неё. Отлично. Значит, когда она заставит его смотреть только на себя — это будет слаще любой победы.

— Эйвери! Чёрт, ну наконец-то я тебя нашла!

Голос сестры резанул по ушам, выдернув её из этого гипнотического транса, как пощёчина. К фонтану, рассекая толпу, неслась Скайлар — раскрасневшаяся, запыхавшаяся, коса растрепалась, влажная прядь прилипла ко лбу. За ней, едва поспевая и то и дело оглядываясь, будто боясь потерять в этом людском водовороте, семенил парень в дурацкой футболке.

Эйвери выгнула бровь, мгновенно переключаясь из режима «охотник за Холденом» в режим «старшая сестра». Солнце припекало спину, рубашка липла к лопаткам.

— Ничего себе. Скайлар Рид. — Она скрестила руки. — Мы ещё порог этого места не успели переступить, а ты уже...

— Я заблудилась! — выпалила Скайлар, пытаясь отдышаться и хватаясь за бок. — Телефон сдох, и если бы не Тео...

Она махнула рукой в сторону парня. Тот неловко дёрнул лямку рюкзака и выдавил улыбку, переминаясь с ноги на ногу. Капельки пота блестели у него на лбу, и он поспешно вытер их рукавом.

— Тео, — протянула Эйвери, пробуя имя на вкус и скрепящая руки на груди. — Тео, который спасает потерявшихся

новеньких. Очень... благородно. Просто оказался в нужное время в нужном месте и с картой кампуса в голове. Удобно.

— Эйв! — предупреждающий взгляд Скайлар не предвещал ничего хорошего.

Но Эйвери уже было не остановить. Джес поднялась со скамейки, лениво отряхнула джинсы и медленно обошла Тео по кругу, прищурившись.

— Тео, говоришь? Третий курс, морская биология, двенадцать научных публикаций в соавторстве с Моррисоном, не пьёшь, не куришь и лучший друг — чучело рыбы-луны в лаборатории. Я права?

Тео моргнул и инстинктивно попятился, вжав голову в плечи.

— Откуда ты...

— Я знаю всех. Это моё проклятие. — Она повернулась к Эйвери и ткнула большим пальцем в сторону Тео. — Кстати, он из «ботанов». Элитный подвид. Не путать с обычными.

— Тринадцать, — тихо, но с достоинством поправил Тео, одёрнув лямку рюкзака. — Последняя ещё на рецензии. И я не дружу с чучелом. Оно просто стоит в лаборатории.

Джес расхохоталась — громко, хрипловато, — и от души хлопнула его по плечу, от чего он чуть не выронил рюкзак.

— Боже, ты просто подарок. Ладно, Тео-с-тринадцатью-публикациями, с тебя кофе. За спасение сестры моей новой подруги.

— Ну, спас — это громко сказано. — Скайлар наконец

отдыхалась и заправила выбившуюся прядь за ухо. — Он просто показал дорогу.

— Ага, дорогу, — Эйвери подмигнула, обнимая сестру за плечи и прижимая к себе. — Из твоего корпуса сюда. Через весь кампус. Рука об руку.

— Мы не...

— Я шучу, Скай, расслабься. — Эйвери притянула её к себе и звонко чмокнула в висок. — Я рада, что ты не потерялась и теперь не бродишь где-нибудь у химфака, пытаешься найти дорогу по звёздам.

— Химфак в другой стороне, — снова вставил Тео.

— Тем более.

Скайлар выдохнула и позволила себе лёгкую улыбку.

— Ладно, — Джес закинула сумку на плечо и решительно развернулась. — Раз все нашлись, предлагаю свалить отсюда. Тут через дорогу есть нормальная кафешка, без толп мажоров. Заодно расскажете, как прошёл ваш первый день в этом серпентарии.

— Серпентарии? — переспросил Тео, догоняя её в два шага.

— Змеиное гнездо. — Джес бросила на него снисходительный взгляд. — Для биолога ты плохо знаешь латынь. Пошли, гении.

Она двинулась вперёд, не дожидаясь ответа. Эйвери, всё ещё обнимая сестру за плечи, последовала за ней. Наклонившись к самому уху Скайлар, пока Тео шагал впереди, она

прошептала:

— Серьёзно, он милый. Ну, знаешь, милый как... как щенок. Или как тот дельфин из твоего документального фильма. Того, где они спасают людей. Которые тонут.

— Эйв, мы просто говорили о китах.

— О китах, — Эйвери кивнула с глубокомысленным видом знатока. — Конечно. Самый романтичный предмет для разговора. Киты. Я, знаешь ли, тоже так знакомиться начну. «Привет, не хочешь обсудить миграцию серых китов?»

— Заткнись.

— Люблю тебя.

Скайлар закатила глаза, но не сдержала улыбки. Эйвери была невыносимой. Громкой, бесцеремонной, вездесущей. Но именно сейчас, посреди чужого кампуса, эта невыносимость оказалась самым родным, что у неё было.

До кафе дошли быстро. Джес толкнула стеклянную дверь, и внутрь ворвался запах кофе, тёплой выпечки и корицы. С уличной жары помещение показалось прохладным, почти сумрачным: деревянные столы, мягкие диванчики, старая ламповая гирлянда под потолком. Где-то тихо играл джаз — саксофон выводил ленивую, тягучую мелодию. Тео галантно пропустил девушек вперёд, придержав дверь. Эйвери отметила это одобрительным кивком и лёгким толчком локтя в бок Скайлар — мол, смотри, кавалер.

Они заняли угловой столик у окна. За стеклом мелькали студенты, проезжали велосипеды, но звуки улицы остались

снаружи. Джес тут же достала телефон и начала что-то печатать, не переставая осматривать зал. Скайлар села рядом с сестрой, Тео — напротив. Он аккуратно повесил рюкзак на спинку стула и сцепил пальцы в замок на столешнице, пытается унять нервную дрожь.

— Ну, — Джес отложила телефон экраном вниз и обвела всех взглядом, — давайте подведём итоги первого дня. Эйвери уже положила глаз на главного психопата кампуса. Скайлар нашла себе ходячую энциклопедию. А я просто хочу кофе.

— Я на него глаз не положила, — запротестовала Эйвери, откидываясь на спинку диванчика. — Я просто... оценила обстановку.

— Ты смотрела на него, как ястреб на кролика. У меня аж мурашки по спине побежали.

— Это был аналитический взгляд.

— Ага, аналитический. — Джес хмыкнула, отпивая кофе. — Знаешь, сколько девчонок начинали с «аналитического взгляда»? Спойлер: все они потом рыдали в туалете на третьем этаже бизнес-школы. Там самая плохая звукоизоляция, я проверяла.

Эйвери медленно растянула губы — хищно, — и провела пальцем по краю чашки, очерчивая идеальный круг.

— Я не «все они». Я даже не вхожу в эту статистику.

— Ну-ну. Тогда удачи, подруга. Она тебе понадобится. И да, если что, у меня есть пластырь. И отвёртка, чтобы откру-

чивать розовые очки.

Скайлар перевела взгляд с сестры на Джес и тихо спросила:

— Он правда настолько плох?

Джес ответила без паузы, выдерживая зрительный контакт:

— Хуже. Гораздо хуже.

— Увидим, — пробормотала она и поднесла чашку к губам. Кофе почти остыл. На языке — горечь. То ли от напитка, то ли от предвкушения. Она так и не поняла. Да и плевать.

Глава 2. Крючок

Спальня пахла краской — не свежей, не той едкой химией, от которой слезятся глаза, а застоявшейся, впитавшейся в старые обои и смешавшейся с лавандовым спреем. Мама купила его в хозяйственном, «чтобы девочкам лучше спалось». На деле спрей вонял бабушкиным комодом, нафталином и пылью, но Скайлар не жаловалась.

Её половина комнаты была стерильна, как лаборатория. Кровать заправлена идеально — уголок к уголку, ни складки, ни морщинки на покрывале. Над изголовьем — карта океанических течений, пришпиленная канцелярскими кнопками. Два голубых потока, Гольфстрим и Лабрадорское, пересекались где-то в северной Атлантике, и Скайлар иногда водила по ним пальцем перед сном. Это было как медитация. Как смотреть на огонь или слушать дождь. Закрываешь глаза — и ты уже там, в толще воды, где всё предсказуемо и подчиняется законам физики.

За окном догорал вечер — калифорнийский, золотистый, тягучий. Солнечный свет падал на скрипучие половицы длинными косыми полосами, и в этих полосах, медленно кружась, танцевала пыль.

Вторая половина комнаты напоминала место преступления.

Кровать Эйвери выглядела так, будто на ней взорвался

шкаф. Джинсы — одни, вторые, третьи. Две блузки, скомканные и отброшенные. Шарф, который она не надевала ни разу, но продолжала возить с собой через всю страну. И тёмный топ — виновник всего этого хаоса. Она держала его перед собой уже минуты три, хмурясь в зеркало, стоявшее прямо на полу. Вешать его было некуда — гвоздь, оставшийся от прежних жильцов, торчал из стены криво, и чтобы увидеть себя в полный рост, приходилось выгибать шею под неестественным углом.

— Ты серьёзно собираешься это носить? — Скайлар лежала на животе, поджав ноги, и листала справочник по морским беспозвоночным. Текст — сплошная латынь, мелкий, убогий, без единой картинки. И она ведь реально это читала. С каким-то маньяческим упоением, чуть шевеля губами.

— А что? — Эйвери натянула топ через голову, развернулась к сестре. Ткань обтянула грудь, подчеркнула талию, и даже Скайлар на секунду оторвалась от своих драгоценных моллюсков. Бровь её приподнялась на миллиметр — максимальная степень удивления, доступная Скайлар Рид.

— Выглядит так, будто ты идёшь на кастинг. — Она перевернула страницу. Шорох. — Или на охоту.

— Может, и на охоту. — Эйвери поправила лямку, провела пальцами по ключицам, развернулась в профиль, втянув живот. — Скай, ты не знаешь, где уют? Мама сказала, он в коробке с надписью «гостиния».

— В коробке с надписью «гостиная», — эхом повторила Скайлар, даже не подняв глаз. — Ты только что сама ответила на свой вопрос.

Эйвери вздохнула, скомкала ненужную блузку, швырнула её в угол и рухнула на кровать. Пружины под ней взвизгнули и затихли. Утюг был не нужен — вещь сидела идеально, — но требовалось чем-то занять руки.

В голове, как заевший трек, крутилась одна и та же картинка: Холден Нокс идёт по аллее, взгляд скользит сквозь неё. Как будто она — пустое место. Как будто её нет.

В голове, как заевшая пластинка, снова и снова прокручивался один и тот же ролик. Солнце. Брусчатка. Он идёт — высокий, невозможный, в этом чёртовом бомбере. Взгляд скользит мимо — холодный, стеклянный, пустой. Как будто она невидимка. Как будто её нет.

Сука.

Она закинула руки за голову и уставилась в потолок. Там, от люстры к окну, тянулась трещина — тонкая, извилистая, похожая на карту несуществующей реки. Или на старый, затянувшийся шрам.

— О чём думаешь? — Скайлар перевернула страницу.

— О завтра.

— А что завтра?

— Разведка.

Скайлар наконец отложила книгу — та легла на подушку с глухим, тяжёлым стуком. Она посмотрела на сестру долгим,

изучающим взглядом. Эйвери этот взгляд знала и терпеть не могла. Под ним всегда хотелось то ли оправдываться, то ли огрызаться.

— Ты как на войну собралась, Эйв.

— Именно, — сказала она, даже не обернувшись. Отвернулась лицом к стене, прижалась щекой к прохладной штукатурке и закрыла глаза. Под веками, в багровой темноте, он снова шёл по аллее. И снова её не замечал.

Ничего.

Завтра он её увидит.

Даже если для этого придётся поджечь весь кампус.

На следующее утро Эйвери пришла в кампус на сорок минут раньше.

Солнце ещё не раскалилось до состояния паяльника, трава на газонах блестела от холодной росы, и в воздухе стоял запах влажной земли и эвкалипта. Где-то за административным корпусом нервно гудела газонокосилка. Она села на скамейку у корпуса «Б» — стратегическую точку, с которой просматривался и главный вход, и парковка, и тропинка, по которой подтягивались сонные студенты.

Села. Закинула ногу на ногу. Раскрыла конспект по маркетингу. Спина прямая, лицо — «Я просто учусь. Мне вообще плевать, кто тут ходит».

Врала она отвратительно. Каждого входящего выцеживала боковым зрением, как кошка — птицу в траве. Сиденье под ней было влажным от росы, и холод медленно, противно

проступал сквозь джинсы, но она не двигалась. Ждала.

В девять сорок появился он.

Холден вышел из-за угла не с парковки, а со стороны кортов. Утренняя тренировка. Эйвери мысленно поставила галочку в своём досье. Рядом с ним шагал Лиам — рыжий, с жвачкой, которая звучно хлопала у него во рту. Он вещал, размахивая руками, чуть не заехав локтем проходившей мимо девушке. Холден кивал. В руке — телефон, большой палец лениво скользил по экрану.

К ним подошла брюнетка. Юбка-карандаш, волосы убраны в низкий пучок — из тех, кто одевается так, будто уже работает в офисе. Эйвери она была смутно знакома: кажется, с потока финансистов. Брюнетка коснулась локтя Холдена — лёгкое, почти случайное прикосновение, — и что-то сказала, улыбаясь.

Холден поднял глаза от телефона. Посмотрел на неё. Сказал что-то — коротко, буквально пара слов, — и пошёл дальше.

Брюнетка осталась стоять на месте. Рука так и повисла в воздухе — секунда, две, — потом медленно опустилась. Лиам обернулся, кинул какую-то фразу на ходу, и девица вспыхнула красным, ушла быстрым шагом в другую сторону.

Эйвери наклонила голову, делая вид, что перечитывает конспект. А в голове щёлкало.

Прилипчивых — в игнор. Лиам — цербер, отгоняет. Трогать без спроса — нельзя. И главное: он даже не смотрит

на тех, кто сам к нему идёт.

Она захлопнула конспект и пошла на пары. Внутри гудело.

День второй. Кафетерий бизнес-школы, час дня.

Воняло разогретым маслом и дешёвым кофе. И чем-то сладким, приторным, от чего першило в горле. Стоял ровный гул: стук подносов, смех, обрывки разговоров, звон ложек о тарелки — звуковой коктейль, от которого хотелось надеть наушники с шумоподавлением. Эйвери взяла двойной эспрессо и села у окна, в общей зоне. Столик шатался, поверхность была липкой — она приклеилась к ней локтем, поморщилась и отодвинулась.

Угол обзора перекрывал всё.

Угловой диван, над которым висела абстрактная картина — красные и чёрные мазки, похожие на синяки, — был занят. Его заняли они. Холден сидел в центре, закинув руку на спинку дивана. Лиам — справа, что-то рассказывал, подкрепляя слова жестами. Слева — ещё двое: один в бейсболке, второй в рубашке поло. Оба смотрели на Холдена так, будто ждали оценки. К ним подсели две девицы — одна в розовом, другая в чёрном. Розовая тараторила без остановки, смеялась, откидывала волосы, трогала Лиам за плечо — и всё время косилась на Холдена. Чёрная молчала. Просто сидела рядом с ним, чуть склонив голову, и иногда подносила к губам стакан с соком.

Холден не смотрел ни на одну.

Эйвери отпила эспрессо — горький, обжигающий нёбо,

— и продолжила наблюдать. Пальцы свободной руки отбивали дробь по столу. Быстро. Нервно.

Розовая — переигрывает. Слишком громкая, слишком резкая. Чёрная — умнее. Но обе мимо.

Лиам заговорил про вчерашний баскетбольный матч, и Холден вдруг оживился. Выпрямился, снял руку со спинки дивана, начал спорить — впервые за всё время.

Значит, спорт. Или Лиам. Или и то, и другое.

Чёрная поправила прядь волос и что-то шепнула ему на ухо. Холден даже не повернул головы — только плечами пожал. Коротко, лениво.

Эйвери допила остывший кофе, смяла стаканчик — пластик хрустнул, — и выбросила в урну у выхода. Второй день слит. Но не впустую.

День третий. Библиотека, после четырёх.

Эйвери шла за ними через весь кампус. На расстоянии — метров двадцать, не меньше. В одной руке телефон, в другой — незажжённая сигарета, одолженная у Джес для конспирации. В наушниках ничего не играло, но она делала вид, что слушает музыку: беззвучно шевелила губами, будто подпевает, и даже пару раз мотнула головой в такт воображаемому биту.

Холден свернул к библиотеке. Эйвери едва не споткнулась на ровном месте.

В библиотеку?

Её Холден Нокс — тот самый, который выглядел так, буд-

то книга в его руках рассыплется от одного прикосновения, — шёл в библиотеку. Она замедлила шаг, пропуская его вперёд, подождала, пока за ним закроется тяжёлая дубовая дверь, и скользнула внутрь.

С уличной духоты её окатило ледяным воздухом. Кондиционеры работали на полную. В нос ударил запах старой бумаги, книжной пыли и чего-то кисловатого — типографская краска, наверное, или старый клей. Под ногами — тёмный паркет, и каждый шаг отдавался гулким эхом под высокими сводами. Эйвери сбросила кеды, оставшись в одних носках, и двинулась бесшумно. В боковой проход, между стеллажами.

Отсюда просматривался центральный зал.

Холден стоял у стойки с финансовыми журналами. Вытащил один — на обложке сплошные графики, — раскрыл и начал листать. Не пролистывал, а именно читал: задерживался на страницах, хмурился, покусывал нижнюю губу. Челюсть сжата. Палец скользил по строчкам, губы беззвучно шевелились — он проговаривал про себя цифры.

Эйвери смотрела на него сквозь просвет между книгами. В висках застучало, и она затаила дыхание, чтобы не выдать себя. В этом свете — тусклом, желтоватом, падающем из-под высоких потолков, — он выглядел иначе. Просто парень, который в тишине читает финансовый отчёт и даже не подозревает, что за ним наблюдают.

Она попятилась, бесшумно вернулась к выходу, обулась и

выскользнула за дверь.

В четверг.

Эйвери психанула. Три дня наблюдений, блокнот с пометками, которые теперь казались детским лепетом, — и ноль результата. Холден Нокс смотрел сквозь неё, как сквозь стекло. Не с вызовом. Не с интересом. Просто — никак. И это «никак» жгло сильнее самого грязного оскорбления.

Она нашла его на парковке после занятий. Чёрный «Мазерати» стоял в тени эвкалиптов, и Холден как раз садился за руль — одна рука на дверце, вторая уже на ключе зажигания. Лиам привалился к капоту и говорил что-то про вечеринку.

Эйвери подошла быстро, пока внутренний голос не успел заорать «стой, дура, не позорься». Встала так, чтобы закатное солнце падало на скулы, — она сто раз репетировала этот ракурс перед зеркалом.

— Привет, — сказала она. Голос ровный. Чуть ниже, чем обычно. Она знала, как это звучит. — Я Эйвери.

Холден поднял голову. Медленно. Без спешки. Свет бил ему прямо в лицо, и он сощурился — не от интереса, а просто потому, что мешало. Взгляд скользнул по ней: лицо, шея, плечи, — и упёрся обратно в глаза. Оценивающе. Равнодушно.

— Поздравляю, — сказал он без единой интонации. — А я занят.

— Я вижу. — Эйвери не двинулась с места. Солнце грело затылок, капля пота медленно ползла по позвоночнику,

но она не шелохнулась. — Но ты мог бы освободиться. Для меня.

Лиам присвистнул. Коротко, одобрительно — как свистят на матче, когда игрок делает красивый финт.

Холден даже не улыбнулся. Он выпрямился.

— Слушай, — сказал он, и в голосе прорезалась усталость. Не злая. Просто констатация факта. — Ты красивая, окей? Я это заметил. Ты довольна? А теперь дай мне уехать.

— Я...

— Может, как-нибудь потом.

Он захлопнул дверь. Глухо, тяжело. Мотор взревел, и машина вылетела с парковки, оставив за собой запах нагретого асфальта и бензина.

Эйвери стояла на месте. Тишина после рёва мотора была оглушительной — звон в ушах, и к горлу подкатил горячий ком. Щёки горели. Не от смущения — от злости. Чистой, бешеной.

— Не переживай, детка. — Лиам проходил мимо, закидывая рюкзак на плечо. Голос почти сочувственный, но в уголках губ пряталась та самая раздражающая усмешка. — Он со всеми такой. Реально. Ты ещё легко отделалась.

Он подмигнул и пошёл прочь, насвистывая что-то до отворачивания весёлое.

Эйвери сжала кулаки. Ногти впились в ладони — до полумесяцев, до красных отметин. Боль отрезвила. Сдаваться она не собиралась. Ни за что. Не заметил?

Запомнит.

В пятницу вечером Скайлар сидела в гостиной, поджав под себя ноги, и разбирала фотографии на ноутбуке. Экран был единственным источником света в комнате — холодный, голубоватый. Морские звёзды, актинии, какой-то краб, который улепётывал боком, смешно задирая клешни. Она улыбнулась, кадрируя снимок: краба решила оставить, а своё отражение в луже — обрезать. Слишком серьёзное лицо. Слишком нахмуренное. Не для архива.

В доме было тихо. Только ветка эвкалипта скреблась в окно, как просилась внутрь, да в соседней комнате гудел телевизор. Родители собирались в кино, и мама уже третий раз переспрашивала, где ключи. Папа шутил что-то про то, что они у неё в руке. Эйвери опять где-то шлялась.

В дверь позвонили.

Скайлар подняла голову, поморгала, прогоняя резь в глазах. Родители возились в прихожей — она слышала мамин смех и папино покашливание, — но они, видимо, не услышали звонка за собственными разговорами. Она пожала плечами, спустила ноги с дивана и пошла открывать.

На пороге стоял Тео.

Вид у него был слегка запыхавшийся — дышал глубоко, но старался делать это бесшумно, будто боялся, что его дыхание выдаст спешку. В одной руке — бумажный пакет, в другой — телефон с открытой картой, на которой маршрут до их дома был проложен жирной синей линией. За его спи-

ной сгущались сумерки, и на улице, моргнув, загорался первый фонарь.

— Привет, — выпалил он, чуть громче, чем собирался.
— Я тут мимо проходил. Ну, не совсем мимо. Если честно, я специально пришёл.

Он замолчал, переложил пакет из руки в руку. Бумага шуршала, и от пакета пахло корицей. Кажется, булочки.

— Это не страшно?

— Привет, Тео. — Скайлар прислонилась плечом к дверному косяку и скрестила руки на груди. Уголки губ дрогнули. — Ты пришёл, чтобы сказать, что ты специально пришёл?

— Нет. — Он выдохнул, и пар от дыхания — вечер был прохладным — на секунду завис в воздухе белым облачком. — Я хотел спросить: ты завтра на экскурсию идёшь? К Пойнт-Лома? Моррисон сказал, будет открытая группа для всех желающих. Я подумал — вдруг ты собираешься. Это, кстати, уникальное место с точки зрения приливной экосистемы, там такие бассейны, которые...

Он осёкся, поняв, что снова уходит в лекцию.

— Собиралась, — кивнула Скайлар, не дожидаясь, пока он оправдается.

— Отлично. Супер. — Он переложил пакет обратно. — Потому что у меня машина. И я знаю короткую дорогу. И вообще могу заехать за тобой. А ещё я взял новый объектив для камеры. Макро. Можно будет нормально поснимать. Ты

не представляешь, какие там актинии — ярко-зелёные, с розовыми кончиками щупалец. Они как инопланетные цветы...

Скайлар смотрела на него, и подушечки пальцев вдруг потеплели. Плечи, опустились. Он нервничал. Запинался, перекидывал пакет, забывал дышать. И от этого был каким-то... настоящим. Не как все.

— Тео, — сказала она медленно, — ты меня зовёшь на экскурсию или на свидание?

Он моргнул. Замер. Телефон в его руке погас, и карта с синей линией исчезла. Потом он усмехнулся — кривовато, но открыто, — и Скайлар вдруг стало очень легко.

— А можно и так, и так?

Губы Скайлар дрогнули. Она опустила взгляд, чтобы спрятать улыбку, но та всё равно просочилась в голос.

— Давай так, — сказала она. — Мы едем на экскурсию. А свидание — посмотрим.

— Идёт. — Тео просиял. — Я заеду в восемь утра. Будет круто, обещаю. И булочки. Я взял булочки. Они ещё тёплые. Держи.

Он сунул ей в руки пакет, попятился, чуть не споткнулся о порожек, развернулся и пошёл к калитке — быстрым, почти подпрыгивающим шагом. Скайлар смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, и только потом закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной. Прижала пакет с булочками к груди. От бумаги шёл жар, и запах корицы смешивался с вечерней прохладой.

Из прихожей раздался мамин голос:

— Скай, кто там был?

— Никто, — сказала она, и на этот раз даже уши не покраснели.

В субботу утром «Субару» Тео тархтел на подъёмах, но ехал. Мотор старательно гудел, вибрация отдавалась в сиденье, и Скайлар чувствовала, как этот шум и эта тряска странным образом успокаивают. Тео опустил все окна, и в салон ворвался ветер — тёплый, солёный, пахнувший сухой травой с холмов и далёким океаном. Скайлар положила руку на раму и высунула ладонь наружу — ловила воздух, как делала в детстве, когда они с отцом ездили на побережье.

Она покосилась на Тео. Тот улыбался всю дорогу — не натянуто, а так, будто улыбка сама приклеилась и забыла отклеиться. Уголки губ — вверх, глаза — сощурены от солнца.

— Ты чего такой довольный? — спросила она, опираясь подбородком на сгиб локтя.

— Потому что день хороший, — ответил он. — И компания.

— Ты всем девушкам это говоришь?

— Нет. — Он на секунду оторвал взгляд от дороги — серпантин требовал внимания — и посмотрел на неё. Быстро, на долю секунды. Но достаточно, чтобы Скайлар заметила: его глаза были медовые. — Только тем, которые знают латынь.

Она рассмеялась. Негромко, но искренне, и смех этот унесло ветром в открытое окно, в холмы, в небо.

Внизу, у самой воды, мир был другим.

Скалы уходили в океан, и волны разбивались о камни с глухим, утробным рокотом — звук был такой низкий, что Скайлар чувствовала его грудью. Воздух стал плотным, солёным до горечи на губах, настоящим на йоде и мокрых водорослях. Брызги долетали даже сюда — она чувствовала их на щеках, но не вытирала. Зачем? Это же океан.

Она присела у кромки воды и начала рассказывать — про местные виды ламинарий, про *Macrocystis pyrifera*, которая растёт на полметра в день. Про то, как теплеет вода и меняется вся экосистема, и как миграционные пути смещаются, и что будет с приливными бассейнами через десять лет, если ничего не делать. Голос уже чуть охрип, но внутри ещё кипело — столько всего нужно было рассказать, — и она не могла остановиться.

Тео стоял рядом с камерой в руках. И даже не щёлкал затвором. Просто слушал. Камера висела на ремне, объектив смотрел в землю.

— Эй, Тео. — Она вдруг спохватилась и обернулась. — Ты меня вообще слушаешь?

— Ага. — Он опустил взгляд на камеру, будто только что вспомнил, что она у него есть. В глазах плясали чёртики. — Ты милая, когда рассказываешь про водоросли.

— Ага, значит, всё-таки не слушал!

— Честное слово, слушал! — Он поднял руки, сдаваясь. — Ты говорила про *Macrocystis pyrifera*. И что эта штука

умудряется расти чуть ли не на полметра в день. Я даже запомнил.

Скайлар моргнула. Медленно выгнула бровь.

— Ого... — Она покачала головой, но улыбка уже расплзалась, предательская. — Ладно. Беру свои слова обратно. Ты реально слушал.

— Ну я же говорил. — Тео довольно улыбнулся и наконец поднёс камеру к глазам, делая вид, что снимает её удивлённое лицо.

Солнце поднималось, тени от скал становились короче, а они всё не уходили. Тео нащёлкал кучу кадров: волны, крабов, которые боком улепётывали от прибоя, цокая клешнями по мокрому камню, и Скайлар, которая корчила ему рожи, когда он слишком долго целился объективом. Один раз она попыталась отобрать камеру — он поднял её над головой, и они оба поскользнулись на водорослях. Ледяная вода хлынула в кроссовки, Скайлар взвизгнула и вцепилась в его рукав, но они устояли — каким-то чудом.

Скайлар хохотала, запрокинув голову. Чайки над скалами вторили ей — пронзительно, хрипло, как будто тоже смеялись. Тео смеялся в ответ, и его смех был похож на лай — отрывистый, громкий, заразительный.

Вокруг не было ни души.

Только океан. Только чайки. Только они двое и мокрые кроссовки, которые теперь сохли на солнце.

А в это время Эйвери и Джессика валялись на лежаках у

бассейна. Вернее, Джессика валялась — одна рука в банке с чипсами, вторая держит сигарету, — а Эйвери прожигала небо взглядом. Снова и снова прокручивала в голове одну и ту же сцену: парковка, «может, как-нибудь потом». Вода в бассейне лениво плескалась о бортик, пахло хлоркой и разогретым пластиком, и от этого химического запаха першило в горле. Откуда-то доносился чей-то смех — лёгкий, девчачий, — и он бесил её особенно сильно.

Джессика потягивала что-то из банки — газировка шипела, — стряхивала пепел в пустую бутылку из-под воды и рассказывала про бывшего, который оказался козлом. Эйвери кивала, но не слушала.

— ...и он заявил, что нам нужно «время подумать», а сам через два дня выложил фото с какой-то блондинкой. Ты вообще меня слышишь?

— Ага.

— Врёшь.

— Вру. — Эйвери вздохнула и перевернулась на живот. Пластик лежака обжёг плечо, и она отдёрнулась, зашипев. — Джес, вся неделя. Вся чёртова неделя коту под хвост. Я хожу за ним, как приклеенная, собираю данные и всё в пустую.

— Ну, ты не просто ходишь. — Джессика затушила сигарету и повернулась к ней, поджав под себя ногу. — Ты ведёшь разведку. Это другое.

— Ага, и данные я собрала просто потрясающие. Выяснила, что наш мальчик обожает чёрный цвет, глушит виски,

уважает только Лиам и бесится, когда к нему липнут. И что мне прикажешь делать с этой бесценной информацией?

— Ну так и не липни. — Джессика безразлично пожала плечами. — Сделай так, чтобы он сам за тобой побегал.

— Легко сказать. Как? Написать ему список моих достоинств? Снять рекламный ролик?

— Слушай сюда, горе-стратег. — Джессика постучала пальцем по подбородку и прищурилась. — Ему нужна встряска. Что-то, чего он не ждёт. Ты перед ним танцевала с бубном: «Ах, посмотри на меня, я красивая». А надо — тишину. Попробуй быть непонятной. Или найди то, чего у него ещё не было.

Эйвери замолчала. Перевернулась на спину и уставилась в небо. А ведь Джессика права. Её первоначальный план «быть яркой и заметной» с треском провалился. Холдена этим не удивишь — у него таких пруд пруди. Значит, оставался только один путь. Нужно выкинуть что-то по-настоящему безумное.

В воскресенье вечером Эйвери лежала на кровати и ту-по листала ленту инстаграма. Телефон светился в темноте, выхватывая из полумрака её лицо — сосредоточенное, чуть раздражённое. Скайлар сидела за столом у окна и что-то чертила в блокноте. Судя по высунутому кончику языка и тому, как она хмурилась, — очередной конспект по зоологии беспозвоночных. В родительской спальне скрипнула половица, потом шаги стихли. В доме было тихо.

Телефон пиликнул. Джес.

«Короче, план Капкан». Он сегодня точно будет в Инферно». Моя знакомая там на баре сидит, говорит, он обычно по выходным зависает в випке один. Типа бумажки отцовские проверяет или типа того. Твой шанс, детка. Действуй».

Эйвери аж подскочила. Пружины кровати взвизгнули. Внутри что-то ёкнуло — не сердце, а диафрагма. Так бывает перед прыжком в воду: замираешь, а потом летишь.

— Скай. — Она повернулась к сестре. — Как я выгляжу?

— Как обычно. — Скайлар подняла голову, прищурилась.

— А что?

— А если я сделаю вот так?

Эйвери проигнорировала вопрос. Схватила помаду, одним движением провела по губам — тёмно-вишнёвую, почти чёрную в вечернем свете. Потом распустила волосы — они рассыпались по плечам, — стянула домашнюю футболку и натянула чёрное платье. Облегающее. Без бретелек. Держалось на честном слове и силе трения. Каблуки — десять сантиметров, шпилька. Она нанесла последний штрих — короткий взмах кисточкой с хайлайтером по скулам — и развернулась к сестре.

— Мама убьёт тебя за этот наряд, — спокойно заметила Скайлар, отложив ручку.

— Мама не узнает. Скажешь, я у Джессики. Если что, ок?

— Эйв. — Скайлар нахмурилась. — Ты куда?

— В клуб.

— В какой?

— «Инферно». Это в Коув-Пойнт.

Скайлар помолчала. Про «Инферно» говорили в кампусе — кажется, его держала семья того самого Нокса. Она запомнила это, потому что Тео как-то упомянул название с отвращением, пробормотав что-то про «капиталистический ад». Но сейчас, глядя на сестру, она подумала о другом. Сейчас Эйвери смотрелась так, будто всю жизнь только и делала, что ходила по таким местам.

— С кем ты идёшь? — спросила Скайлар.

— Одна.

— Одна в клуб? В таком платье?

— А что? — Эйвери развернулась, уперев руки в бока. В глазах блеснул вызов. — Выгляжу как шлюха?

— Ты выглядишь сногсшибательно, — ровно ответила Скайлар. — Поэтому я и спрашиваю.

Эйвери смягчилась. Подошла, наклонилась и чмокнула сестру в макушку — прямо в пробор, от которого пахло шампунем с лавандой.

— Не волнуйся, мамочка. Я умею за себя постоять. Вернусь к полуночи.

Скайлар выдохнула и кивнула. Спорить с Эйвери, когда у той в глазах этот блеск, — бесполезно. Она давно это усвоила.

Эйвери вызвала такси и всю дорогу смотрела в окно. За стеклом проплывали пальмы, вывески, чьи-то пьяные ком-

пани на тротуарах. Водитель молчал, из колонок тихо играло что-то латиноамериканское. В салоне пахло кожей и хвойным освежителем. Эйвери приоткрыла окно, впуская влажный ночной воздух, и он остудил разгорячённые щёки.

Внутри всё сжалось в тугую, холодную пружину. Она больше не собиралась быть яркой. Она собиралась быть опасной. Она прокручивала в голове сценарии: вот она входит, вот он поднимает глаза, вот она говорит что-то такое, от чего его фирменное равнодушие трескается по швам. Сегодня он её заметит.

И ради этого она была готова на всё.

Таксист высадил её у входа. «Инферно» гудел, как разворошённый улей — низко, утробно. Очередь извивалась вдоль фасада: девицы в блёстках, парни с расстёгнутыми воротниками, охранник с шеей размером с её бедро. Музыка долбила так, что асфальт вибрировал под ногами, отдаваясь в каблуках.

Эйвери не встала в очередь. Она подошла прямо к амбалу, поймала его взгляд и улыбнулась — так, будто её имя уже значилось в списке.

— Я к Холдену Ноксу. Он ждёт.

Враньё чистой воды. Но охранник смирил её взглядом — от шпилек до тёмных губ, — задрал бровь и молча отошёл в сторону. Эйвери прошла, не оглядываясь.

Внутри было темно, душно и оглушительно громко. Музыка била по рёбрам, проникала под кожу, задавая ритм

сердцу. Красный свет заливал танцпол, где тела двигались единой массой, и капли пота вспыхивали в этом алом, разлетаясь в стороны. В воздухе смешались запахи разгорячённой плоти, приторных духов и едкого дыма. Над танцполом, на втором ярусе, темнели вип-ложи — отдельный мир за стеклом и бархатом.

Эйвери прищурилась, привыкая к полумраку, и двинулась к лестнице. Шпильки цокали по металлическим ступеням — резко, ритмично, перекрывая басы. Холодные перила скользили под влажной от волнения ладонью. На неё оборачивались — провожали взглядами, — но она не оборачивалась в ответ.

В вип-зоне было тише. Кожаные диваны, тяжёлые портьеры, приглушённый свет. Пахло дорогим виски и кальянным дымом.

Она увидела его сразу.

Холден сидел один в угловой ложе. Перед ним — раскрытый ноутбук, но смотрел он не в экран, а куда-то в сторону танцпола, лениво покручивая стакан с виски. Лёд тихо звенел. Эйвери втянула воздух и двинулась к нему. Туфли перестали цокать — здесь был ковёр, тёмно-бордовый, глушащий звуки.

— Скучаешь или делаешь вид?

Она села на диван напротив, не дожидаясь приглашения. Закинула ногу на ногу — медленно, с ленивой грацией.

Холден перевёл взгляд. В полумраке его глаза казались

чёрными. Узнавание мелькнуло — и погасло.

— Бля. Ты что, меня преследуешь? Не понимаешь слова «нет»?

— Я понимаю. — Эйвери взяла его стакан — прямо из-под его пальцев, — и сделала глоток. Виски обжёг горло, но она даже не поморщилась. — Просто не принимаю его как окончательный ответ.

Он смотрел на неё. Теперь — с оттенком любопытства, как смотрят на собаку, которая вдруг заговорила.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Чтобы ты перестал притворяться, что тебе не скучно.

— Я не притворяюсь. Мне скучно. И ты ситуацию не управляешь.

— Ты даже не даёшь мне шанса. — Она откинулась на спинку, копируя его позу: нога на ногу, рука на спинку, подбородок чуть вздёрнут.

Холден чуть склонил голову набок.

— Ладно, — сказал он после долгой паузы. — Даю тебе шанс. Удиви меня.

Эйвери выдохнула. Вот он. Момент.

— Ты красивый. Я красивая. Ты не хочешь отношений — я тоже не хочу. Предлагаю честную сделку. Секс, когда хотим. Без обязательств. Без ожиданий. Без драм. Если надоест — расходимся. Всё просто.

Холден опешил. На его лице — впервые за всё время — отразилось что-то кроме скуки. Он молчал несколько се-

кунд, переваривая услышанное. А потом коротко, искренне рассмеялся. Без злости, скорее от полного шока.

— Слушай... ты вообще нормальная?

— Понятия не имею. А ты?

Он покачал головой, всё ещё усмехаясь.

— Обычно девчонки хотя бы для приличия строят из себя недотрог и делают вид, что им нужно от меня что-то возвышенное.

— Я вообще не как все. — Эйвери подалась чуть вперёд, и её голос упал до интригующего шёпота. — Так что? Твой ответ?

Он смотрел на неё секунду. Другую. Потом хмыкнул — коротко, одобрительно, — и поднялся. Обошёл столик и остановился прямо перед ней. Так близко, что она почувствовала запах виски в его дыхании.

Протянул руку ладонью вверх.

— Поехали.

Эйвери вложила свои пальцы в его широкую ладонь. И в ту же секунду по ней — от кончиков пальцев до плеча и куда-то глубже, под рёбра — с треском пронеслась обжигающая электрическая искра. Пальцы Холдена сжались вокруг её запястья — крепко, властно, — и она почувствовала, как на его ладони бьётся её собственный пульс. Часто. С переборами.

Эйвери прекрасно знала, на что подписывается. У их союза не было и не могло быть сердца.

Ну и чёрт с ним.

Она поднялась. Каблуки сделали её почти одного роста с ним. Почти. Он всё ещё смотрел на неё сверху вниз — и ему это нравилось.

Она шагнула первой. Не оглядываясь. Но его пальцы, так и не отпустившие её запястье, жгли.

Глава 3. Сделка

Холден вывел её через служебный выход. Не поволок через главный зал, где пришлось бы продираться сквозь пьяную толпу и сотни взглядов. Они спустились по узкой бетонной лестнице — здесь пахло сыростью и прокисшим пивом, лампы гудели, туфли цокали по ступеням, и эхо металось между голых стен.

Запаястье до сих пор горело в тех местах, где его пальцы сжимали кожу. Пять точек. Она не смотрела — если посмотрит, они станут ещё горячее. Она это знала.

Парковка для персонала. Чёрный «Мазерати» стоял под фонарём. Вокруг плафона вился рой мошкар — бились о раскалённое стекло и падали на асфальт. Холден щёлкнул замком, распахнул пассажирскую дверцу. Эйвери скользнула внутрь. Кожаное сиденье обожгло холодом обнажённые бёдра. Она одёрнула платье — бессмысленный жест, ткань и так едва прикрывала колени, а теперь и вовсе задралась. Да и чёрт с ним.

Холден сел за руль. Мотор заурчал — низко, мощно, — и машина сорвалась с места. За тонированным стеклом поплыли огни ночного города.

— И куда мы едем? — спросила она.

— Ко мне.

Он не повернул головы. Одна рука на руле, вторая — на

подлокотнике, пальцы то сжимаются, то разжимаются. Ритм не совпадает с басами из колонок. Низкий, тягучий бит заполнял салон. Эйвери смотрела на его руку. Длинные пальцы, ухоженные, с содранной костяшкой на указательном — свежая ссадина, даже не подсохла. Она думала о том, что эти пальцы будут делать через полчаса. И о том, что могли бы сделать прямо сейчас. В животе скручивался тугой, горячий узел.

Холден смотрел на дорогу. Подчёркнуто. Демонстративно. Челюсть сжата, на скуле перекачивается желвак.

Эйвери улыбнулась уголком губ.

Ну что ж. Играть так играть.

Она чуть откинулась на сиденье, прикрыла глаза и медленно провела пальцами по внутренней стороне бедра — вверх, к краю платья. Кожа была горячей. Ладонь скользнула под резинку трусиков — влажно. Клитор пульсировал — глухо, настойчиво. Она надавила, сделала круг. Дыхание сбилось сразу — выдох получился рваным, тихим, почти всхлипом. Вторая ладонь сжалась на краю сиденья.

Машина вильнула.

— Ты что творишь? — Голос Холдена просел на октаву ниже.

— Не отвлекайся от дороги, Нокс. — Она даже не открыла глаз. Улыбка стала шире.

— Я серьёзно. Завязывай.

— Я тоже серьёзно.

Пальцы продолжали двигаться — медленно, по одному и тому же кругу. Она чуть запрокинула голову, прикусила губу и почувствовала, как спина сама выгибается вперёд, навстречу собственной ладони.

— Просто не могу ждать. — Голос сел до шёпота. — Ты слишком долго ведёшь.

Поворотник щёлкнул. Резко. Машину дёрнуло к обочине, и Эйвери вжало в сиденье. Они замерли у кирпичной стены какого-то склада. Двигатель ещё урчал, когда Холден отстегнул ремень и перегнулся через подлокотник. Его пальцы схватили её за подбородок, заставляя поднять голову. Глаза у него были почти чёрными, только в зрачке дрожал жёлтый огонёк от далёкого фонаря.

— Ты издеваешься?

— Нет. — Она смотрела, не моргая. — Я просто хочу тебя. Прямо сейчас.

Он выругался сквозь зубы. Рука ушла вниз, туда, где всё ещё двигались её пальцы. Убрал их — бесцеремонно, грубо, — и заменил своими. Один палец вошёл сразу, второй — через секунду. Эйвери ахнула и подалась бёдрами вперёд.

— Чёрт... — Его дыхание сбилось. Пальцы внутри неё сжались, и она почувствовала, как они скользят по влажным стенкам. — Ты реально не шутила.

— Я же говорила.

Он наклонился и поцеловал её — жёстко, без предисловий. Язык сразу толкнулся в рот, зубы прикусили нижнюю

губу. На языке остался привкус металла и виски. Эйвери ответила тем же — вцепилась в его плечи, притянула ближе, хотя пространства между ними почти не осталось.

— Назад, — выдохнул он, отрываясь от её губ. Голос прозвучал глухо, как приказ.

Она не подчинилась. Вместо этого подалась ещё ближе и прикусила мочку его уха — резко, до короткой вспышки боли.

— Ты же не думал, что будет легко, Нокс?

Он выдохнул что-то среднее между смешком и рычанием, и в следующую секунду его руки уже тащили её назад — через подлокотник, прямо на заднее сиденье. Эйвери задела бедром руль, и на всю улицу рывкнул клаксон. Она рассмеялась, но смех тут же оборвался — Холден уже сдёргивал с неё трусики, даже не пытаясь расстегнуть молнию на платье. Его собственные джинсы полетели вниз следом. В темноте она увидела его член — твёрдый, влажный на кончике, — и низ живота свело от острого, почти болезненного предвкушения.

— Садись.

Она оседлала его. Он вошёл сразу, без паузы — резко, глубоко, до предела. Эйвери застонала и вцепилась зубами в его плечо, прямо через футболку. Холден сжал её бёдра так, что пальцы продавили кожу до мышц, и начал двигаться — сильно, снизу вверх, в ритме, который отдавался где-то в основании позвоночника.

Стёкла запотели. Весь мир снаружи перестал существовать. Только его дыхание у её ключицы, влажный жар кожи, смешанный запах парфюма и пота, и руки — сильные, жёсткие, впивающиеся в неё, как будто он боялся, что она исчезнет. Она двигалась в такт, запрокинув голову, и растрёпанные волосы хлестали по спине.

Оргазм накатил ударом — от клитора в живот, выше, до самого горла. На пару секунд всё исчезло — свет, звук, время. Эйвери рухнула ему на грудь, тело ещё мелко дрожало. Он кончил следом — с глухим стоном, вжав её в себя. Пальцы впились в ягодицы, оставляя следы. Его тело под ней на мгновение напряглось, замерло, а потом медленно расслабилось.

Тишина. Только остывающий двигатель и их рваное дыхание.

Эйвери всё ещё сидела на нём. Платье сбилось на талию, пряди волос прилипли к вискам.

— Бля, — выдохнул он наконец. — Вот так сразу?

— А зачем чего-то ждать? — Она улыбнулась ему в шею, губами чувствуя, как под кожей всё ещё колотится его пульс. Быстро. Неровно.

Он задержал на ней взгляд. Что-то в лице изменилось — не привычная скука, не ленивое превосходство. Скорее, переоценка. Будто он ожидал одну игру, а получил совсем другую. И ещё не решил, нравится ему это или бесит.

— Поехали домой, — сказал он наконец.

— А разве мы не закончили? — Она вскинула бровь.

— Нет. — Он аккуратно снял её с себя, поправил джинсы.

— Это был разогрев.

До особняка долетели за пятнадцать минут. Холден провёл её через тёмный холл, мимо бассейна, подсвеченного голубым — вода отбрасывала блики на стены, и они бежали по штукатурке, как живые. Вверх по лестнице. Спальня: окна от пола до потолка, за стеклом — океан, огромная кровать, серое постельное бельё. Эйвери огляделась. Ни одной личной вещи, ни одной фотографии. Как гостиничный номер.

Второй раз был медленнее.

Он раздел её — не торопясь, словно изучая. Провёл губами по шее, ключице, груди. Эйвери закрыла глаза и перестала думать. Его язык обводил соски, мучительно медленно, пока она не начинала выгибаться навстречу. Пальцы внутри неё — два, потом три, — растягивали, находили ритм, от которого из горла вырывались звуки, каких она за собой раньше не знала. Его член скользил по влажным складкам, прежде чем войти.

Теперь он двигался иначе. Никакой спешки. Медленно, почти невыносимо — то погружался до упора и замирал, то выходил почти полностью. Эйвери стонала в голос. Ей было плевать — на прислугу, на мачеху, на весь этот чёртов дом. Она чувствовала его внутри — каждое движение, каждую вену. Капля пота сорвалась с его виска и упала ей на грудь, скатилась между.

Когда он ускорился, она кончила снова — на этот раз тише, глубже, это было похоже на долгий выдох после задержки дыхания.

Утром проснулась от солнца — резкого, калифорнийского, бьющего прямо в лицо. Холден спал рядом, на животе, зарывшись лицом в подушку. Лопатки выступали под кожей. Светлые волосы на спине, выгоревшие на солнце. Позвоночник — ровная линия, уходящая под простыню.

Красивый, подумала она. Вот же ж зараза.

Она поднялась бесшумно. Оделась быстро, стараясь не шуршать тканью. У двери на секунду замерла, бросила последний взгляд на его спящую фигуру. Выскользнула из спальни, из дома, на улицу — и только там, на утреннем свете, выдохнула. Глубоко. Полной грудью.

Свои правила Эйвери нарушать не собиралась.

Дома её встретил запах свежесваренного кофе. В доме было тихо. Родители уже разбежались: папа умчался в новый офис, мама уехала присматривать мебель для гостиной. Эйвери скинула туфли в прихожей, и те с глухим стуком упали на коврик. Босиком прошла в спальню.

Скайлар ещё спала, свернувшись калачиком под одеялом. На тумбочке — раскрытый справочник, закладка на середине главы про головоногих. Рядом телефон, экран ещё светится: заснула, переписываясь.

Эйвери рухнула на свою кровать прямо в мятом чёрном платье. *Мышцы приятно гудели, веки налились свинцом* —

такой усталостью, после которой отключаешься мгновенно. Она закрыла глаза и улыбнулась. Игра определённо стояла свеч.

Телефон на тумбочке завибрировал. Эйвери приоткрыла один глаз — не её. Скайлар заворочалась, вслепую нашарила трубку.

— Алло? — Голос хриплый со сна. — Ой, привет, Тео. Нет-нет, ты меня не разбудил. Честно.

Эйвери не шевелилась. Смотрела сквозь ресницы, как Скайлар садится на кровати, придерживая одеяло у груди, как свободной рукой потирает глаз.

— Что? Документалка? Про впадину? — Скайлар замолчала, слушая. Эйвери видела, как у неё на губах сама собой расцветает улыбка. — Серьёзно? Новый фильм BBC?.. Ну ладно. Только попкорн купи. Солёный. Нет, карамельный — гадость.

Она рассмеялась — тихо, искренне, и смех этот был таким тёплым, что Эйвери почувствовала лёгкий укол где-то под рёбрами. Что-то среднее между завистью и умилением. Скайлар теребила край одеяла, машинально накручивая ткань на палец.

— Ну... вообще-то это уже самое настоящее свидание, Томпсон. Ты сам-то в курсе? — Она прикусила губу, слушая ответ, и Эйвери увидела, как её щёки заливают румянец — нежный, розовый, совершенно неконтролируемый. — Ладно. В семь. Я буду готова. Всё, давай.

Скайлар отложила телефон и уставилась в потолок. Улыбка — глупая, счастливая, совершенно неуправляемая — так и не сползла с лица. Потом она повернула голову и обнаружила, что Эйвери за ней наблюдает.

— Ой. Ты давно проснулась?

— Только что. — Эйвери зевнула, потянулась, хрустнув суставами. — Напомни, кто такой Тео?

— Парень с моего потока. Морская биология.

— Погоди. — Эйвери приподнялась на локте. — Это тот самый, в футболке с китом? Который таскался с тобой в первый день?

— Ну да. — Щёки Скайлар стали ещё розовее. — Он предложил посмотреть документалку. Про Марианскую впадину.

— О боже. — Эйвери театрально схватила за сердце и рухнула обратно на подушку. — Какая романтика. Глубины океана. Черви. Слепые рыбы. Я сейчас расплачусь от зависти.

— Завидуй молча, тусовщица! — Скайлар со смехом запустила в неё декоративной подушкой, но Эйвери легко увернулась, и подушка приземлилась на пол.

Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. В эту секунду ей до чёртиков захотелось рассказать. Про клуб, про машину, про то, как всё было. Просто вывалить всё сестре и посмотреть на её лицо.

Но она промолчала. Скайлар не знала, с кем она спит. И

пока не должна узнать.

— Слушай, — Скайлар вдруг стала серьёзной, — ты вчера поздно вернулась? Я не слышала.

— Нормально. — Эйвери пожала плечами. — Всё прошло по плану.

— По плану, — повторила Скайлар и посмотрела на сестру долгим взглядом. — Ты сама на себя не похожа. В хорошем смысле. В плохом смысле — тоже.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Эйвери ничего не ответила. Просто перевернулась на бок, лицом к стене, и закрыла глаза. За стеной, в родительской спальне, скрипнула половица — дом жил своей жизнью. С кухни всё ещё тянуло кофе. А где-то в Коув-Пойнт, в особняке с окнами на океан, просыпался Холден Нокс. Один. В постели, которая ещё хранила её запах.

И она надеялась, что он это заметил.

В тот же вечер в особняке Ноксов был ужин. Семейный. Такие обязательные мероприятия случались раз в месяц, когда Лайонел Нокс ненадолго прилетал в город и вспоминал, что у него есть сын.

На этой встрече настояла Сибилла. «Мальчик совсем отбилась от рук, ему нужна семья», — ворковала она всю прошлую неделю. Лайонел тогда лишь коротко кивнул, не отрываясь от смартфона.

Стол накрыли в малой столовой — «всего лишь» на во-

семь персон. Холден сидел прямо напротив мачехи и давился безупречным стейком — мясо было идеальным, но каждый кусок вставал поперёк горла, как резиновый. Сибилла выглядела так, будто её доставили из салона за пять минут до подачи закусок: бежевое платье, нитка жемчуга, волосы уложены волосок к волоску. Она лениво ковыряла спаржу, отрезая кусочки размером с ноготь, и без умолку болтала.

— Я тут на днях встретила Мелиссу Вандербильт в загородном клубе. — Она изящно промокнула губы салфеткой. — Её старшая дочь наконец-то вернулась из Европы. Такая воспитанная девушка. Изучает историю искусств в Сорбонне. Очень милая. Холден, дорогой, тебе определённо стоит с ней познакомиться.

— Я не знакомлюсь с дочерьми твоих пафосных подруг. — Он даже не поднял глаз от тарелки. Нож скрипнул по фарфору.

— Ну и почему же? Мелисса — прекрасная женщина из приличного общества. И дочка у неё чудо. Не то что эти... — микропауза, вилка замерла на полпути, — студентки, которые вешаются на тебя в кампусе.

Холден отложил прибор. Звякнуло серебро.

— Ты вообще хоть знаешь, кто на меня вешается в кампусе, Сибилла?

— Могу догадаться.

— Да ни черта ты не догадываешься. Ты просто хочешь пристроить дочь своей подружки, чтобы Мелисса по итогу

осталась тебе по гроб жизни должна. Это твой стиль.

— Холден. — Голос Лайонела прозвучал резко, как удар хлыста. — Не смей хамить матери.

— Она мне не мать.

Повисла звенящая тишина. Сибилла поджала губы — не от обиды, от злости. Лайонел сделал медленный глоток виски и посмотрел на сына своим свинцовым, ничего не выражающим взглядом.

— Ты забываешься, щенок.

— Нет, пап. Это ты забываешься. — Холден смотрел прямо в глаза отцу, и в его голосе не было дрожи. — Ты напрочь забыл о том, что у тебя вообще-то был сын. Задолго до того, как в этом доме появилась она.

Лайонел поставил стакан на стол — слишком громко. Виски плеснулся на белоснежную скатерть.

— Выйди вон.

Холден резко поднялся. Бросил салфетку прямо на тарелку с недоеденным мясом.

— С огромным удовольствием.

Опять повелся. Идиот. Каждый раз — одно и то же: она жмёт на кнопку, он взрывается. Сибилла только этого и ждёт. Каждая его вспышка — патрон в её обойме. Он шёл к двери, чувствуя спиной её торжествующую улыбку.

— Ах, Лайонел, дорогой, ну не расстраивайся ты так, у мальчика просто трудный возраст, это пройдёт...

В гараже он сел в машину и повернул ключ. Руки сжали

руль — до боли в костяшках. Хотелось скорости. Хотелось тепла. Хотелось чего-то настоящего, а не этого бесконечного, тошнотворного театра.

Он вдруг подумал о матери. Вернее, попытался вспомнить. Она умерла, когда ему едва исполнилось десять. Теперь от неё остались только обрывки: запах духов — лёгкий, цветочный, — и её пальцы на его затылке. Как она ерошила волосы, когда он не мог уснуть. Но и это воспоминание с каждым годом становилось всё тоньше. Ещё немного — и сотрётся совсем.

Он тряхнул головой. Вытащил телефон, нашёл в контактах «Рид» — даже не помнил, когда успел записать. Набрал: *«Сегодня. Моя квартира. Адрес ниже. Приезжай».*

Квартира в центре, подаренная отцом на восемнадцатилетие, была очередной дорогой попыткой откупиться. Холден ночевал здесь, когда особняк и Сибилла становились невыносимыми.

Эйвери как раз заканчивала читать статью, когда пришло сообщение.

Пока Скайлар плескалась в душе, она забралась на кровать с ногами и гуглила то, что никогда не стала бы искать при сестре. Женские форумы, откровенные блоги, советы от «тех самых» девушек. Ей нужны были фишки. Приёмы. То, что ломает шаблон парню, которого уже ничем не удивить.

— Что ты там так увлечённо читаешь? — Скайлар вышла из ванной с полотенцем на голове и прищурилась.

— Материалы для курсовой.

— У тебя сейчас нет курсовой, Эйв.

— Значит, скоро появится.

Скайлар пожала плечами и ушла на кухню. Эйвери выдохнула и вернулась к телефону. Через полчаса у неё в голове уже выстроилась чёткая схема дальнейших действий. И в этот момент телефон завибрировал.

«Сегодня. Моя квартира. Адрес ниже. Приезжай».

На губах расплылась улыбка. Идеально. Она быстро подхватила сумку, собрала её и выскользнула из дома.

Холден открыл дверь. Он был в одних джинсах, волосы влажные после душа. Эйвери вошла, поставила сумку на пол и сразу взялась за его плечи, провела ладонями по груди, чувствуя, как напряглись мышцы.

— Что у тебя там? — он кивнул на сумку.

— Небольшой сюрприз, Нокс. — Она подмигнула.

Он попытался притянуть её к себе за талию, но она убрала его руки — мягко, но настойчиво.

— Сегодня я веду.

Эйвери толкнула его на кровать, и он позволил. Достала из сумки длинный шёлковый шарф.

— Ты серьёзно? — он приподнял бровь, но в глазах уже мелькнул интерес.

— А что, испугался?

— Даже не думал.

— Тогда просто молчи и получай удовольствие.

Она завязала ему глаза. Потом — запястья, свободным узлом к спинке кровати. Холден мог освободиться в любую секунду. Но не двигался. Принял вызов.

Эйвери начала с поцелуев. Губы скользили по шее, ключицам, спускались к животу и ниже. Она стянула с него джинсы, обвела языком головку — он втянул воздух сквозь зубы. Взяла в рот — глубоко, насколько смогла. Он застонал, бёдра подались вперёд.

— Чёрт...

Она отстранилась. Взяла кубик льда из стакана на тумбочке и провела им по его животу. Холден вздрогнул всем телом.

— А ты умеешь удивлять.

Лёд таял, оставляя мокрые дорожки. Она вела его вниз, чередуя холод с теплом языка. Он напрягался под ней, дыхание сбивалось. Когда она наконец оседлала его — медленно, сантиметр за сантиметром, закусив губу, чувствуя, как он заполняет её до предела, — он рывком сорвал повязку. Свободной рукой — он освободился ещё минуту назад, но не подавал виду.

— Хочу тебя видеть.

Она смотрела ему в глаза, пока двигалась. Медленно. Потом быстрее. Его бёдра бились навстречу. В какой-то момент он окончательно сорвал шарф с запястий, перехватил её за талию и перевернул лицом в подушку. Одним движением. Эйвери ахнула, но не от неожиданности — от удовольствия.

— Теперь моя очередь.

Они уснули, когда за окнами уже серело. Сплелись в измятых простынях, и Эйвери даже не помнила, сколько раз всё повторялось. Последнее, что она почувствовала перед тем, как провалиться в сон — его пальцы, медленно гладящие её по спине, вдоль позвоночника. Лёгкие, почти невесомые.

Скайлар открыла дверь ровно в семь вечера.

Тео топтался на пороге, прижимая к себе рюкзак и огромный шуршащий пакет из супермаркета. Пакет был набит так, что ручки врезались в пальцы, но он, казалось, этого не замечал.

— Ты купил попкорн? — Она улыбнулась и пропустила его в дом.

— Солёный, как ты просила. — Он шагнул в прихожую, и пакет предательски хрустнул. — И ещё чипсы. И яблочный сок. И...

Он выудил со дна пакета огромную упаковку мармеладных червей. Скайлар фыркнула, и смех этот вырвался неожиданно даже для неё самой.

— Серьёзно? Мармеладные червяки?

— Это исключительно ради правильной атмосферы. — Тео поправил лямку рюкзака. — Документалка ведь про глубоководные рифы. Так что морские черви — самое то. Всё строго по теме. Я готовился.

— Ты просто ненормальный, Томпсон. — Она покачала головой, но улыбка не сходила с лица.

Они устроились в гостиной. Родители уехали в гости к новым коллегам отца, Эйвери снова где-то пропадала — весь дом в их распоряжении. Скайлар щёлкнула кнопкой старенького проектора, который папа на днях притащил из офиса. Тот загудел, нагреваясь, и на белой стене ожили неоновые кораллы Большого Барьерного рифа.

Тео сел на пол, привалившись спиной к дивану. Скайлар устроилась рядом, поджав ноги. От него пахло чем-то свежим — мылом или стиральным порошком, — и этот запах смешивался с ароматом попкорна и яблочного сока.

— Смотри, смотри! — Она ткнула пальцем в экран. — Это рыба-клоун. Они живут в симбиозе с актиниями. Актиния защищает её щупальцами от хищников, а рыба чистит актинию от мусора. Понимаешь? Они полностью зависят друг от друга.

— Прямо идеальная пара. — Тео усмехнулся и потянулся за горстью попкорна.

— В каком смысле?

— Ну, оберегают друг друга, порядок наводят, живут вместе на одном рифе. Чем не отношения?

— У рыб это иначе устроено. — Скайлар покосилась на него. — Инстинкты. Никакой романтики.

— А у людей?

— Что у людей?

— В романтику веришь? — Тео повернул голову, и их лица оказались вдруг очень близко.

Скайлар замолчала. На стене в этот момент проплывала огромная черепаха, и её тень на мгновение накрыла их обоих.

— Не знаю. — Она смотрела на светящуюся стену. — Мои родители до сих пор держатся за руки в машине. Папа говорит, что мама — его лучший проект. Наверное, в этом что-то есть.

Тео кивнул и снова уставился на экран. Через несколько минут Скайлар заметила, что он придвинулся ближе. Их плечи соприкоснулись. Она почувствовала тепло его руки через тонкую ткань рубашки и не стала отодвигаться. Ей было хорошо.

К середине четвёртой серии Тео заснул. Дыхание стало ровным и глубоким. Он сидел, откинув голову на диван, и тихо сопел.

Скайлар замерла. Она стала рассматривать его лицо внимательно, впитывая каждую деталь. Волосы упали на лоб. Ресницы — пушистые, чуть подрагивают во сне. Губы открыты.

Рука сама потянулась к его щеке. Замерла в сантиметре.

Она медленно опустила ладонь, поднялась, выключила проектор и укрыла Тео пледом. Он не проснулся. Только вздохнул глубже и повернулся на бок. Скайлар постояла над ним ещё минуту, а потом тихо вышла из комнаты, оставив его спать в темноте.

На следующей неделе телефон Эйвери пикинул среди

ночи.

На экране — короткое, без приветствия: *«Квартира. Приезжай»*.

Она выбралась из-под одеяла, стараясь не разбудить сестру. Скайлар спала, подложив руку под щёку. Телефон лежал рядом на подушке — судя по всему, они с Тео снова болтали допоздна. Счастливая, подумала Эйвери.

Квартира Холдена — двадцатый этаж, панорамные окна, внизу Сан-Диего, залитый неоном. Он открыл дверь, не здороваясь, и сразу притянул её к себе. Руки скользнули под топ, сжали грудь — жёстко, нетерпеливо. Эйвери застонала ему в рот.

— Идём на балкон. — шепнул он.

— Холодно же.

— Согреешься.

Ветер с океана хлестал по коже, холодный и солёный. Город внизу сверкал — миллионы огней, и они казались россыпью драгоценных камней на чёрном бархате. Холден развернул её спиной, прижал к перилам. Она вцепилась в холодный металл, пока он стаскивал с неё джинсы. Вошёл сзади — медленно, глубоко, заставляя её выгнуться.

— Смотри. — Его дыхание обожгло ухо. — Там люди. Машины. Никто не видит.

— Нас могут заметить...

— Могут. — Он ускорился, и пальцы на её бёдрах сжались до синяков. — И тебя это заводит. Я чувствую.

Она не ответила. Не могла. Его член внутри, город под ногами, ветер на разгорячённой коже — всё смешалось в один оглушительный поток ощущений. Она кончила, проглотив стон, вжав его в горло, чтобы не закричать на весь квартал.

Потом они лежали на полу, на ковре. Эйвери смеялась — тихо, чуть хрипло.

— Ты ненормальный, Нокс.

— Ты тоже. — Он повернул голову и посмотрел на неё. Взгляд был долгим, оценивающим. — Нормальная девушка не примчалась бы по первому щелчку в два часа ночи.

Эйвери отвела глаза и уставилась в потолок. Свет от уличных фонарей рисовал на нём размытые полосы. Где-то далеко взывала сирена.

Прошло пять недель с той первой ночи в клубе. Эйвери считала. Не планировала — само выходило. Пять недель — это не просто секс. Это привычка. Это когда он пишет, и ты едешь. Когда он дышит тебе в затылок, и ты не можешь вспомнить, как жила до этого. Когда сделка перестаёт быть сделкой.

Они встречались раз, иногда два в неделю. Он присылал сообщения — всегда короткие, без эмодзи, без лишних слов: «Сегодня. В 11», «Квартира. Через час». Она бросала всё и ехала. Он открывал дверь, и она уже знала по тому, как он это делал, в каком он настроении. Иногда — молча, сразу к ней, руки на плечи, губы в шею. Иногда — даже не глядя, просто отходил в сторону, и она проходила внутрь, понимая:

сегодня ему хреново.

Они трахались везде — в душе, на кухонном столе, у панорамных окон. Он был груб, иногда почти ласков. Она училась читать его по мелочам: как сжимает её бедро — до синяков или до лёгкого покалывания. Как долго молчит после — минуту или час. Как засыпает — сразу, отвернувшись к стене, или сначала смотрит в потолок.

Никаких свиданий. Никаких «доброе утро» и «как прошёл твой день». Их правила. И пока они работали.

На шестой неделе Эйвери выходила из библиотеки, когда начался ливень — сплошная стена воды, рухнувшая с неба. Она сунула ноутбук под куртку и бросилась к навесу у бизнес-школы. И на полной скорости врезалась в кого-то высокого.

— Ой, извини... — Она вскинула взгляд. Холден.

— Опять слезка? — лениво, без злости, но с той самой усмешкой, от которой у неё всегда сводило живот.

— Что? Нет! Я из библиотеки! — Она попятилась под дождь.

— Ну конечно. Охотно верю. — Его взгляд скользнул вниз. Белая футболка прилипла к телу, стала почти прозрачной. Соски проступили. Он посмотрел на них, потом ей в лицо и усмехнулся. Взял за руку и потащил за угол, в проулок между корпусами.

— Здесь? Нас увидят!

— Дождь. Никого нет.

Он прижал её к кирпичной стене. Вода текла по лицу, за шиворот, холодная и обжигающая одновременно. Джинсы намокли и не хотели сниматься — он рванул их вниз, припуская свои, и его нетерпение было таким заразительным, что у неё подкосились колени. Подхватил её под бёдра, и она обхватила его ногами. Вошёл резко, глубоко — она ахнула и вцепилась в его плечи. Мокрые пряди прилипли к щекам, к его лбу. Движения рваные, быстрые — оба знали, что в любой момент кто-то может выйти с зонтом. Это только сильнее заводило. Она кончила быстро, уткнувшись лицом в его мокрую футболку, заглушив стон. Он — через минуту, с рыком, утонувшим в шуме дождя.

Они стояли, мокрые насквозь, дыша как после марафона. Холден вышел из неё, одёрнул джинсы. Эйвери трясущими руками поправила одежду. Пальцы не слушались.

— Ты псих, — выдохнула она, пытаясь унять дрожь.

— Сама виновата. — Он убрал мокрую прядь с её лба. Жест вышел неожиданно бережным. — Кто носит белые футболки в такой ливень?

— А кто трахается в проулке?

Он усмехнулся, развернулся и пошёл к парковке, поднимая воротник куртки. Эйвери смотрела ему вслед. Её кололо — то ли от холода, то ли от адреналина. То ли от того, что она только что кончила под дождём с парнем, который даже не попрощался.

Когда она добралась до дома, в прихожей горел свет.

Скайлар сидела на ступеньках в пижаме с китами. Ждала.

— Ого. Ты что, попала под этот жуткий ливень? — Она испуганно подняла голову, и в глазах мелькнула тревога.

— Ага. Что-то вроде того, — выдавила Эйвери.

— Ты же замёрзла! — Скайлар вскочила и подошла ближе, коснулась её ледяного плеча. — Быстро дуй в душ, а я пока сделаю горячий чай. С мёдом. И имбирём. И плед достану.

Эйвери кивнула и поднялась наверх. В душе стояла, подставив лицо под горячую воду, и смотрела, как капли стекают по стеклу. Пар окутывал плечи, и постепенно дрожь унималась. Но между ног всё ещё пульсировало. И в груди что-то скреблось — странное, незнакомое. Она задвинула это чувство обратно. Не придумывай, Эйв.

Поздним вечером она лежала в постели, переодевшись в сухое, и смотрела в потолок. Рядом на тумбочке светился экран. Она взяла мобильник, открыла переписку.

«Сегодня. В 11».

«Приезжай».

«Квартира. Через час».

Ничего больше. Перечитала трижды, хотя и так знала наизусть. Каждую букву. Каждый пробел. Открыла Инстаграм и начала листать ленту — просто так, чтобы чем-то занять руки. И наткнулась.

Свежая фотка. Холден. Не один — с брюнеткой, с потока финансистов. Та самая, что тёрлась возле него в кафетерии.

Он не обнимал её, просто стоял рядом, но лицо у неё было хозяйское, счастливое. Подпись: «С самым лучшим #».

Под ложечкой засосало. Она отбросила гаджет в сторону и уставилась в потолок.

— Идиотка, — прошептала она в темноту. — Это просто секс.

Она зажмурилась, но сон не шёл. Она ведь ничего к нему не чувствует. Абсолютно ничего. Это чёртова сделка. У них уговор. Никаких ожиданий. Никаких драм.

Телефон молчал. Она не написала ему. Он не написал ей.

Глава 4. Трещины

Понедельник.

Прошло два дня с того фото. Кампус кипел. Начало новой недели, сотни студентов сновали туда-сюда со стаканами айс-кофе и папками для конспектов. Эйвери шла к фонтану, где договорилась пересечься с Джессикой. Солнце пекло затылок с такой настойчивостью, будто задалось целью довести её до белого каления. И это раздражало — как и всё сегодня.

Настроение было откровенно дерьмовым. Она не спала полночи, ворочалась с боку на бок, смотрела в потолок. Перед глазами — дурацкая фотка. И подпись: «С самым лучшим #». Тупое сердечко. А под дых бьёт будь здоров.

Холдена она увидела издалека. Он шёл по центральной аллее со своей вечной свитой: Лиам, ещё двое с параллельного потока и та самая брюнетка. Она приклеилась к нему вплотную, наклонялась к уху, что-то говорила, придерживая волосы.

Расстояние между ними сокращалось. Эйвери поправила сумку, расправила плечи. Внутренне приготовилась. Не к разговору, не к объятиям — к кивку. Просто к одному хренову кивку, который означал бы: «Я тебя знаю».

Он прошёл мимо.

Взгляд мазнул по ней — как по фонарному столбу. Ни паузы, ни дрогнувшей скулы. Лиам толкнул его локтем и что-

то негромко сказал. Компания загоготала, брюнетка громче всех, запрокинув голову. Её волосы мазнули Холдена по плечу.

Эйвери продолжала идти. Шаг, второй, третий. Спина прямая — мышечная память, не заслуга. Пальцы на ремне сумки побелели. Она разжала их только у фонтана.

Села на прохладный бетонный парапет. Джессика ещё не пришла. Вода журчала за спиной.

Внутри было тихо. Не больно — хуже. Пусто. Так пусто, что хоть ори. Она ведь не ждала, что он кинется к ней с объятиями. Но хотя бы кивок? Хотя бы тень узнавания? Нет. На людях, при свете дня, она для него — ноль.

Идиотка. Сама ведь знала, на что шла.

Она вытащила телефон, открыла их переписку. Пробежала глазами знакомые строчки. Потом заблокировала экран и уставилась на фонтан.

Всё по правилам. Секс. Никаких отношений. Никаких претензий. Сделка. Кто бы знал, как её тошнит теперь от этого слова.

Джессика появилась беззвучно. Просто села рядом на парапет, затаилась вейпом и выпустила облако с запахом манго. На Эйвери она даже не взглянула — смотрела куда-то в сторону аллеи, где только что скрылась компания Холдена.

— Я видела, — сказала она ровно. — Этот индюк только что прошёл мимо тебя.

Эйвери не ответила. Разглядывала свои кеды.

— И ты сейчас серьёзно собираешься делать вид, что всё окей? — Джес хмыкнула. — Подруга, у тебя лицо такое, будто тебя переехали. Причём дважды. Сначала он, потом та его клуша с хозяйским видом.

— Нормальное у меня лицо. Отстань, Джес.

— Ага. Идеальное. — Она выпустила ещё одно облако, на этот раз в сторону пальм. — Я тебя с первого дня предупреждала: он эгоистичный козёл. Ты реально думала, что с тобой будет по-другому?

— Да ничего я не думала! Я просто...

— Просто что? — Джес повернулась к ней. — Ве-ри-ла. Что ты особенная. Что ради тебя он внезапно станет человеком.

Эйвери прикусила губу. Сильно, до крови. В носу зашипило.

— Сними розовые очки, Эйви. Ты для него вроде круглосуточной доставки пиццы. Горячая, да. Приезжаешь по первому звонку. Удобно.

— Круто. Спасибо за поддержку. — Голос Эйвери дрогнул, но она справилась.

— Я тебе не группа поддержки. Я твоя единственная нормальная подруга в этом гадюшнике. Если хочешь сладкую ложь — иди к тем дурочкам, которые на него вешаются. Они тебе напоят.

Они замолчали. Фонтан шумел, разбивая струи о бетон. Бесконечный круг. Эйвери смотрела на воду и чувствовала,

что её собственная жизнь сейчас выглядит точно так же.

— Ладно. — Она выдохнула, и воздух вышел рваный, как после долгого бега. — Допустим, ты права. Что мне делать?

— Для начала — тотальный игнор. Не отвечай на его сообщения. Вообще.

— А если он просто забудёт и переключится на другую?

— Значит, он ещё больший мудака, чем я думала. — Джес стряхнула пепел, которого не было. — И тебе такой даром не нужен.

Эйвери хмыкнула. Джессика ткнула её локтем в бок.

— Риски. Поиграй в его же игру. Что ты теряешь?

Что она теряет? Эйвери подняла голову и посмотрела на пальмы, на солнце, на толпу. У неё внутри что-то затвердело.

Она уже проиграла раунд. Но не бой.

— Ладно. — Она поднялась с паркета и одёрнула футболку. — Игнор так игнор.

Джес выпустила финальное облако мангового дыма и улыбнулась краешком рта.

— Вот это уже похоже на ту Эйвери, с которой я пила кофе в первый день. Добро пожаловать обратно.

Поздним вечером телефон пикинул.

«Сегодня. Особняк. В 10».

Эйвери смотрела на экран. Обычно пальцы сами набирали «ок» или «еду» — быстрее, чем она успевала подумать. Сегодня она просто сидела и смотрела. Экран светился в темноте спальни, и четыре слова расплывались перед глазами.

ми. Отложила телефон, ушла на кухню, налила чай. Стояла у окна, глядя на тёмную улицу, и грела ладони о горячую кружку.

Вернулась. Взяла телефон.

«Ок».

В особняк она приехала с опозданием на полчаса. Холден ждал в малой гостиной — сидел на диване, в руке стакан с виски, лёд почти растаял. Когда она вошла, он поднял глаза.

— Ты опоздала.

— Пробки. — Она скинула туфли у порога.

— В десять вечера?

— В этом городе они бывают всегда.

Он посмотрел на неё внимательнее обычного, но ничего не сказал. Поднялся, подошёл, взял за подбородок — сильно, привычно. Поцеловал. Она ответила. Её губы двигались правильно, с нужным нажимом, но внутри было пусто — ни голода, ни огня. Механика. Она чувствовала вкус виски на его языке и думала о том, что её сознание сейчас где-то отдельно, под потолком, наблюдает за двумя телами на диване.

Холден этого не заметил. Или сделал вид.

Всё произошло быстро. Он двигался жёстко, глубоко, и тело Эйвери отзывалось — само, без её участия, — сжималось вокруг него, выгибалось навстречу. Она кончила почти бесшумно, уткнувшись лицом в подушку. Оргазм был — чистая физиология.

Потом они лежали молча. Эйвери повернулась на бок,

спиной к нему, и смотрела в стену. Тишина стояла такая, что слышно было, как на первом этаже хлопнула дверь — прислуга, наверное. Она закрыла глаза и стала считать секунды между его вдохами.

Зачем я здесь? Опять примчалась.

Злилась на себя. За то, что снова повелась. За то, что вообще чего-то ждала.

И вдруг его пальцы коснулись её волос.

Эйвери замерла. Ладонь Холдена медленно прошлась от виска к затылку. Потом ещё раз. Он перебирал пряди задумчиво, рассеянно, словно даже не замечал, что делает. Нежно. Слишком нежно для того, кто трахает её без предисловий и не говорит «доброе утро».

Она повернула голову. Он отдернул руку мгновенно.

— Что? — Голос хмурый, взгляд в потолок.

— Ничего. — Эйвери отвернулась обратно к стене. Сердце колотилось где-то в горле, но она запретила себе даже думать об этом. Он просто устал. Просто задумался. Просто случайно.

Холден закрыл глаза, делая вид, что ничего не произошло. Она — что ничего не почувствовала.

Тишина в комнате стала ещё плотнее. Каждый из них теперь лежал и думал об этом чёртовом прикосновении.

В среду Холден позвал её снова — на этот раз в квартиру. Эйвери приехала, но внутри уже всё перегорело. Притворяться пустышкой больше не получалось. Секс всё ещё был

горячим — но теперь казался пресным. Как еда, от которой набиваешь желудок, а через час снова голоден. Ей хотелось чего-то ещё.

Они лежали на его огромной кровати, простыни сбиты, дыхание выравнивается. Эйвери смотрела в потолок и вдруг сказала — тихо, без повода:

— Знаешь... когда мы переезжали сюда, мама всю ночь плакала на кухне.

Холден повернул голову.

— Чего? Ты о чём?

— О переезде. Из Орегона. — Она не смотрела на него. Говорила в потолок. — Мама не хотела уезжать. Но папа получил этот шанс в «Хейс Индастриз», и она сказала: «Надо». Она всегда так говорит, когда ему тяжело. Даже если самой до смерти страшно. У неё есть фишка — она возит с собой герань в горшке. Ставит на подоконник. Говорит, герань цветёт только там, где живёт любовь. Глупо, да?

Холден молчал. Эйвери чувствовала его взгляд — напряжённый.

— А ещё папа по воскресеньям печёт блинчики. — Она продолжала, будто не заметив его молчания. — Они у него вечно подгорают. Чёрные, как уголь. Но он всё равно печёт. И мы все садимся и едим. И никто ни разу не пожаловался. Потому что это папины блинчики. Понимаешь?

— Зачем ты мне это рассказываешь? — Голос Холдена прозвучал ровно.

— Сама не знаю. — Она пожала плечами. — Просто... мы ведь никогда не разговариваем. Только трахаемся. И всё.

— Мы так договаривались, — напомнил он.

— Я помню.

— Тогда к чему этот вечер откровений?

Эйвери замолчала. Тишина в комнате стала другой — не той, что после секса, сонной и вязкой. Эта была острой. Резала. Она лежала и чувствовала, как между ними вырастает стена.

— Мы так не договаривались, — повторил он тише. Сел, нахмурился, будто пытался вспомнить пункт контракта, который она только что нарушила. — Ты сама пришла в клуб. Сама сказала: никаких чувств, никаких ожиданий.

— Да при чём тут чувства? — Она резко повернула голову, и в голосе впервые прозвучало что-то похожее на боль. — Я не про любовь. Я просто... хотела рассказать. О себе. Чтобы ты знал, кто я.

Холден рывком потянулся за джинсами. Встал. Спина к ней.

— Слушай. — Голос жёсткий. — Ты классная. Реально. Но я не тот парень, которому рассказывают про герань и папины блинчики. Я не лезу в твою жизнь — и ты в мою не лезь. Поняла? Так всё работает. Всё. На сегодня хватит.

Эйвери поднялась молча. Каждое движение — механическое, как у робота. Трусики, джинсы, топ, свитер. Сумка на плечо. У двери она на секунду замешкалась, и ему показа-

лось, что она сейчас обернётся. Но она не обернулась. Вышла.

Закрыла дверь тихо. Почти беззвучно. И от этой тишины ему стало хуже, чем от крика.

В коридоре у лифта Эйвери прислонилась к стене. Холодный бетон упёрся в лопатки. Под рёбрами ныло. Она нарушила их контракт. Она знала, что это глупо. Но притворяться дальше не могла. Не хотела быть удобной. Хотела, чтобы он знал, кто она такая.

Лифт приехал. Она вошла. Двери закрылись.

Холден сидел на краю кровати и смотрел на дверь. Тишина пентхауса звенела в ушах. Он выругался, схватил телефон. Открыл её контакт.

Набрал: *«Подожди»*. Замер. Стёр.

Набрал: *«Вернись»*. Выругался громче. Стёр.

Швырнул трубку на кровать и уставился в потолок.

— Что за херня вообще происходит... — пробормотал он в темноту.

В пятницу вечером в доме Ридов царил уют. Тот самый, который не купишь за деньги. Скайлар сидела на кухне, помогала маме перебирать гречку. Крупа шуршала, ссыпаясь в миску — сухой, успокаивающий звук, — и отдельные крупинки падали на деревянный стол, отскакивая, как маленькие камешки. Кэтрин напевала что-то себе под нос — старую колыбельную, которую Скайлар помнила с детства. И Скайлар было невероятно хорошо — спокойно. По-настоящему.

Телефон зазвонил. Экран вспыхнул на столешнице, и имя «*Тео*» высветилось белыми буквами. Скайлар вытерла руки о полотенце, чувствуя, как сердце пропустило один удар, и взяла трубку.

— Алло?

— Скай, привет! — Голос Тео был бодрым, но чуть выше обычного — так бывало, когда он нервничал. — Слушай, я тут подумал... Короче. Ты не хочешь сходить со мной куда-нибудь в субботу? Ну, типа... на свидание. Самое настоящее. С рестораном. Или с чем ты там хочешь.

Скайлар замерла.

— На свидание? — Она услышала свой голос со стороны и он показался ей глупым. — Томпсон, ты сейчас серьёзно?

— Ну да. А что такого? — он тихо рассмеялся. — Мы вообще-то уже сто раз встречались. Я считал. Примерно.

— Это были учебные экскурсии, Тео! — Она почувствовала, как щёки начинают гореть. — И кино. И слезка за морскими звёздами. Это другое.

— Вот именно. — Он замолчал на секунду, и в этой паузе она услышала его улыбку. — Теперь будет свидание. Официальное. Без водорослей. Ну, разве что в меню.

Скайлар улыбнулась — широко, совершенно неконтролируемо. Кэтрин бросила на неё быстрый взгляд и тут же уткнулась в крупу, делая вид, что страшно занята. Но Скайлар заметила, как дрогнули уголки её губ.

— Ладно, уговорил. Во сколько и куда?

— Заеду в шесть. — Голос Тео стал мягче, и она поняла, что он перестал нервничать. — Надень что-нибудь... ну, красивое. Хотя ты всегда красивая, так что просто надень хоть что-нибудь. Я и так буду рад.

— Томпсон, ты сейчас покраснел?

— Нет!.. Да. Чёрт, Рид, отстань. В шесть. Жди.

Он отключился. Скайлар отложила телефон и уставилась на стену, продолжая улыбаться.

— Это Тео? — спросила мама нейтральным тоном, не поднимая глаз от крупы.

— Ага.

— И он позвал тебя на свидание?

— Ага.

— Хороший мальчик. — Кэтрин ссыпала горсть гречки в миску и наконец подняла глаза. — Мне он нравится. Помню, как он рассказывал про китов.

— Мам, он рассказывал тебе про китов один раз в жизни. Ты запомнила?

— Я всё запоминаю, что важно для моих девочек. — Кэтрин потянулась через стол и накрыла ладонь Скайлар своей. — А этот мальчик — он важный. Я же вижу.

Скайлар опустила взгляд. Ей вдруг стало невероятно легко — так легко, что захотелось смеяться. И плакать. И бежать наверх, к Эйвери, чтобы рассказать, как всё странно и как всё хорошо. Но она знала, что Эйвери сейчас не до неё — сестра лежала в их комнате лицом к стене.

— Ладно, — сказала Скайлар, поднимаясь из-за стола. —
Пойду, выберу платье. Настоящее свидание, мам. У меня.
— Иди. — Кэтрин улыбнулась, и её улыбка была тёплой.
— Только не чёрное. Тебе идёт голубое.

Скайлар фыркнула и вышла из кухни, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое, пузырящееся, похожее на шампанское. Впервые за долгое время она не анализировала это чувство. Просто позволила ему быть.

В субботу Скайлар проторчала перед зеркалом сорок минут. Личный рекорд. Обычно она укладывалась в пять — джинсы, футболка, кеды, — но сегодня всё было иначе. Она перемерила три платья, двое джинсов и юбку, которую не доставала с самого выпускного и которая теперь пахла старой тканью и чужим шкафом. В итоге остановилась на голубом — простом, до колен, с открытыми плечами. Повертелась, разглядывая себя в зеркале. Ткань мягко скользнула по коже, и она подумала: «Вот. Это оно».

Мама, проходя мимо с корзиной белья, показала большой палец. Эйвери, лениво листавшая ленту на кровати, оторвалась от экрана и присвистнула:

— Ого. Моя скромная сестрёнка выползает в свет.

— Никакой это не свет, Эйв. Просто ужин. — Скайлар поправила выбившуюся прядь, но пальцы чуть дрогнули.

— Ага. Просто ужин с парнем, который смотрит на тебя, как щенок на хозяина. Ну-ну.

Скайлар запустила в неё подушкой. Попала.

Тео приехал ровно в шесть. Топтался на пороге, прижимая к груди... кактус. Маленький, в глиняном горшочке, с яркой атласной лентой, привязанной кривоватым бантом. Лента была малиновой и явно оторвана от какого-то другого подарка.

— Это... что? — Скайлар приняла горшочек. Он был тёплый от его пальцев.

— Кактус. — Тео просиял. — Цветёт раз в год, и как раз сегодня. Я подумал — лучше любого букета. Розы через три дня в мусорке, а этот парень будет жить. Если ты его не угробишь.

— Я убиваю все растения, — призналась она, разглядывая крошечные колючки.

— Вот и отлично. Будет тебе экзамен. Справишься — станешь великим биологом. Не справишься — ну, хотя бы попыталась.

Скайлар фыркнула, поставила горшочек на тумбочку у двери и аккуратно поправила бант. «Выживи», — мысленно сказала она кактусу.

— Ладно, идём.

Ресторан, который выбрал Тео, стоял прямо у воды — небольшой, с деревянными столиками и гирляндами жёлтых лампочек под потолком. Лампочки тихо позвякивали на ветру. От океана тянуло прохладой и солью, где-то внизу шумели волны, и закатное солнце красило небо в розовый и оранжевый.

Официант принёс меню. Скайлар уткнулась в страницы, пытаясь выбрать между пастой с морепродуктами и запечённой рыбой.

— Слушай... — Тео вдруг отложил своё меню. — Я просто дико нервничаю.

Скайлар оторвалась от списка десертов:

— Ты? Нервничаешь? Из-за чего?

— Ну как же. Это ведь первое официальное свидание. И я никогда раньше не дарил девчонкам кактусы. Я вообще не знаю, дарят ли девчонкам кактусы. Может, это было ужасной идеей.

— Мне и не нужны были кактусы, Томпсон. Ты сам это придумал.

— Но ... — Он посмотрел на неё, и улыбка у него была растерянная, но счастливая. — Ты хоть рада?

Она опустила взгляд и улыбнулась:

— Да. Очень. Спасибо.

Сделали заказ. Тео рассказывал про семью: отец — рыбак, мама — учительница в начальной школе, младший брат мечтает стать рок-звездой и пока крушит барабанную установку в отцовском гараже. «Он играет так, будто хочет убить эти барабаны, — смеялся Тео. — Папа говорит, что после его репетиций даже чайки заикаются». Скайлар смеялась — легко, без напряжения, — и думала, что с ним можно просто быть. Не притворяться, не подбирать слова.

Потом он замолчал на полуслове и посмотрел на неё. Дол-

го. Вилка с креветкой замерла в воздухе.

— Что? У меня соус на лице? — Скайлар дотронулась до подбородка салфеткой.

— Нет. — Он покачал головой, и его голос стал тише. — Просто... ты очень красивая, Скай. Я должен был сказать это раньше, но всё не мог подобрать слова.

Она ответила не сразу. Внутри разлилось тепло — такое, будто она выпила горячего чая с мёдом и оно растеклось по всему телу, до самых кончиков пальцев.

— Ты только что подобрал.

Скайлар несмело потянулась через стол и накрыла его ладонь своей. Тео сжал её пальцы — осторожно, бережно, будто боялся спугнуть.

После ужина они долго гуляли по набережной. Солнце уже ушло, небо стало тёмно-синим, вдоль дорожек один за другим зажглись фонари. Их свет дрожал на воде. Волны с тихим шорохом накатывали на песок. Тео рассказывал про свою футболку с гигантским кальмаром — оказалось, купил её на распродаже за доллар, — и Скайлар смеялась так, что заболели щёки.

Остановились у каменного парапета. Тео повернулся к ней, и в полумраке его лицо стало серьёзным.

— Спасибо тебе, Скай.

— За то, что согласилась пойти на свидание? — Она улыбнулась, но голос дрогнул.

— За всё. За то, что ты есть. За то, что таскаешься со мной

на экскурсии, смотришь документалки и слушаешь мои дурацкие истории. Никто никогда не слушал так, как ты.

— Твои истории не дурацкие, Тео. — Она шагнула ближе, и теперь между ними оставалось не больше ладони. — Они... тёплые. Настоящие.

Он улыбнулся. Скайлар планировала просто сказать «спокойной ночи». Но вместо этого привстала на цыпочки и быстро поцеловала его в щёку — в самый уголок губ, почти промахнувшись.

— Спокойной ночи, Тео.

Он замер. Поднял руку и прижал ладонь к тому месту, где только что были её губы.

— Спокойной ночи... Скай.

Она развернулась и пошла к дому — быстро, почти бегом. Щёки горели, сердце колотилось, но ей было всё равно. Тео остался у парапета, смотрел ей вслед и улыбался. Как дурак.

В тот же субботний вечер Лиам Уэббер сидел на лавке в сотне метров от парочки. Притащился на набережную покурить, проветрить голову и свалить из «Инферно» на пару часов. Там нагрянула какая-то тупая техническая проверка, Холден сказал: «Уэббер, исчезни», — и Лиам не спорил. Нокс был не в духе с самой среды — ходил мрачнее тучи, цедил виски и смотрел на всех так, будто прикидывал, кого бы убить. Так что Лиам с радостью свалил.

Набережная встретила его сонной тишиной, шорохом волн и запахом соли. Он сидел, выпускал дым в тёмное небо

и лениво разглядывал редких прохожих.

И тут прямо перед ним развернулось целое грёбаное кино.

Тео он узнал сразу. Томпсона ни с кем не спутаешь: вечно мятая футболка с каким-то морским гадом на груди, лохматая голова, идиотская походка вразвалочку. Когда-то они даже тусовались в одной компании — ровно до тех пор, пока Тео не переспал с девчонкой, на которую положил глаз Холден. История старая, пыльная, но Нокс ничего не забывал. Как слон. Только злой и с доступом к счетам в банке. Тео тогда чудом ноги унёс из кампуса — Нокс обещал ему устроить «личный апокалипсис», но потом забил. Забыл. Или просто нашёл новое развлечение.

Лиам затыкнулся, прищурился. Девчонка рядом с Тео была ничего: светлые волосы, голубое платье, тихая, хрупкая. Не в его вкусе, но Томпсон, видимо, запал конкретно. В полумраке, издалека, Лиам не сразу разглядел лицо, но что-то в ней показалось знакомым. Поворот головы. Осанка. Чёрт, он где-то видел эти плечи.

Он пригляделся внимательнее, когда она на секунду обернулась к свету фонаря.

Да ладно. ХА!

Неужели та самая Эйвери? Которая устроила охоту на Нокса в первую же неделю, а потом взяла его тёпленьким прямо в «Инферно»? Девчонка с яйцами. Лиам видел её пару раз — в кампусе, у машины, — и сейчас, при этом тусклом свете, сходство было стопроцентным. Или ему просто

хотелось его увидеть.

Он смотрел, как «Эйвери» целует Тео в щёку и упорхивает, а Томпсон остаётся стоять с таким лицом, будто ему только что выдали Оскара, Нобелевку и ключи от рая в одном флаконе. Идиот. Ты хоть знаешь, с кем связался?

Уэббер хмыкнул, затушил окурок о подошву кеда и достал телефон. Несколько снимков: Тео у парапета. Тео с идиотской улыбкой. Тео провожает взглядом удаляющуюся фигурку в голубом.

Он спрятал телефон, закурил новую и усмехнулся.

— Ну-ну, Томпсон. Опять лезешь не в свой огород. Сначала тёлка Нокса, теперь новая игрушка Нокса. У тебя что, радар на чужих девушек? Или суицидальные наклонности?

Он поднялся со скамейки и направился в сторону парковки, насвистывая под нос навязчивую мелодию. Звонить Холдену сейчас он не собирался. Субботний вечер — не время для таких новостей. Тут нужно выбрать момент. Идеальный момент. Когда Нокс будет максимально взвинчен. Тогда эта бомба рванёт как надо.

— О-о-о, Нокс, чувак, — пробормотал он себе под нос, доставая ключи от машины. — Ты даже не представляешь, какой подарочек я тебе приготовил.

Глава 5. Тлеющий фитиль

Секс по-прежнему был отличный. С этим Холден не спорил. Когда она приезжала, когда они стаскивали друг с друга одежду, когда он входил в неё — глубоко, сильно, до предела, — всё остальное отрубалось. Мир схлопывался до влажного жара, до её сбитого дыхания, до того, как она выгибалась под ним и впивалась ногтями в его спину. С этим problem не было.

Проблема была в том, что происходило между.

Эйвери изменилась. Нет, правила она соблюдала — жёлезно. Ни сопливых сообщений, ни «я скучаю», ни долгих взглядов с намёком. Она хорошо запомнила его последнее предупреждение. Но Холден всё равно замечал. Как у неё перехватывает дыхание на вдохе, когда он открывает дверь. Как её взгляд скользит по его лицу — на секунду дольше, чем нужно. Прощупывает. Ищет что-то. То, чего он никогда не давал. То, чего у него, возможно, просто не было.

После секса она больше не вскакивала сразу, не натягивала трусики и не тянулась за телефоном, чтобы вызвать такси. Лежала рядом. Молча. Близко. А потом — это дурацкое касание. Кончиками пальцев по его плечу. Лёгкое, мимолётное. Будто случайное.

Холден не был идиотом. Он знал: ничего случайного в этом нет. Эти пальцы — они его убивали. Не тем, что дела-

ли, а тем, что обещали. Она лезла туда, куда он никого не пускал. Не в постель — глубже. Под рёбра. В ту пустоту, которую он сам считал необитаемой. И от этого хотелось отгородиться. Занятостью, расстоянием, чем угодно. Лишь бы она перестала смотреть так, будто ждёт от него чего-то, чего он дать не может.

«Сегодня никак. Проверка в клубе».

«Завтра тоже мимо. Отец прилетает».

«В выходные не получится. Давай на следующей неделе».

Он догадывался, как она читает эти сообщения. После каждого отказа ответ приходил — «Ок». Одна короткая строчка, без знаков, без намёка. Так она отвечала в самом начале. Только теперь ей было не плевать. И он это знал. Он чувствовал это «Ок» как пощёчину. Молчаливую. Без единого упрёка.

Эйвери не писала ничего лишнего, не спрашивала, не давила. Но Холден физически ощущал, как с каждым его «нет» что-то гаснет. Не в ней — между ними. И это ожидание висело над ним, как долг, который рано или поздно придётся отдавать. Или не отдавать — и тогда оно рухнет само.

Как-то вечером он сидел в гостиной, крутил в пальцах стакан с виски и думал о том, что их встречи давно перестали быть просто сексом. Она старалась. Выдумывала эти дурацкие игры с шарфами и льдом, хотела удивить. И секс был — да, отличный. Но потом всё затихало, и она лежала рядом и смотрела. Молчала. Ждала. Будто верила, что он вот-вот

скажет ей что-то важное. Что-то, что всё изменит. И от этого взгляда ему становилось тошно. Потому что сказать ему было нечего.

Она привязалась к нему. Это было видно невооружённым глазом. Спасибо, что без истерик и признаний — но глаза орали громче любого «люблю». Она молчала, но он кожей ощущал каждую невысказанную фразу.

Правила были ясны: никаких чувств. Она сама на это подписалась. А теперь...

Телефон на колене пиликнул. *«Сегодня?»*.

Холден глянул на экран. Допил виски одним глотком. Палец завис над клавиатурой.

«Не могу. Давай позже».

Отправил. И сразу же — *«Ок»*. Мгновенно. Как будто она ждала, держа телефон в руке.

Холден отбросил мобильный на диван, экраном вниз. Снова взял стакан, но пить было нечего. Просто сидел в темноте, слушал, как тишина звенит в ушах, и чувствовал, как пустота пентхауса давит со всех сторон.

В горле жгло, но не от виски.

Эйвери сидела на краю кровати и смотрела в телефон. Экран давно погас, но она всё держала его в ладони — ненужный, тяжёлый. Беспольный кусок стекла и металла, который стал продолжением её нервной системы.

«Не могу. Давай позже».

Четвёртый раз за неделю. Четвёртый. Она не дура. Она

умела считать. Он сливался — медленно, методично. После той ночи, когда она впервые заговорила о родителях, а он оборвал её на полуслове, всё начало сыпаться. Не рухнуло — затрещало. Она ещё пыталась делать вид, что ничего не случилось, но Холден уже включил обратный ход. И с каждым его «позже» трещина становилась всё шире.

Эйвери спустилась на кухню. В доме пахло ванилью и горячим тестом — мама пекла своё фирменное печенье, то самое, которое они с сестрой в детстве воровали прямо с противня, обжигая пальцы. Кэтрин в фартуке перекладывала печенье на блюдо — аккуратно, кругляшок к кругляшку, — и на её щеке было пятно муки. Папа, кряхтя, сидел на корточках перед раскрытым шкафчиком под раковиной и ковырялся в трубах. Рядом валялись ключи, плоскогубцы и скомканное полотенце.

— Ну и кто проектировал этот дом? — бубнил он, пытаясь подкрутить что-то разводным ключом. — Я бы этому инженеру руки оторвал. По локоть.

— Ты инженер, дорогой. — Мама даже не обернулась, но Эйвери услышала в её голосе улыбку.

— Я инженер-строитель, Кэти, а не сантехник. Это разные планеты. Я мосты проектирую, а не вот это вот всё.

— Конечно-конечно, милый. Печенье будешь? Оно с шоколадной крошкой.

— С шоколадной? — Папа высунулся из-под раковины, поправил очки и улыбнулся — широко, по-мальчишески. —

Тогда я сейчас всё почию. Ради такого дела — хоть водопровод, хоть канализацию.

Мама тихо засмеялась. Чайник на плите закипел и выключился с мягким щелчком. Всё было как всегда. Тепло, уютно, спокойно.

Эйвери стояла в дверях и смотрела на них, чувствуя себя стеклянной. Прозрачной. Пустой. Вот они, её родители. Двадцать пять лет вместе. Всё ещё держатся за руки в машине и смотрят друг на друга так, будто им по-прежнему по двадцать и весь мир — это они вдвоём против всех. А она... она спустила все сбережения на кружевное бельё ради парня, который даже не заметил. Которому она не нужна.

— Эйв? Ты чего там замерла? — Мама наконец обернулась.

— Сок хотела. — Эйвери шагнула к холодильнику, налила себе апельсинового, стараясь не встречаться с мамой взглядом.

Кэтрин ничего не сказала, но Эйвери кожей почувствовала её взгляд — быстрый, цепкий, материнский. Заметила ли она что-то? Тени под глазами? То, как дочь избегает смотреть в глаза? Как плечи ссутулились, будто под невидимой тяжестью? Если и заметила — промолчала. Мама всегда знала, когда не нужно лезть с вопросами.

Эйвери ушла наверх, закрыла дверь в спальню и села на кровать. Стакан с соком поставила на тумбочку, так и не отпив.

На прошлой неделе она попыталась всё исправить. Решила: если секс станет ещё горячее, если она выкинет что-то такое, от чего у него челюсть отвиснет, — он снова включится. Перестанет отмораживаться. Увидит в ней не просто тело, которое приезжает по вызову.

Она купила бельё. Чёрное, кружевное, с такими тонкими бретельками, что их можно было порвать одним пальцем. В магазине на неё смотрели как на сумасшедшую, когда она выложила за этот крошечный комплект все деньги, отложенные за два месяца. Плевать. Она продумала всё до мелочей: полумрак, музыка, она ждёт его в спальне, свет от ночного Сан-Диего падает на кровать...

Он даже не взглянул. Просто сдёрнул — быстро, грубо, — отбросил на пол. Всё закончилось за полчаса. Молча. Механически. Как будто она была не женщиной в дорогом белье, а функцией. Кнопкой, которую нажали, чтобы сбросить напряжение. Разрядка — и свободен.

Потом он встал, налил виски и ушёл на балкон. Дверь оставил приоткрытой, и в спальню потянуло сигаретным дымом. Холодом.

А она осталась лежать. Бельё валялось на полу — чёрный кружевной комок, который ещё час назад казался оружием массового поражения, а теперь выглядел просто тряпкой. Жалкой. Бесполезной.

— Какое же это всё... жалкое зрелище, — прошептала она в потолок тогда.

И сейчас, сидя на кровати с погасшим телефоном в руке, повторила эти слова снова. Тише.

Эйвери не знала, что делать. Джессика говорила: «Забей. Просто забей, и всё». Но как забить, когда ты проверяешь телефон каждые пять минут? Когда любое уведомление отбрасывает тебя в дрожь — а вдруг это он? Когда ты уже готова на всё, лишь бы он просто позвал тебя снова? Просто написал «Приезжай». Просто открыл дверь и посмотрел на тебя.

Она отложила телефон экраном вниз. Потом снова взяла. Проверила.

Ничего.

Тишина. Экран погас. Эйвери смотрела на своё отражение в чёрном стекле — бледное, с тёмными кругами под глазами, — и не узнавала себя. Куда делась та девушка, которая ворвалась в «Инферно» и заставила охранника отойти в сторону одним взглядом? Где та, что сказала Холдену Ноксу в лицо: «Я не принимаю нет» как окончательный ответ?

Она всё ещё была где-то там. Где-то глубоко. Но голос её стал тише.

— Идиотка, — прошептала Эйвери и закрыла глаза. — Ты же знала, на что шла.

Знала. Но никто не сказал ей, что будет так больно.

Тем же вечером Скайлар допоздна сидела в библиотеке, переписывала конспекты. Лампа над столом бросала жёлтый круг света. Тео сидел напротив. Перед ним лежал учебник

по ихтиологии, но на поля тетради он уже минут десять выводил какую-то загогулину — не то пузатую рыбу с плавниками-крыльями, не то подводную лодку с иллюминаторами. Кончик языка был зажат между зубами — он всегда так делал, когда увлекался.

Наконец он отложил ручку и потянулся, хрустнув шеей.

— Скай, ты в субботу занята?

— В субботу? — Она подняла голову от конспекта, и прядь волос упала на глаза. — Вроде нет. А что?

— Хочу тебя кое-куда свозить. Сюрприз.

— Опять сюрприз? — Она прищурилась и отложила ручку. — После того кактуса, который я почти засушила?

— Твой кактус живет всех живых, Рид. Я лично проверял. Он выпустил новый колючий отросток. Так что доверяйся мне.

Скайлар покачала головой, но уголки губ сами поползли вверх, и она ничего не могла с этим поделать. С Тео было легко — так легко, как не было ни с кем и никогда. Он не играл в игры, не проверял её чувства на прочность, не заставлял гадать, что у него на уме. Просто был рядом — смешной, уютный, со своими дурацкими рисунками, любовью к морским тварям и вечно сползающим рюкзаком. Рядом с ним она переставала бояться быть собой. Переставала взвешивать каждое слово.

— Ладно, уговорил. Во сколько?

— В девять утра.

— В девять?! — Скайлар театрально уронила голову на учебник. — Томпсон, это не свидание, это пытка. Я в субботу сплю до десяти. У меня ритуал.

— Приключение, Рид. — Он улыбнулся. — Одевайся теплее. Мы едем к океану. Обещаю, ты не пожалеешь. Там будет такое, чего ты ещё не видела.

— Я видела океан. Я на нём выросла.

— Этот — другой. Вот увидишь.

Чуть позже, когда они собирали вещи и Тео помогал ей застегнуть рюкзак, он вдруг замялся. Руки замерли на лямке.

— Скай, можно вопрос? Личный. Про твою сестру.

— Про Эйвери? — Она замерла, не донеся учебник до сумки. Внутри что-то сжалось. — А что?

— С ней всё в порядке? Просто... я видел её у фонтана пару дней назад, одну. Она сидела и смотрела на воду. И знаешь, у неё было такое лицо... — Он запнулся, подбирая слова. — Как будто её кто-то ударил, а она не может дать сдачи.

Скайлар помедлила, глядя на книжные полки. Тишина в библиотеке стала вдруг очень плотной.

— Я сама ничего не знаю, — сказала она тихо. — Мы почти не разговариваем в последнее время. Она приходит за полночь, уходит чуть свет... Кажется, у неё кто-то есть, но она молчит. А я не спрашиваю. Может, зря.

— Это её право — не рассказывать, — мягко сказал Тео, застёгивая свою куртку. — Но если захочешь поговорить о ней или поделиться тревогами — я рядом. И если ей вдруг

понадобится какая-то помощь... я тоже в деле.

— Ты же с ней даже толком не знаком. Видел-то всего пару раз.

— Зато я знаком с тобой. — Он улыбнулся. — А ты — её сестра. Значит, она тоже важна.

Скайлар пихнула его плечом — легонько, почти невесомо.

— Ты слишком хороший для этого мира, Томпсон. Тебе кто-нибудь говорил?

— Знаю. — Он вздохнул с притворной печалью. — Это моё проклятие. И моя суперсила.

На следующий вечер Холден стоял на балконе, курил. Локти на перилах, взгляд вниз, где переливался огнями ночной город. Он почти не замечал его. В голове крутились обрывки мыслей — дерьмовые, вязкие, от которых болела голова.

Отец позвонил утром. Холден снял трубку только после третьего гудка — дал себе пару секунд, чтобы подготовиться, хотя знал: не поможет. Голос Лайонела, как всегда, звучал сухо, отрывисто, словно он общался не с собственным сыном, а с кем-то из младших партнёров. Прилетает двадцатого. Нужно обсудить передачу активов.

Холден ответил коротко: «Хорошо». И сбросил.

Секунду смотрел на погасший экран. Потом положил телефон на перила и сжал пальцами холодный металл — до побелевших костяшек, до лёгкой боли. Двадцатое. Ладно. От-

чѣты он подготовит, бумаги подпишет. Не в этом дело. Дело в том, что отец уже полгода не спрашивал, жив ли он вообще. Просто переводил деньги — исправно, щедро, — и ставил новые задачи. Как будто Холден был не человеком, а рабочим инструментом. Грёбаным айфоном, которому обновляют прошивку.

Он затанулся, выдохнул дым в тѣмное небо.

Сзади хлопнула дверь. Лиам. Явился без стука — как всегда, — бросил рюкзак на пол в прихожей, вышел на балкон и рухнул в плетѣное кресло, вытянув ноги.

— Чего рожа кислая? — спросил он вместо приветствия, доставая из кармана сигареты. — Батя?

— Он самый.

— Ну и как? Поинтересовался для разнообразия, как твоѣ драгоценное здоровье?

— Не в его стиле. — Холден криво усмехнулся. — Сразу к делу. Активы, передача.

— Обожаю ваши семейные беседы. — Лиам закурил и откинулся на спинку кресла. — Прямо теплее некуда.

С минуту они молчали, просто слушали, как шумит далеко внизу город и как ветер треплет длинные шторы в проѐме балконной двери. Этот звук Холден знал с детства: в особняке шторы всегда полоскало на ветру, и мать вечно просила закрывать окна. Он тряхнул головой, отгоняя ненужное.

— Слушай, Нокс, — Лиам выпустил дым в сторону пальм, — ты с этой... новенькой, которая к тебе в «Инферно» вло-

милась, до сих пор мутишь? Уже сколько — два месяца, если не больше?

— И что с того? — Холден покосился на него.

— Да ничего. Просто ты раньше дольше двух недель ни с одной не задерживался. Я думал, она тебе на неделю от силы. — Лиам прищурился, и в его глазах мелькнул тот самый опасный огонёк. — А тут — два месяца. Честно говоря, я уж решил, не случилось ли чего. Может, ты заболел. Или она тебя приворожила. Подмешала что-то в виски.

— Мне пока не надоело, — буркнул он, отворачиваясь к панораме.

— А ей?

Холден не ответил. Тишина затянулась.

— Братан, я же вижу — ты сам не свой в последнее время. — Лиам подался вперёд, и голос его стал серьёзнее. — Она смотрит на тебя иначе. И дело не в том, что ты её трахаешь. Она ждёт чего-то ещё. Чего-то, что ты никогда никому не даёшь.

— У нас уговор был. — Холден стиснул челюсть. — Никаких чувств. Она сама его предложила.

— Ну да, ты-то договаривался. — Лиам хмыкнул. — А она, по ходу, этот договор уже мысленно сожгла. И пепел по ветру пустила. Смотрит на тебя и ждёт. А ты что? Сливаешься?

Холден стиснул челюсть. Он и сам это знал. Знал с того самого момента, когда она впервые задержалась в его посте-

ли дольше обычного. Когда её пальцы коснулись его волос — и он не отодвинулся.

— Может, тебе просто разнообразия не хватает? — Лиам вдруг оживился, будто вспомнил что-то важное. Он вытащил телефон из кармана и начал листать галерею. — Я тут, кстати, кое-что разузнал. У твоей Эйвери, оказывается, есть сестра.

Холден медленно повернул голову.

— Кто?

— Сестра. Родная. — Лиам уже листал галерею. — Скайлар зовут. Я сам сначала не врубился, думал — обознался. Но нет. Вот, глянь.

Он протянул телефон. На снимке была запечатлена Скайлар. Она сидела на лавке в кампусе, в руках — толстая книга, на лице ни грамма косметики. Светлые растрёпанные волосы. Спокойное, сосредоточенное лицо — никаких улыбок на камеру, никаких попыток понравиться. Она просто читала.

Холден взял телефон, взгляделся. С минуту молчал. Потом перевёл взгляд на Лиама.

— Они что, близнецы? — вырвалось у него.

— Именно. — Лиам ухмыльнулся. — Вот только эта Скайлар у нас тихая. Настоящий домашний ботаник, учится на морской биологии. Шумные тусовки на дух не переносит, в клубах не была ни разу. И главное — таких, как ты, обходит стороной. Девчонки с её потока говорят, она не из тех, кто прыгает в постель к первому встречному. Ждёт какую-то

«настоящую, чистую любовь». Прикинь? Любовь до гроба. В наше-то время. — Он картинно прижал руку к сердцу.

Холден хмыкнул, но от телефона взгляд не оторвал. Он слишком привык, что любая девчонка в этом городе хочет его заполучить. А эта, судя по всему, даже не знала, кто он такой. И точно не собиралась падать в обморок при встрече.

— Спорим, тебе она не по зубам? — Лиам прищурился, явно забрасывая удочку.

— Что именно мне не по зубам, Уэббер?

— Влюбить в себя. По-настоящему. Не просто затащить в постель — это ты мастерски делаешь. — Лиам выпустил колечко дыма. — А чтоб втрескалась по уши. С цветами, свиданиями, разговорами под луной. Со всеми этими розовыми соплями. Слабо, Нокс?

Холден затянулся в последний раз и раздавил окурок в пепельнице.

— Это тупой спор, Лиам.

— Безусловно. Именно поэтому ты сейчас согласишься.

Пауза. Телефон всё ещё лежал в руке Холдена, и снимок горел на экране — девчонка с книгой, ничего особенного. Но почему-то он не возвращал его обратно.

— Уговорил, — сказал он наконец.

Лиам расплылся в улыбке — довольной, хищной, предвкушающей.

— Вот это по-нашему. Условия старые? Штука баксов и твоё эго?

— Да.

— Даю тебе месяц, Нокс.

— Мне хватит двух недель.

— Две недели? — Лиам присвистнул. — Самоуверенно.

— Реальность, Уэббер. Просто реальность.

Лиам хлопнул себя по колену и поднялся с кресла.

— Обожаю наши будни. Ладно, я в клуб. Ты как, со мной?

— Нет. Останусь.

Когда дверь за Лиамом закрылась, Холден прикурил новую сигарету. Стоял в темноте, смотрел на город.

Скайлар Рид. Сестра Эйвери.

Он затаился. Дым растворился в темноте. Где-то внизу просигналила машина, и эхо отлетело от соседних небоскрёбов.

Две недели — более чем достаточно. С такими, как эта Скайлар, всё просто. Тихие, домашние, нецелованные — они ведутся на внимание. На то, что кто-то заметил их в толпе. Пара случайных встреч, один долгий взгляд, и она сама начнёт искать его глазами.

В его голове уже начали вырисовываться первые очертания плана. Ничего сложного. Просто очередная цель.

Он усмехнулся про себя. Таких экземпляров в его коллекции ещё точно не было.

Холден раздавил второй окурок, развернулся и ушёл в дом.

Глава 6. Чужой среди своих

Холден никогда не напрягался из-за женщин. Они сами всё делали: подкатывали, строили глазки, искали повод прикоснуться. Ему оставалось только выбрать — как в меню дорогого ресторана, где все блюда уже оплачены. Иногда он даже не утруждался выбором — Лиам просто доставлял очередную красотку на вечеринку, и вопрос закрывался сам собой.

Но со Скайлар Рид этот номер не прошёл.

— Кто она вообще такая? — Холден мерил шагами гостиную, от панорамного окна к дивану и обратно. Потом со стоном рухнул на диван, закинув ноги на журнальный столик.

Лиам валялся в кресле вверх тормашками — рыжие волосы почти подметали пол, телефон в одной руке, пакет чипсов в другой. Сыпал крошками на ковёр.

— Ну, кроме того, что она ботаничка и помешана на учёбе? — Он говорил, не отрываясь от экрана.

Холден ждал. Лиам помогал не из дружбы — ему было скучно. С деньгами проблем не имелось: семья владела крупнейшей сетью автосалонов по всему побережью. Связями — тоже, он знал всех, кто хоть что-то значил от Сан-Диего до Лос-Анджелеса. У него было всё, кроме занятия. Спор с Холденом стал для него чистым развлечением. Как ставки на бегах, только вместо лошадей — живые люди.

— Короче, — Лиам хрустнул чипсиной, — я тут знатно порылся. Она реально серая мышь. Вообще нигде не светится. Инста закрытая — я попытался добавиться с левого аккаунта, она отклонила. Фейсбук — сплошные репосты статей про миграцию китов и какие-то графики температуры воды. Ни тебе горячих селфи в зеркале, ни пьяных сторис из клубов. Даже в Тиндере её нет. Я проверял. По радиусу в сто миль. Ни-ко-го похожего.

— Ты реально проверил Тиндер?

— А ты как думал? — Лиам запустил руку в пакет и выудил горсть крошек. — Я, между прочим, серьёзно подошёл к вопросу. Даже в их факультетский чат влез. Прикинулся парнем, который с детства грезит медузами и кораллами. Меня чуть не спалили — какая-то девица спросила, чем дышит морской ёж. Я ляпнул, что жабрами. Оказалось — ногами. У них, бля, ноги. Они ими ходят и дышат. Как инопланетяне.

— У ежей есть ноги?

— Дохуя. Они ими ещё и жрать умудряются. Короче, забей, неважно. — Лиам отмахнулся и облизал пальцы. — Важно другое.

Холден стоял у окна, спиной к Лиаму. Внизу, в бассейне, дробилось утреннее солнце — блики бежали по воде, по стенам, по потолку, рисовали дрожащие полосы на потолке.

— Вердикт такой: она до ужаса скучная, — продолжал Лиам. — Маршрут один: пляж, библиотека, дом. Как монаш-

ка, только вместо креста у неё сачок.

— Сачок?

— Ну я предположил. Откуда мне знать, с чем эти биологи таскаются? Может, у них там ведёрки, пинцеты, лопатки. Снаряжение для копания в грязи. Она ходит на пляж изучать приливные бассейны. Не загорать. Не купаться. А лазить по камням и разглядывать что-то в лужах. Она там каждую среду и пятницу, с семи до восьми утра.

Холден повернулся:

— И что предлагаешь? Я просто приду на пляж и скажу «привет»?

— А что, есть другой план? Прикинься дурачком. Скажи, что гулял, увидел её, узнал. Наплети, что тебе жутко интересно вся их подводная хрень. Вруби режим паиньки. Без байкерской куртки, без «Мазерати», без этого твоего фирменного взгляда «я трахну тебя и забуду». Будь... нормальным. Хотя бы на час.

Лиам поднялся, отряхнул с футболки крошки. Те упали на ковёр.

— Ладно. Свою часть сделки я выполнил, инфа у тебя есть. Дальше давай сам.

— А ты куда?

— У меня свиданка. С той сочной рыжухой из бухгалтерии твоего отца. Она уверена, что я в неё по уши втюрился. А я парень добрый, разочаровывать девушку не спешу. — Он подмигнул.

— Ты козёл.

— Мы оба козлы, Нокс. Кстати, — Лиам остановился у двери, — Джессика тут сказала, что твоя Эйвери словила депрессию. Ты в курсе?

Холден замер. Пальцы, крутившие зажигалку, остановились. На секунду. На две.

— Мы не общаемся сейчас.

— Да я заметил. Выглядит она хреново, так Джес сказала. Худая, бледная. Как будто её выключили из розетки. Ладно, твоё дело. Но Джес просила передать, что ты мудака.

— Передай ей спасибо.

— Всегда пожалуйста. — Лиам уже взялся за ручку двери, но обернулся с той самой ухмылкой, которая не предвещала ничего хорошего. — И самое сладкое напоследок. Чуть не забыл. Я раскопал, с кем сейчас крутит твоя недоступная Скайлар.

Холден обернулся. Медленно.

— С кем?

— Тео Томпсон.

У Холдена дёрнулся желвак. Челюсть сжалась так, что зубы скрипнули.

— Томпсон?

— Он самый. — Лиам ухмыльнулся, довольный произведённым эффектом. — Так что у тебя теперь двойная мотивация, Нокс. И спор выиграть, и старому «другу» нос утереть. Ты же помнишь, что он тогда устроил с Мирандой?

— Он мне не друг.

— Вот и отлично. Значит, лишние угрызения совести тебя не побеспокоят. Чао!

Дверь хлопнула. В гостиной стало тихо. Только блики от бассейна всё ещё дрожали на потолке.

В среду Холден проспал.

Будильник надрывался в шесть — он вырубил его не глядя, швырнул телефон на пол и провалился обратно в сон. Очнулся в девять, когда солнце уже вовсю жарило в окна. Выругался на весь дом — громко, с чувством, — натянул первые попавшиеся джинсы и всё равно поехал на пляж. Из чистого упрямства.

Она уже ушла.

У воды сидели только чайки — жирные, наглые, орущие так, будто это они владели пляжем, — и какой-то мужик в дурацкой панаме, который сосредоточенно водил по песку металлоискателем. Прибор пищал, мужик наклонялся, разгребал песок, находил пробку, ругался и шёл дальше. Холден стоял на камнях, смотрел на всё это и курил. Сплёвывал табачную крошку. Волны лениво накатывали на берег, солнце пекло затылок.

Он чувствовал себя идиотом. Полным. Конченным.

Приехал на пляж в будний день, чтобы «случайно» встретить девчонку, которая даже не знает о его существовании. Которая изучает приливные бассейны и отклоняет запросы на добавление в друзья. Которая встречается с Тео Томпсо-

ном, чёрт бы его побрал.

Гениальный план. Просто охуенный.

Он швырнул окурок в воду, развернулся и пошёл к машине. В пятницу он встанет в пять. И будет ждать её здесь, даже если для этого придётся приковать себя наручниками к чёртовым камням.

В то же утро Эйвери сидела на кухне, обхватив ладонями кружку с остывшим кофе. Пальцы онемели от холода керамики, но она не двигалась. За окном только начинало светать — небо из чёрного становилось серым, потом розовело по краям, как синяк. Она не ложилась. Всю ночь ворочалась, проверяла телефон, считала часы до рассвета. Ждала. Глупо. Безнадёжно. Но ничего не могла с собой поделать.

Он не написал.

Телефон лежал тут же, на столе, экраном вниз. Она уже знала, что там пусто, но всё равно каждые полчаса переворачивала его, проверяла и клала обратно. Ритуал. Бессмысленный, как молитва богу, в которого не веришь.

На кухню спустилась мама — в стареньком халате, сонная, волосы взъерошены после подушки. Она замерла в дверях, увидев дочь, и сон слетел с неё мгновенно.

— Эйви? Ты чего в такую рань вскочила? — Голос был встревоженный, но мягкий. Она уже всё поняла. Матери всегда всё понимают раньше, чем им скажут.

— Не спится.

— Опять? — Кэтрин нахмурилась, подошла ближе. Та-

почки тихо прошуршали по плитке. Она села на соседний стул — не напротив, а рядом, плечом к плечу, — и накрыла ладонь Эйвери своей. Пальцы у мамы были тёплые, сухие, пахли кремом с ромашкой. — Милая, ты совсем себя извела. Может, ну его? Сходишь к врачу? Сейчас есть хорошие лёгкие успокоительные, на травах...

— Мам, я не больная и не сумасшедшая. — Эйвери высвободила руку быстрее, чем собиралась. Слишком резко. Мамины пальцы соскользнули и остались лежать на столе. Эйвери заметила это краем глаза, и внутри что-то сжалось, но она не повернулась. Не смогла. — Просто не спится. Перенервничала из-за учёбы. Бывает.

— У тебя глаза красные. Ты плакала?

— Нет. С чего бы?

Она встала, отвернулась к раковине. Включила воду — просто чтобы чем-то занять руки, чтобы мама не видела, как дрожат пальцы. В отражении окна она видела маму: та сидела неподвижно, глядя на неё, и в этом взгляде было столько тревоги — густой, вязкой, материнской, — что у Эйвери защемило в груди. Так щемило в детстве, когда она разбивала коленку и мама дула на ссадину, приговаривая: «Сейчас пройдёт, моя хорошая, сейчас всё пройдёт». Мама всегда тряслась над ними — над обеими, — даже когда повод был пустяковым. Но сейчас у Эйвери была не коленка. Сейчас у неё внутри всё болело — глухо, непрерывно, без видимой раны. И никаким пластырем это было не заклеить.

Она выключила воду. Вытерла руки о полотенце — медленно, тщательно, каждый палец по отдельности, — чтобы оттянуть момент, когда придётся обернуться.

— Я в душ, — сказала она. — Ложись, мам. Не жди меня.

Она вышла из кухни, чувствуя спиной мамин взгляд.

В ванной она закрыла дверь на щеколду, прислонилась к ней лбом и стояла так минуту, две, слушая, как где-то внизу мама всё ещё сидит за столом. Не уходит. Ждёт. Надеется, что дочь вернётся и расскажет всё как есть.

Но рассказать было нельзя. Потому что пришлось бы начать с самого начала — с клуба, со сделки, с того, как она сама придумала правила, а теперь не может по ним жить. Потому что пришлось бы признать: она влюбилась в человека, который не способен любить. И в этом была не его вина. И не её. Просто так вышло.

Эйвери включила душ, села на бортик ванны и закрыла лицо руками. Вода шумела, заглушая всё. И это было единственное, что сейчас помогало.

В пятницу утро выдалось ясным, но ветреным. Холден, матерясь сквозь зубы, с вечера завёл четыре будильника и поднялся затемно. Он вообще не помнил, когда последний раз видел рассвет не из окна клуба, а с той стороны, где солнце встаёт.

На Скриппс-Пирс приехал в шесть сорок. Вылез из машины и сразу понял: с одеждой промахнулся. Ветер с океана резал насквозь, а на нём — тонкая футболка и кеды, из ко-

торых торчали голые щиколотки. Холодно, бля.

Спустился по деревянным ступенькам. Пляж встретил его запахом соли и гниющих водорослей — сладковатым, тошнотворным, — и истошными криками чаек. Холден стоял на камнях, переминался с ноги на ногу и чувствовал себя конченным идиотом. Ну и какого чёрта он здесь забыл?

Скайлар пришла без пяти семь. Светлые волосы собраны в хвост, кеды, джинсы закатаны до колен. В руках — блокнот и маленький цифровой фотоаппарат. Она шла вдоль берега, глядя под ноги, перепрыгивая с камня на камень, и что-то бормотала себе под нос. Холдена заметила, но не остановилась — просто скользнула по нему взглядом и пошла дальше.

Он наблюдал, как она присела у одной из лужиц на камнях, заглянула внутрь и улыбнулась. Достала фотоаппарат, сделала несколько снимков. Открыла блокнот и начала писать — быстро, сосредоточенно, кусая кончик ручки.

Холден выдохнул и двинулся к ней. Шагал вдоль кромки воды, стараясь выглядеть непринуждённо. Получалось паршиво. Когда между ними осталось метров десять, Скайлар подняла голову.

— Доброе утро.

Он встал на большой камень, и тот под кроссовком предательски шатнулся. Холден взмахнул руками, едва не улетел лицом в лужу, удержался чудом. Одна нога ушла в воду по щиколотку.

— Осторожнее, — сказала она без тени улыбки. — Здесь

скользко. Мох.

— Да я уже заметил.

Он стоял перед ней — промокшая нога, взъерошенные волосы, — и весь его план летел к чёрту.

— Ты, кстати, даже не спросила, как меня зовут, — попытался зайти с козырей, сделав голос пониже.

— А ты до сих пор не представился.

— Холден.

— Скайлар. — Она записала что-то ещё и закрыла блокнот. — Слушай, если ты просто гуляешь, то вон там, за поворотом, открывается нереальный вид на пирс. Правда, очень красиво, честно. А здесь у меня, вообще-то, полевая практика. Я работаю.

Он аж опешил на мгновение. До него не сразу дошло. Его только что послали. Вежливо, но внятно. Так, как будто он был не наследником империи Нокс, а случайным прохожим, который загораживает свет.

— Я тебе мешаю? — бровь дёрнулась вверх сама собой.

— Есть немного. Ты стоишь прямо над душой, и я отвлекаюсь.

— Ну тогда ладно. — Он отступил на шаг, потом ещё на один. — Ещё увидимся.

Она ничего не ответила. Просто открыла блокнот и вернулась к работе.

Холден побрёл вдоль берега. Ветер задувал за шиворот, мокрый кроссовок хлюпал при каждом шаге. Внутри подни-

малось что-то среднее между бешенством и унижением. «Ты даже не спросила, как меня зовут» — бля, ну что за детский сад? Кто вообще так разговаривает? Идиот.

Он остановился и обернулся. Скайлар стояла на коленях перед очередной лужей и сосредоточенно замеряла что-то линейкой. Даже не посмотрела в его сторону.

Вот же упрямая.

Холден вытащил телефон и набил Лиаму: *«Она меня отшила»*.

Ответ прилетел моментально: *«ХАХАХАХАХАХАХАХА»*.

«Удали это нахрен».

«Ни за что. Я уже скриншот сделал. Распечатаю и в рамочку над кроватью. Буду молиться на него каждое утро».

Холден сунул телефон в карман и прибавил шаг в сторону парковки. Внутри кипело. И злился он не на неё — на себя. Припёрся вообще без подготовки. Думал, чисто лицом посветит, пару пафосных фраз кинет — и она поплывёт. Ага. Эта не поплыла. Даже не покачнулась. Стояла и смотрела на него как на пустое место. Как будто он был не Холденом Ноксом, а ещё одним камнем на берегу.

Он сел в машину, хлопнул дверцей и уставился на океан.
— Хорошо, Скайлар Рид, — пробормотал он, вытирая мокрую штанину. — Раунд за тобой. Посмотрим, что ты запоешь через неделю.

Джессика отыскала Эйвери в дальнем углу кафетерия. Та

сидела перед тарелкой с нетронутым цезарем — салат уже заветрился, листья по краям потемнели и скрутились, курица покрылась белёсой плёнкой — и паялилась в телефон. Холден не подавал признаков жизни пятый день. Полный игнор.

— Привет, подруга. — Джессика плюхнулась напротив, со стуком поставив поднос на стол. На нём — двойной эспresso, круассан и горка салата, который выглядел ненамного лучше, чем у Эйвери. — Ну и вид у тебя. Реально зомби ходячий. Ты спала вообще?

— Сегодня. — Эйвери не отрывалась от дисплея. — Часа два. Может, полтора. Не помню.

— Охренеть. — Джессика уронила вилку, и та звякнула о край тарелки. — И вся эта драма, я так понимаю, из-за одного конкретного мудака?

Эйвери поджала губы и ничего не ответила. Ответ был слишком очевиден.

Джессика вздохнула, перегнулась через стол и выхватила телефон прямо у неё из пальцев.

— Эй, верни!

— Никаких «эй». — Она спрятала телефон в задний карман джинсов и скрестила руки на груди. — Ты сейчас допьёшь кофе, съешь мой круассан и пойдёшь домой, спать. Минимум двенадцать часов. И к телефону не прикасаться. Усекла?

— Джес, ну блин...

— Что «Джес»? — Она подалась вперёд, и голос её стал жёстче. — Ты себя до ручки довела! Из-за кого? Из-за заносчивого козла, которому на тебя плевать с высокой колокольни! Я всё понимаю: гормоны, страсть, уязвлённое эго. Но ты, блин, не овощ на грядке. Ты Эйвери Рид. Красивая, дерзкая, наглая. Где та Эйвери, которая всем на хую вертела?

— Потерялась где-то, — буркнула Эйвери, уставившись в столешницу. На пластике кто-то выцарапал сердце с инициалами. «Д + Л навсегда». Интересно, «навсегда» у них случилось или нет?

— Значит, найдём. — Джессика придвинула к ней круасан — тот скользнул по тарелке, оставляя масляный след. — Ешь давай. И слушай сюда. Я инфу нарыла.

— Что ещё? — Эйвери подняла голову.

— Лиам вчера наклюкался в «Инферно» до состояния «я тебя уважаю» и проболтался. — Джессика понизила голос. — Короче, твой Нокс повадился ни свет ни заря куда-то сваливать из дома. В такую рань, что даже птицы ещё спят. Я сначала подумала — бегать начал. Но потом вспомнила, что ты рассказывала, как он ненавидит всё, что связано с физической активностью, кроме секса и баскетбола.

Эйвери резко выпрямилась.

— Бегать? Холден? Да он от одной мысли о пробежках бледнеет. Его в школе от физкультуры освобождали по справке. У него там что-то с... неважно. Не в этом дело. Ты хочешь сказать, он каждое утро куда-то срывается?

— Именно. — Джессика отпила свой эспresso и скривилась — остыл. — Причём, по словам Лиамы, возвращается злой как чёрт и ни с кем не разговаривает. Даже на него рычит.

Эйвери молчала. В голове щёлкало. Раньше он по утрам спал. Она сама будила его — просто шёпотом: «Нокс, просыпайся, мне на пары». И он мычал в подушку.

— Может, у него новая пассия? — Джессика пожала плечами, но взгляд у неё был цепкий, оценивающий. — Какая-нибудь фитнес-няшка в обтягивающем топе. И у них теперь тайный фетиш на утренний секс на песочке под крики чаек. Романтика, блин.

Эйвери взяла круассан, откусила. Жевала долго, не чувствуя вкуса. В висках застучало. Фитнес-няшка. Утренний секс на песочке. Перед глазами встала картинка — Холден на пляже на рассвете, и рядом не она. Какая-то девица в спортивном топе. Пальцы сжались на круассане, и тот жалобно хрустнул.

— Эй, ты чего? — Джессика прищурилась. — Побледнела вся. Как будто привидение увидела.

— Нормально. — Эйвери заставила себя проглотить кусок. Он встал в горле комом. — Просто... кофе слишком горячий.

Джессика проследила за её взглядом, но ничего не сказала. Только вздохнула и плеснула себе ещё молока из пакетика. Всё она понимала. И Эйвери это знала. Знала, что Джес

видит её насквозь — видит, как она сжимает круассан, как у неё дрожат пальцы, как она бледнеет при одной мысли о том, что Холден мог найти кого-то ещё. Кого-то, кому он не скажет: «Не лезь в мою жизнь».

— Спасибо, — сказала Эйвери тихо. — За круассан. И за то, что не читаешь нотации.

— Я читаю нотации, — хмыкнула Джессика. — Просто ты их пока не слышишь. Но ничего. Я терпеливая. Дождусь, когда ты снова станешь собой, и тогда устрою тебе полный разбор полётов.

Эйвери попыталась улыбнуться. Получилось криво, но Джессика сделала вид, что не заметила. Она сунула ей в руку телефон — обратно, — и поднялась с подносом.

— Ладно, мне на пары. А ты доедай и иди домой. И попробуй поспать. Не ради себя — ради меня. А то я на тебя смотрю, и у меня у самой круги под глазами появляются.

Она подмигнула, развернулась и пошла к выходу — прямая, уверенная, с неизменной сигаретой за ухом. Эйвери смотрела ей вслед и чувствовала, как в груди что-то медленно, очень медленно оттаивает. Дружба — вот что у неё было. Настоящая, грубая, без прикрас. И это пока что спасало.

В субботу вечером Тео стоял на крыльце дома Ридов с букетом. С настоящим — живым, пахучим, а не очередным кактусом в горшке. Ромашки. Простые белые ромашки, потому что Скайлар как-то сказала, что их запах напоминает ей детство в Орегоне — луг за старым домом, тёплый ветер,

мамины руки, заплетающие ей косички. Он запомнил. Он всё запоминал.

— Ого. — Она открыла дверь и захлопала глазами. — Цветы? Ты решил включить серьёзного парня?

— Я всегда серьёзен. — Тео выпятил грудь и протянул букет, но кончики ушей предательски покраснели.

— Ну да, особенно в футболке с розовым осьминогом.

— Это парадный осьминог. — Он не моргнул глазом. — Для особых случаев. Я надеваю его только на защиты диссертаций и на свидания с тобой.

Она рассмеялась и зарылась носом в прохладные лепестки. От ромашек пахло летом и пылью — той самой пылью оregonских просёлочных дорог. Тео был чертовски милым, когда забывал, что пытается казаться мачо.

Они поехали на север по побережью, к маленькой дикой бухте, которую Тео откопал ещё на первом курсе. Туристы туда не совались — слишком крутой спуск, слишком острые камни, — только местные рыбаки иногда жгли костры на песке и оставляли после себя обгорелые поленья. «Субару» долго тряסה по разбитой грунтовке, подпрыгивая на ухабах, прежде чем заглох у края обрыва.

Тео вытащил из багажника плетёную корзину для пикника — самую настоящую, как из старых фильмов.

— Ничего себе. — Скайлар приподняла бровь. — Ты подготовился.

— А ты думала, я шутил про свидание? — Он подмигнул,

но корзина перевесила, и он чуть не уронил её в грязь.

Вниз вела узкая, заросшая козья тропинка. Скайлар шла первой, цепляясь за пучки сухой травы, чтобы не поскользнуться на камнях. Ветер с океана трепал волосы, забирался под воротник, и к тому моменту, как они спустились на песок, она уже успела замёрзнуть. Но это была приятная, бодрящая прохлада — такая, от которой кожа покрывается мурашками, а кровь бежит быстрее.

Тео расстелил клетчатый плед — тёплый, с ворсом, — и начал выкладывать на него сокровища: бутерброды в фольге, виноград, два зелёных яблока, термос. Волны с глухим рокотом разбивались о скалы справа от них, и брызги долетали до пледа, оседая на пледе крошечными алмазными каплями. Скайлар обхватила горячую кружку обеими ладонями и сделала глоток. Чай был мятный, сладкий — Тео помнил, что она не пьёт без сахара.

Ей было хорошо. Так хорошо, как не было уже давно — может быть, с самого Орегона.

— Скай, можно я кое-что скажу? — вдруг спросил Тео. Голос прозвучал тихо, и она сразу поняла: он долго репетировал. Может быть, всю дорогу, пока они ехали. Может быть, всю неделю.

— Давай.

— В общем... ты мне нравишься, Рид. Очень. — Он смотрел на горизонт, избегая её взгляда, а пальцы нервно перебирали бахрому пледа. — Я понимаю, что мы с одного по-

тока и если что-то пойдёт не так, будет неловко. Мы будем видеть друг друга каждый день, на каждой лекции, и это будет ад. Но мне плевать. — Он наконец повернулся к ней, и в его глазах было столько надежды вперемиш со страхом, что у неё перехватило дыхание. — Я хочу быть с тобой. По-настоящему. Не просто как напарник по экскурсиям. Как... ну, ты понимаешь.

Скайлар замерла. Кружка застыла на полпути к губам. Чай перестал греть пальцы. Она видела, как вздымается и опускается его грудь, как быстро он дышит.

— Ты чего молчишь? — Он улыбнулся, но улыбка вышла кривоватой, нервной. — Всё? Переборщил? Напугал? Я же говорил, что не умею это делать. На свиданиях я обычно молчу, а тут меня прорвало...

— Нет. — Она покачала головой и поставила кружку на песок — аккуратно, чтобы не расплескать. — Просто...

Она хотела подобрать правильные слова, взвесить их, расставить по местам, как она привыкла делать всегда и во всём. А потом решила — не надо слов.

— Ты мне тоже нравишься, Тео.

Он выдохнул — шумно, с облегчением, будто всё это время держал воздух в лёгких и только сейчас выпустил. А потом наклонился и поцеловал её. Осторожно, едва касаясь, словно спрашивал разрешения. Скайлар прикрыла глаза и подалась вперёд.

Первый поцелуй вышел немного неуклюжим: его нос

столкнулся с её, она тихо фыркнула ему в губы, он улыбнулся в ответ. Но это было неважно. Вкус мятного чая, солёные брызги на губах, его пальцы, запутавшиеся в её волосах, — всё было идеально.

Они отстранились — на сантиметр, не больше. Его лоб всё ещё касался её лба.

— Это было... — начал Тео.

— Да, — закончила она. — Это было.

Волны продолжали разбиваться о скалы. Чай в кружке остыл. А они всё сидели на пледе, соприкасаясь плечами, и молчали. Потому что слова были не нужны.

В среду Холден снова приехал на Скриппс-Пирс. На этот раз не с пустыми руками — сделал крюк через кофейню, взял два стакана: себе чёрный, без сахара, а ей — латте с тройной карамелью. Лиам на днях засёк, как Скайлар заказывала именно это в кафетерии, и Холден, сам не зная зачем, запомнил.

У камней её не было. Пляж стоял пустой — только чайки орали над водой, ветер гнал по песку сухие водоросли, и запах соли лез в ноздри. Он сел на перевернутую лодку у кромки песка, поставил стаканы рядом и стал ждать.

Час.

Чайки успокоились. Ветер стих. Солнце поднялось выше и начало припекать затылок.

Ещё час.

Стаканы остыли. Картонный поддон пропитался влагой и

начал размокать.

Она не пришла.

Он поднялся, вылил оба стакана в песок — кофе впитался мгновенно, оставив только тёмное пятно и запах карамели, — швырнул их в урну и пошёл к машине. Ветер хлестал по лицу. Песок скрипел на зубах.

Зачем он вообще это делает? Зачем он, Холден Нокс, который никогда ни за кем не бегал, сидит два часа на дурацкой лодке с двумя стаканами остывшего кофе и ждёт девчонку, на которую ему плевать?

Вечером того же дня Скайлар лежала в кровати, обняв подушку, и улыбалась в темноту. В комнате пахло ромашками — букет от Тео стоял на подоконнике в старой стеклянной банке, — и этот запах уносил её обратно в Орегон, в детство, в лето. На тумбочке светился телефон.

«Спокойной ночи, Рид. Ты — лучшее, что со мной случилось».

Она перечитала дважды. Потом ещё раз. Потом перевернулась на спину и прижала телефон к груди, как делают девчонки в глупых романтических фильмах. Она всегда смеялась над этими фильмами. А теперь сама стала их частью.

Улыбка всё ещё держалась на губах, когда она провалилась в сон.

Эйвери в эту ночь не спала.

Они сидели на кухне вдвоём. Джессика заявила ближе к полуночи — без звонка, без предупреждения, с бутылкой

дешёвого красного и вердиктом: «Рид, ты дохлая. Будем реанимировать. Я всё равно не спала, а ты, судя по кругам под глазами, тоже».

Вино разлили по кружкам — бокалы после переезда так и не нашлись, — и Джессика, не спрашивая разрешения, закурила прямо в форточку, стряхивая пепел в пустую банку из-под газировки.

— Ну и? — Джессика выпустила дым в ночное небо. — Этот урод вообще пишет?

— Пишет. — Эйвери усмехнулась и покрутила кружку в пальцах. — «Давай позже». «Я занят». «Давай на следующей». Разнообразие, блин. Каждый раз новая отмазка. Я уже коллекционирую.

— И ты до сих пор ждёшь?

— Нет.

— Врёшь же.

— Вру. — Она отпила. Вино было кислое, терпкое, сводило скулы, но она сделала ещё глоток. — Но я работаю над этим. Честно.

— Над чем?

— Над тем, чтобы забить.

Джессика посмотрела на неё поверх кружки — долгим, изучающим взглядом, который говорил: «Я тебя насквозь вижу».

— Короче. У меня есть знакомый. Инструктор по серфингу. Симпатичный, накачанный, в голове — опилки. Для те-

рапевтических целей подходит идеально.

— Заманчиво. — Голос Эйвери звучал ровно, без единой искры интереса.

— Я серьёзно. Тебе надо переключиться. Холден — это тупик. Ты бьёшься головой об стену и удивляешься, почему больно. А стена — она каменная, Эйв. Она не рухнет от того, что ты красивая.

— Да знаю я! — Эйвери стукнула кружкой по столу. Вино плеснулось на клеёнку. — Всё понимаю. Вот здесь, — она постучала пальцем по виску, — всё разложено по полочкам. Он меня не любит. Он не способен любить. Он использовал меня, а я сама на это подписалась. Я знаю. И ничего не могу с собой сделать. Вот вообще. Он как...

Она запнулась, подыскивая слово, и уставилась в кружку, будто ответ был на дне.

— Наркотик? — подсказала Джес.

— Хуже. Наркотик хотя бы продаётся за деньги.

Джессика фыркнула и допила вино одним глотком.

— Так, всё. Сопли в сторону. — Она отставила кружку и хлопнула ладонью по столу. — В субботу едем на пляж. Я беру безмозглого тренера, ты — свой лучший купальник. Будем лечить тебя солёной водой и видом накачанных задниц. Возражения не принимаются.

— Звучит как начало дешёвого порно.

— Ну так представь, что мы в нём снимаемся. — Джессика подмигнула. — Главные роли. Оскар нам обеспечен.

Эйвери слабо улыбнулась. Улыбка вышла кривая, бледная, но это была улыбка. Идея про пляж ей даже понравилась. Хотя бы чтобы голову проветрить. Хотя бы чтобы не сидеть в четырёх стенах, проверяя телефон каждые пять минут. Хотя бы чтобы доказать себе, что она всё ещё живая.

— Ладно, — сказала она, допивая вино. — Уговорила. Но если твой тренер окажется идиотом, я утоплю тебя в океане.

— Замётано. — Джессика потянулась через стол и сжала её руку — крепко, по-дружески. — Вот это уже похоже на мою Эйвери.

В пятницу вечером Холден поехал к Лиаму. Тот жил в просторном лофте на другом конце района — холостяцкий рай с кожаным диваном, огромным телевизором и вечным бардаком на кофейном столике: пустые бутылки из-под пива, коробки от пиццы, зарядки, какие-то бумажки. Когда Холден зашёл, Лиам валялся на том самом диване, закинув ноги на подлокотник, и смотрел баскетбол. В одной руке — банка пива, в другой — телефон.

— Ну что, Казанова? — лениво протянул он, не поворачивая головы. — Как второй раунд?

— Она не пришла.

— О-о-о. — Лиам наконец оторвался от экрана и сел. — Спугнул? Или интеллектом задавил? Небось ляпнул что-то вроде «ты даже не спросила, как меня зовут»?

— Иди в жопу.

— Уже был там. Скучно.

Холден рухнул в кресло и потёр лицо ладонями — сильно, до красных пятен на коже.

— Мне нужен другой подход. Она на стандартные подкаты вообще не реагирует. Я ей цветы не дарил, но чувствую — бесполезно. Compliments — мимо. Случайная встреча — она меня послала.

— Слушай, а может, забьёшь? — Лиам пожал плечами и снова уставился в телевизор, где как раз забивали трёхочковый. — Скажи, что слил спор, и забей. Тысяча баксов — не деньги. Я даже могу сделать скидку как постоянному клиенту.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я, блядь, не проигрываю. Никогда.

Лиам хмыкнул и сделал глоток.

— Дело твоё. Но я бы завязал. Девчонка явно не твоего формата. Она не ведётся на Нокса. Это как рыба, которая не клюёт на червяка. Может, она вообще веган?

— Заткнись, Лиам.

— Молчу. — Он поднял руки в притворной капитуляции. — Но осадочек остался.

Холден не ответил. Мысли крутились вокруг одного: как к ней подобраться? Пляж не сработал. Нужно было что-то другое. Что-то, чего она не ожидает.

Случай подвернулся сам.

Поздним вечером, когда он возвращался от Лиамы, на го-

род обрушился дождь — не калифорнийская морось, а настоящий ливень. Вода сплошной стеной стояла в свете фар, дворники не справлялись, и он сбросил скорость до минимума. Улицы опустели — все попрятались по домам. И вдруг в свете фар мелькнул знакомый силуэт.

На автобусной остановке, вжавшись спиной в стеклянную стенку, стояла Скайлар. Рюкзак прижат к груди, над головой — пластиковая папка. Толку от неё было ноль: вода текла по краям, капала на кеды, ветер задувал капли под навес. Автобус только что скрылся за поворотом — красные габариты ещё виднелись в темноте, — и она смотрела ему вслед.

Холден затормозил у бордюра, опустил стекло.

— Садись.

Она обернулась. Узнала сразу. Взгляд — смесь досады и недоверия.

— О нет. Только не ты.

— Я тоже рад тебя видеть. — Он перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверь. — Залезай, промокнешь.

— Я автобус жду.

— Он уехал.

— Следующий приедет.

— Через сорок минут. Если не отменят.

Скайлар переложила мокрую папку из одной руки в другую. Вода уже текла по запястьям, капала с локтей. Футболка прилипла к плечам, волосы потемнели от влаги.

— Пешком дойду. Тут недалеко.

— До Пасифик-Бич? — Он выгнул бровь. — Ну-ну.
Она замерла.

— Откуда ты знаешь, где я живу?

Холден мысленно выругался. Молодец, Нокс. Просто гениально. Скажи ей ещё номер её дома, чтобы она точно решила, что ты маньяк.

— Допустим, спросил.

— У кого?

— Какая разница.

— То есть ты навёл справки. — Она прищурилась, и капли дождя дрожали на её ресницах. — Ты хоть понимаешь, насколько это странно звучит?

— Понимаю.

Дождь усилился. Скайлар прижимала рюкзак к груди, но толку — он промок насквозь. Холден сидел, не поднимая стекло, и рукав его бомбера уже промок насквозь.

— Ты чего ждёшь? — крикнула она сквозь шум ливня.

— Тебя.

— Я к тебе не сяду.

— Тогда я буду стоять здесь, пока ты не передумаешь. Или пока мы оба не промокнем до нитки.

Скайлар закатила глаза — он видел это даже сквозь пелену дождя. Потом выдохнула, и этот выдох был громче, чем ливень. Перехватила рюкзак, в три шага пересекла расстояние до машины, дёрнула ручку и плюхнулась на пассажирское сиденье.

— Чисто до дома, — процедила она, не глядя на него, хлопывая дверь. — И без подкатов.

— Договорились.

В салоне моментально запахло сыростью, мокрой одеждой и грозой. Скайлар пристроила промокший рюкзак на колени, обняла его руками, плотно сжала губы и уставилась прямо перед собой на лобовое стекло. С её волос на сиденье натекала лужица.

— Адрес? — спросил он, выкручивая руль.

Она назвала улицу. Машина тронулась.

Ехали молча. Дождь барабанил по крыше, дворники скрипели, размазывая воду по стеклу. Скайлар смотрела в окно, за которым не было видно ничего, кроме потоков воды и размытых огней светофоров.

— Там ничего не видно, — сказал Холден через пару километров.

— Я знаю. Просто не хочу с тобой разговаривать.

— Почему? Я отличный собеседник.

— Ты слишком высокого о себе мнения.

— Возможно. — Он усмехнулся, и усмешка эта была почти искренней. — Но ты всё равно сейчас в моей машине.

Она повернулась. С волос капало на сиденье, на щеках — мокрые дорожки, ресницы слиплись в тёмные треугольники.

— Я в твоей машине только потому, что водитель автобуса — козёл, который уехал раньше расписания. Это не твоя заслуга.

Холден тихо рассмеялся. Смех получился короткий, неожиданный — он сам не ожидал.

— Ладно. Один-ноль.

Машина свернула на тихую улицу, усаженную деревьями. Ветки скребли по крыше, с них срывались целые потоки воды. Скайлар заёрзала на сиденье:

— Останови здесь.

— Тут ещё целый квартал.

— Я знаю. Просто не хочу, чтобы родители увидели меня в чужой машине. Меньше вопросов.

Он припарковался у тротуара. Двигатель затих. В салоне стало слышно только дыхание и стук дождя. Скайлар уже потянулась к ручке, но на секунду задержалась. Повернулась.

— Спасибо. Реально. Я не ожидала, что ты остановишься.

— А ты думала, я окачу тебя из лужи и уеду?

— Честно? — Она впервые за вечер посмотрела ему прямо в глаза. — Да. Именно так я и думала.

— Я не такой мудака, как обо мне говорят.

— Я этого не говорила.

— Но подумала.

Она чуть улыбнулась — уголком губ, почти незаметно. Но он заметил.

— Ладно. Я пойду.

— Подожди. — Он чуть подался вперёд. — Дай свой номер.

— Нет.

— Почему?

— А зачем он тебе?

— Вдруг опять застрянешь под дождём. Или опоздаешь на автобус. Или ещё что-нибудь.

Скайлар посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом. В этом взгляде читалось всё: и недоверие, и любопытство, и раздражение.

— Знаешь что, Нокс. Я не даю номер парням, которые за мной следят. Даже если они подрабатывают такси в плохую погоду.

— Да не следил я за тобой. Я просто...

— Просто что? Узнал где я живу? Случайно проезжал мимо? — Она покачала головой, и с волос полетели брызги. — Ещё раз спасибо, что довёз. Это было... мило. Но для обмена номера недостаточно.

— Что мне сделать, чтобы ты его дала?

— Для начала — перестань копать в моей жизни. Это раздражает.

Она вышла из машины, хлопнула дверцей и, пригибаясь от дождя, быстро пошла по тротуару. Холден смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Дворники скрипели по стеклу, дождь барабанил по крыше. Он откинулся на спинку сиденья и усмехнулся.

Вот же сучка.

Не дала номер. Не растаяла. Отчитала его, как школьника. Но всё равно — улыбнулась.

Охота становилась интереснее.

В воскресенье Джессике наконец-то стукнуло двадцать один — официальное совершеннолетие, которое в Калифорнии празднуют с размахом. Лиам, как любящий двоюродный братец и по совместительству главный транжира побережья, решил оторваться на полную катушку. На кураже он арендовал огромный бар на крыше высотки в центре Сан-Диего, выписал топового диджея, который врубал бешеный микс жёсткого техно, и пообещал открытый бар до полуночи. Кампус гудел с обеда.

Холден приехал к девяти. За двадцать минут до этого он трахнул какую-то брюнетку с журфака на заднем сиденье машины — быстро, почти не раздеваясь. Та, кажется, была не против. Ему нужно было выпустить пар, чтобы сосредоточиться. Сегодня он планировал не напиваться, не отвлекаться и сделать то, ради чего, собственно, затевался весь этот цирк.

На крыше всюду долбили басы. Пахло потом, алкоголем и приторными духами — десятки ароматов, смешавшихся в одну удушливую волну. Джессика, виновница торжества, в золотом платье и пластиковой короне, отплясывала прямо на столе. Её короткие волосы прилипли к вспотевшему лбу, но ей было плевать. Она во всю глотку орала слова песни, перекрикивая музыку, и размахивала бокалом, из которого выплёскивалось шампанское прямо на головы гостей. Кто-то снимал её на телефон, кто-то подпевал, кто-то уже спал

лицом на барной стойке.

— НОКС! — Джес заметила его и ткнула пальцем. — Опоздал! Штрафная!

Ему всучили шот текилы. Он выпил, поморщился и огляделся.

Эйвери, которую Холден не видел уже кучу времени, сидела в углу за столиком с каким-то загорелым парнем. Заметив его, она демонстративно отвернулась.

Дальше его окружили. Лиам, ещё пара мажоров с эконома, девицы, чьи имена он смутно помнил. Одна сразу положила ладонь ему на грудь и что-то зашептала на ухо — горячее дыхание, запах шампанского, — но он даже не вслушался. Кивнул, улыбнулся на автомате и продолжил сканировать взглядом тусовку.

И тут он завис. Конкретно.

У барной стойки, в компании каких-то ботанов, стояла Скайлар. Если бы Холден не видел Эйвери пару минут назад у противоположной стены, он бы поклялся, что это она. Тёмно-зелёное платье — простое, без блёсток и страз, — облегло фигуру так, что у него на секунду перехватило дыхание. Волосы распущены, на губах — яркий блеск. В руке — бокал с розовым коктейлем, и она заливисто смеялась, запрокинув голову.

— Охренеть, — вслух вырвалось у него.

— Что, милый? — блондинка, прилипшая к нему, захлопала ресницами.

— Ничего.

Он уже хотел сделать шаг в её сторону, как вдруг рядом со Скайлар нарисовался Тео. Обнял её за плечи и поцеловал в макушку. А она в ответ улыбнулась ему и прижалась ближе, положив голову ему на плечо.

Внутри у Холдена всё перекошило от злости. Блять. Опять этот Томпсон. Липкий, недоделанный, вездесущий Томпсон, который как будто появлялся в его жизни только для того, чтобы увести то, что Холден хотел получить.

Лиам, разумеется, всё срисовал. Подкатил, шепнул на ухо:

— Кажется, бро, наш милый ботаник обходит тебя по всем фронтам.

— Завали, Лиам.

Злость уже кипела. И дело было не только в споре. Три года назад Холдену приглянулась одна шатенка с художки. А потом выяснилось: она втихаря встречалась с Тео. Холден тогда сделал вид, что ему плевать. Но осадок остался. И вот теперь этот святоша снова стоял рядом с девушкой, на которую у Холдена были свои планы.

Он заставил себя отвернуться. Подошёл к бару, швырнул купюру на стойку:

— Двойной виски. Чистый.

Но пить не стал. Стоял, крутил стакан в пальцах, смотрел на янтарную жидкость и чувствовал, как внутри закручивается тугая, тёмная спираль. Ему нужен был план. И быстро.

Вечеринка набирала обороты. Джессика восседала в крес-

ле как на троне, лениво принимая поздравления. Кто-то вытащил торт с шипящими бенгальскими огнями. В другом углу разбили бокал — осколки со звоном разлетелись по плитке под одобрителный рёв пьяной толпы.

Холден то терял Скайлар из виду, то находил снова. Она уже танцевала. Двигалась, честно говоря, так себе — неумело, слегка рвано, — но с такой искренней радостью, что он не мог отвести глаз. Платье взлетало в такт музыке, волосы разлетались. Рядом с ней крутился Тео, придерживая её за талию.

В какой-то момент Тео отошёл в сторону с телефоном. Лицо его изменилось — побледнело, напряглось. Он быстро вернулся к Скайлар, что-то сказал, чмокнул в лоб и почти бегом рванул к лифтам. Она осталась стоять посреди толпы одна. Растерянная.

Холден уже двинулся к ней, но тут в кармане зазвонил телефон. Клуб. Срочные документы. Пришлось отойти. Разговор занял минут десять, не меньше.

А на крыше в этот момент всё пошло вразнос. Скайлар, слегка пошатываясь — коктейль оказался крепче, чем она думала, — пробиралась к выходу мимо бассейна. Небольшого, с неоновой подсветкой, где уже плавал чей-то кроссовок. Какой-то пьяный придурок разбежался для бомбочки, не заметил её и на полной скорости снёс прямо в воду.

Удар. Фонтан брызг. Крики. Скайлар вынырнула, отплываваясь от хлорки, — мокрая до нитки. Парень, который её

утянул, сам ошалел, начал извиняться, но она только отмахнулась и, цепляясь за бортик, вылезла. Платье облепило тело, с волос ручьями текла вода. Вокруг заржали, кто-то даже захлопал.

— Да пошли вы, — пробормотала она и, хлюпая мокрыми туфлями, пошла прочь.

В гардеробе остановилась, достала телефон. Экран запотел, пальцы скользили по стеклу. Кое-как открыв приложение такси, Скайлар увидела время подачи машины — двадцать пять минут ожидания. Ну зашибись. Просто супер. Она набрала Эйвери. Гудки шли долго, пока в трубке не раздался запыхавшийся, весёлый голос на фоне музыки:

— Скай? Ты чего? Что-то случилось?

— Я ухожу. Поехали вместе.

— Ой, Скай, я уже уехала! Мы с Джастином на ночном пляже, он обещал серфинг под луной. Романтика! — В трубке послышался мужской смех. — А ты чего так рано? Тео где?

— Уехал. Брат в больнице. Я тут одна и...

— Блин, Скай, прости-прости! — перебила Эйвери, и по голосу было ясно: она уже не слушает. Рядом с ней кто-то снова засмеялся, она хихикнула в ответ. — Я тебе утром наберу, ладно? Всё, целую, пока!

Гудки.

Скайлар уставилась на потухший экран. Сестра упорхнула с каким-то качком. Отлично. Она сунула телефон в клатч и

вышла на улицу.

В этот момент Холден закончил материть поставщика и вернулся к Лиаму.

— Чувак, твоя ботаничка ушла, — Лиам кивнул в сторону дверей. — Мокрая, как мышь.

— В смысле мокрая?

— Да хрен знает. Свалила минут пять назад. Выглядела так, будто её только что из бассейна выловили. Без этого... как его... без Томпсона.

Холден поставил стакан на стол — со стуком, который был слышен даже сквозь музыку, — и, не дослушав, рванул к выходу. Лиам что-то крикнул ему вслед, но он не услышал.

В лифте он сжал кулаки. Пальцы дрожали. Это был шанс — тот самый, которого он ждал. И если он сейчас его упустит, то второго может не быть. Двери открылись.

Он догнал её через квартал. Она топала по пустому тротуару, сжимая в руке промокший клатч, из которого капала вода. Свет от уличных фонарей падал на мокрые волосы, и они казались серебряными.

— Скайлар!

Она резко обернулась, пошатнулась на каблуках, но удержалась.

— О нет. Только не ты. Тебе чего надо?

— Я провожу тебя.

— Не надо меня провожать. — Она гордо вздёгнула подбородок и чуть не икнула. — Я взрослая девочка. Сама дой-

ду.

— Ага. Мокрая, слегка подшофе. И пилить пешком через полгорода. Отличный план, Рид.

— Я не пьяная! Я просто... расслабилась. — Она попыталась скрестить руки на груди, но клатч выскользнул и шлёпнулся в лужу. — Чёрт. И вообще, чего ты за мной тащишься? У тебя других дел нет?

— Взял на себя миссию, — Холден наклонился, поднял клатч и протянул ей. — Доставить одного биолога до дома в целости. Считай это волонтерством.

Она фыркнула, выхватила клатч и зашагала прочь. Холден двинулся следом, держась в паре шагов. Ночь была тихой, только где-то далеко выла сирена.

Тут у бордюра резко притормозила убитая «Хонда» с тонированными стёклами. Из опущенных окон высунулись трое подвыпивших парней. Из динамиков долбил басами дешёвый рэп.

— Эй, красотка! Чего одна, да ещё мокрая? — заржал тот, что сидел на пассажирском, и его приятели загоготали. — Залазь к нам, согреем! У нас пиво есть!

Скайлар напряглась и замерла. Пальцы сильнее сжали клатч. Холден тут же подскочил, приобнял её за плечи и громко, с актёрской обидой в голосе выдал:

— Дорогая, ну ты чего? Я же просил в холле подождать! Психнула и ушла. Я по всем переулкам тебя ищу! Волнуюсь же!

Парни в машине переглянулись. Оценили габариты Холдена, его явно недешёвый прикид.

— Оу, братан, без обид, — водитель примирительно поднял ладони. — Мы не знали, что чикса с тобой. Думали, одна.

— Теперь знаете. Свалили отсюда.

Машина с пробуксовкой рванула с места и скрылась за поворотом, оставив за собой запах горелой резины. Скайлар выдохнула — длинно, с присвистом — и повернулась к нему. Их лица оказались очень близко. Так близко, что он увидел, как дрожат её ресницы.

— «Дорогая»? Серьёзно? — тихо спросила она.

— А что надо было сказать? «Это моя коллега-биолог, не трогайте её»?

Она неожиданно рассмеялась. Смех получился нервный, короткий, но настоящий. От неё пахло хлоркой, мокрой тканью и сладким фруктовым коктейлем.

— Ладно, сдаюсь. Провожай. Только без «дорогая».

— Договорились, коллега-биолог.

Её потряхивало от холода — мелкая дрожь пробежала по плечам. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться. Холден, не говоря ни слова, стянул бомбер и накинул ей на плечи. Ткань была тяжёлой и тёплой, пропитанной его запахом — озон, мята, что-то ещё, древесное.

— Спасибо, — буркнула она, закутываясь в огромную куртку. Рукава свисали далеко за кончики пальцев.

Они пошли дальше, уже не торопясь. Город постепенно затихал. В какой-то момент Скайлар затормозила посреди тротуара и ткнула пальцем в сторону обочины:

— Смотри! *Noctiluca scintillans*! — Её голос вдруг стал звонким.

— Чего? — Холден уставился на асфальт, но видел только тёмную лужу с радужными разводами от бензина.

— Светящийся планктон! Прямо в луже! Целая колония. Они биолюминесцируют при механическом раздражении. Если их потревожить, они светятся! Это же потрясающе!

Она вытащила телефон, включила камеру и, слегка покачиваясь на шпильках, навела объектив на лужу.

— Ничего не видно, — пробурчала она, сморщив нос. — Надо пониже. Чёртовы каблуки. Нокс, держи меня, чтобы я не упала.

— Ты же сказала — без «дорогая», а сама...

— Нокс!

Он аккуратно придержал её со спины. Ладони легли на талию, чувствуя сквозь мокрую ткань платья холод её кожи и лёгкую дрожь. Скайлар присела, сделала пару снимков, потом ещё один, а потом резко развернулась и сфотографировала его в упор. Вспышка на секунду ослепила.

— Эй, ты чего?

— Для архива. — Она хихикнула. — «Холден Нокс в естественной среде обитания — на ночной улице, у лужи». Это

войдёт в учебники.

— А ну дай сюда. — Он перехватил телефон, и их пальцы на мгновение соприкоснулись. — Давай я тебя тоже щёлкну. Для симметрии.

— Нет! Я мокрая! Выгляжу как чёрт знает что.

— Вот именно. Самый сочный компромат. Встань нормально. Давай, Рид, не ломайся.

Скайлар закатила глаза, но встала в позу — выпятила бедро, надула губы, картинно заломила руку, пародируя инста-див. Холден расхохотался — искренне, запрокинув голову.

— Боже, Рид, ты ужасна!

— Я великолепна! — Она топнула ногой, и из туфли выплеснулась вода. — Скажи: «Скайлар, ты великолепна».

— Скайлар, ты... — он нажал на спуск.

Пока она поправляла волосы, он быстро набил что-то в её телефоне и сунул ей обратно.

— На, держи. Шедевр.

Она от холода даже не стала проверять, что он там наснимал, и просто убрала айфон в клатч. Оставшийся путь до дома прошли быстро. У деревянной калитки Скайлар остановилась, стянула с плеч куртку и протянула ему.

— Спасибо. За всё. За бомбер, за тех придурков, за планктон. — Она помолчала и добавила, глядя куда-то в сторону: — Завтра утром мне, наверное, будет очень стыдно.

— Почему?

— Потому что я пьяная, мокрая, посреди ночи устраивала фотосессию у грязной лужи. Это не вяжется с имиджем серьёзного учёного.

— Я никому не скажу. — Он взял бомбер, но не надел, просто держал в руке. — Это будет наша маленькая тайна. Планктон и всё такое.

— Ладно, спокойной ночи, Холден.

— Спокойной ночи, Скайлар.

Она зашла за калитку, и он стоял там, пока не услышал, как щёлкнул замок входной двери.

Оказавшись дома, Скайлар первым делом скинула мокрое платье — оно шлёпнулось на пол в ванной с влажным звуком, — и залезла под душ. Горячая вода хлестала по плечам, по спине, по ледяным пальцам ног. Минут пятнадцать она просто стояла, прижавшись лбом к кафелю, и ждала, пока зубы перестанут выбивать дробь.

Потом доплелась до кровати и рухнула лицом в подушку. Телефон пикинул. Тео.

«Как добралась? Всё в порядке?»

«Всё хорошо, я уже в постели. Как брат?»

Ответ пришёл почти сразу: «Сломал руку в двух местах, придурак. Но жить будет. Прости, что так по-идиотски бросил тебя».

«Всё нормально. Забей». — Она отправила, даже не проверив опечатки, и провалилась в сон.

Утром в глаза ударило солнце. Скайлар поморщилась и

перевернулась на живот, зарываясь лицом в подушку, но было поздно. Свет уже пробрался сквозь неплотно задёрнутые шторы и рассыпался по комнате. Голова гудела — глухо, противно, где-то в висках. Во рту была пустыня.

Она приоткрыла один глаз. На тумбочке стоял стакан воды и таблетка аспирина. Мама. Святая женщина. Скайлар дотянулась, проглотила, запила. Вода была чуть тёплой, но живительной.

Телефон лежал под подушкой. Она нашарила его и зажмурилась от яркого экрана. Несколько уведомлений. Пропущенные от Тео — он писал в шесть утра, что брата выписывают. Спам из деканата. И одно сообщение от Холдена Нокса.

Она нахмурилась. Стоп. Она же не давала ему номер.

Открыла чат. В переписке висело исходящее сообщение, отправленное с её телефона вчера ночью:

«Холден, ты великолепен».

И его ответ, пришедший в восемь утра — он, видимо, только проснулся:

«Спасибо, как неожиданно и приятно».

Скайлар уставилась на экран. Вчерашний вечер всплывал обрывками: мокрая лужа, планктон, его бомбер у неё на плечах, идиотская фотосессия. «Подержи меня, чтобы я не упала». Господи, она правда это сказала? А потом он взял её телефон — «дай я тебя тоже щёлкну» — и, судя по всему, заодно вбил свой номер. И отправил это сообщение сам себе.

Вот же хитрый...

Она швырнула телефон на подушку и со стоном закрыла лицо руками. Господи, какой стыд. Какой же невыносимый, чудовищный стыд. Она, Скайлар Рид, гордость факультета и будущее морской биологии, пьяная танцевала у лужи, кричала «я великолепна» и просила Холдена Нокса держать её за талию.

Но губы сами собой растянулись в улыбке — медленной, предательской, совершенно неуправляемой.

Глава 7. Два контакта

Утро понедельника.

Эйвери притащилась домой в седьмом часу. Скинула кеды в прихожей и на цыпочках прокралась на второй этаж, стараясь не скрипеть ступенями. От неё пахло солью, песком и чужим одеколоном — дешёвым, приторным, совсем не похожим на тот, к которому она привыкла. Запах Холдена был другим. Этот же — сладкий, липкий — казался почти оскорбительным.

Джастин, сёрфер с квадратной челюстью и словарным запасом из тридцати слов, так и остался на пляже. Провожать рассвет и залипать на прибой. Она сбегала под предлогом ранних пар, но на самом деле просто устала. От его «глянь, какая волна», от его щенячьего восторга, от самой себя, пытающейся делать вид, что ей интересно.

В ванной шумела вода. Скайлар плескалась за занавеской и напевала что-то себе под нос — какой-то лёгкий, летящий мотивчик. Эйвери бросила рюкзак на кровать и уже собиралась стянуть грязную футболку, когда на тумбочке пикинул телефон.

Машинально скосила глаза. И замерла.

На дисплее горело имя отправителя: **Холден Нокс.**

Кровь прилила к щекам. Пальцы онемели. На секунду она забыла, как дышать. Рука сама схватила телефон — быстрее,

чем она успела что-либо сообразить. Провела по экрану. Открыла пуш-уведомление.

«Ну как голова? Не болит после вчерашнего?»

Эйвери уставилась на экран. Голова? Вчера она выпила пару бокалов на дне рождения Джессики, но он-то этого не видел. Он вообще не подходил к ней весь вечер. Она сидела с Джастином, пила вино и старалась не смотреть в его сторону. Или... может, он всё-таки заметил? Может, следил за ней? Может, ревновал?

Какая разница. Он написал. Сам. Первый. После недель тишины.

Она опустилась на край кровати. Пальцы дрожали, пока она набирала ответ. Осторожно. Не спугнуть. Не показать, как сильно она этого ждала. Не написать «где ты был, я чуть не сдохла».

«Немного болит. Но я в порядке. Спасибо, что спросил :)»

Ответ прилетел почти мгновенно:

«Ну, знаешь ли, я умею быть заботливым. Когда захочу»

Эйвери фыркнула. В груди что-то распускалось — горячее, щекотное, почти забытое. Она сделала вдох, и он был первым за долгое время — настоящим, полным. Она закусила губу и набрала:

«Тогда делай так почаще. Я скучала»

«Сегодня вечером увидимся?»

«Да. Во сколько?»

«Я наберу позже. Будь на связи»

Она откинулась на подушку и прижала телефон к груди. Экран был тёплым. Недели тишины, бессонные ночи, — всё это вдруг перестало иметь значение. Он вернулся. Написал. Спросил, как она.

Вода в ванной стихла. Через минуту дверь открылась, и вышла Скайлар — с полотенцем на голове, румяная после душа. Эйвери вскочила, подлетела к ней и схватила за руки. Глаза горели, улыбка была такой широкой, что, казалось, вот-вот треснет лицо.

— Сегодня будет офигенный день! Слышишь? Просто лучший!

Скайлар расхохоталась, упираясь ладонями ей в плечи:

— Притормози! Что случилось?

— Ничего! — Эйвери сверкнула улыбкой и подмигнула.

— Просто настроение — кайф. Бывает же, да? Когда ни с того ни с сего — и вдруг кайф.

— Ну, бывает. — Скайлар улыбнулась в ответ. — Ты какая-то загадочная сегодня.

— Я всегда загадочная. — Эйвери чмокнула её в щёку и упорхнула в ванную. У двери обернулась. — И, Скай!

— Что?

— Не вздумай упасть с лестницы, пока танцуешь.

— Я не танцую на лестнице!

— А зря!

Дверь ванной захлопнулась. Скайлар покачала головой, всё ещё улыбаясь, и вернулась к зеркалу. Эйвери в хоро-

шем настроении — это было громко, заразительно и немного опасно.

Она взяла с тумбочки свой телефон и открыла чат с Тео. Написала: «*Доброе утро*». И пока набирала, краем глаза заметила, что телефон Эйвери лежит на кровати, экраном вверх, и на нём — открытый чат. Она отвела взгляд. Это не её дело. У сестры своя жизнь.

Через полчаса обе спустились на кухню. Солнце заливало комнату сквозь открытые окна, и лёгкий бриз с океана шевелил занавески. Пахло горячим хлебом и кофе. Мама раскладывала по тарелкам горячие тосты — румяные, с хрустящей корочкой, — а папа уже сидел за столом с газетой и чашкой кофе, водрузив очки на кончик носа.

— Девочки, у нас новость! — Кэтрин замерла с лопаткой в руке, и на её лице расцвела улыбка. — Мы с папой в четверг отмечаем двадцать пять лет со дня знакомства. Представляете? Четверть века.

— И по этому случаю я веду вашу маму в лучший ресторан на побережье. — Томас отложил газету и подмигнул дочерям. — Столик у окна, вид на закат, шампанское. Всё как полагается.

— О-о-о, пап, да ты романтик! — Эйвери плюхнулась на стул, схватила тост и вгрызлась в него с аппетитом человека, который не ел неделю. — Мам, колись: он тебе цветы дарит? Без повода? Или только когда провинится?

— Каждую неделю, между прочим. — Кэтрин погладила

мужа по плечу и поставила перед ним тарелку. — Просто кое-кто дрыхнет до полудня и не замечает.

— Эй, я вообще-то учусь! — Эйвери возмущённо ткнула тостом в сторону матери, но глаза её смеялись. — У меня пары, курсовые, личная жизнь...

— Личная жизнь, — фыркнул Томас и спрятался за газетой. — Звучит угрожающе.

— Пап!

Скайлар тихо засмеялась, намазывая джем на тост. Утро было солнечным, тёплым, полным того самого уюта, который она так боялась потерять при переезде. Но он никуда не делся. Он просто переехал вместе с ними.

Она поймала себя на мысли, что с Тео ей так же спокойно. Так же хорошо. Без нервов, без качелей. Тео просто был рядом — надёжный, предсказуемый, тёплый. Как этот завтрак.

— Скай, ты чего зависла? — Эйвери помахала рукой перед её лицом. — Ау! Земля вызывает Рид!

— Задумалась. — Скайлар моргнула и улыбнулась сестре. — О парах. У нас сегодня семинар по ихтиологии, я не подготовилась.

— Ты? Не подготовилась? — Эйвери расхохоталась. — Да ты, наверное, этот учебник во сне перескажешь. Вверх ногами. На латыни.

— Вообще-то на латыни пишут только названия видов, — машинально поправила Скайлар.

— О боже, зануда. — Эйвери швырнула в неё коркой от

тоста, но Скайлар увернулась.

— Девочки, не за столом! — Кэтрин погрозила лопаткой, но голос был добрым. — Эйвери, подними корку. Скайлар, прекрати умничать.

— Мам, я не умничаю, я просто...

— Ты просто не можешь остановиться, — закончила за неё Эйвери и показала язык.

Томас захихикал из-за газеты. Кэтрин закатила глаза, но улыбка всё равно пробилась.

Эйвери бросила взгляд на телефон — экран был тёмным, новых сообщений не пришло, — и тут же одёрнула себя. Не проверять каждую минуту. Не ждать. Он написал. Он спросил, как она. Он предложил встретиться. Всё хорошо.

Через полчаса под окнами бибикнул клаксон — Тео приехал, как обещал. Сёстры спустились с крыльца, и он вышел из машины им навстречу, галантно распахивая заднюю дверцу.

— Доброе утро, дамы. Подвезу с ветерком. Обещаю даже не включать свой джаз, если сильно попросите.

— Ты всё равно включишь, — фыркнула Скайлар, забираясь на переднее сиденье.

Эйвери устроилась сзади. Тео обернулся к ней, оперевшись локтем о спинку кресла:

— Кстати, приятно наконец по-человечески познакомиться. После нашей первой встречи, Скай о тебе много рассказывала. В основном, что ты её бесишь. Но, по-моему, это

комплимент.

— Так и есть, — Эйвери поправила тёмные очки и кокетливо улыбнулась. — Но я её всё равно люблю. Куда деваться от этой зануды.

Тео завёл мотор и вырулил на трассу. Солнце уже поднялось, нагрело салон сквозь стекло, и в машине пахло старой обивкой, кофе и тем самым освежителем-ёлочкой, который болтался на зеркале, кажется, с первого курса.

— Скай, слушай... — Он мельком глянул на неё. — Я хотел ещё раз извиниться за вчера. Знаю, что подставил тебя. Не надо было оставлять тебя одну среди этих... в общем, не надо было. Мне до сих пор паршиво.

— Тео, перестань, — она накрыла его ладонь своей. — Ты уже сто раз извинился. Всё нормально. Как брат?

— Этот мелкий засранец уже хвастается гипсом перед всей школой. — Тео усмехнулся. — Врёт девчонкам, что упал со скейта, делая сальто. А на самом деле свалился с тополя. Герой местного разлива. — Он замолчал, покосился на бардачок. — Кстати, у меня кое-что для тебя есть.

Он порылся в бардачке, вытащил небольшой свёрток из старой газеты и протянул ей. Скайлар развернула — и ахнула. На ладони лежала окаменевшая раковина, закрученная в идеальную спираль, с перламутровым отливом, который переливался в солнечном свете.

— Офигеть. Ты где это откопал?

— На блошином рынке. У одного старика-геолога. — Тео

смущённо улыбнулся, не отрывая глаз от дороги. — Как увидел, сразу подумал о тебе. Моя Рид просто обязана владеть этой штукой.

— Она невероятная. — Скайлар повертела ракушку в пальцах. Гладкая, прохладная, тяжёлая — будто хранила в себе тысячу лет.

Внутри на секунду стало тепло. А потом — лёгкий, едва заметный укол. Что-то не так. Что-то не на месте. Она сама не поняла, откуда взялась эта мысль, и тут же её отогнала.

— Я тут подумал, — продолжал Тео, не заметив её заминки, — может, после пар рванём в океанариум? У меня там знакомый работает, обещал частную экскурсию к скатам. Сможем их прямо с рук покормить. Что скажешь?

— Скажу, что я только за. — Она убрала ракушку в карман рюкзака и застегнула молнию. — Скаты — это круто.

С заднего сиденья донёсся страдальческий вздох Эйвери: — Господи, вы двое такие милые, у меня аж зубы сводит. Но в голосе не было ни капли ехидства. Только тепло. И предвкушение своего собственного, особенного вечера.

Возле университета всю пекло солнце, народ привычно толкался на дорожках. Едва Тео припарковался у обочины, как Эйвери пулей выпорхнула из салона. Она чуть ли не бегом припустила к главному корпусу. Там на лавке уже ждала Джессика, стряхивая сигаретный пепел в пустую жестянку из-под колы.

— Джес, блин! — Эйвери с размаху плюхнулась рядом,

едва переводя дыхание. — Ты не поверишь! Он мне написал! Сам! Интересовался, как моя голова после тусовки!

Джессика удивлённо выгнула бровь, и сигарета застыла в паре сантиметров от губ.

— Стоп. Тормози. Тот самый Холден? Холодный-как-лёд-Нокс? Спрашивал, как твоя голова?

— Да! — Эйвери почти подпрыгивала на месте. — И это ещё не всё! Мы сегодня идём на свидание. На настоящее. Он сам предложил!

— погоди, а как же твой сёрфер? — Джессика затянулась, выпуская дым сквозь зубы. — Ну, Джастин этот?

Эйвери небрежно отмахнулась, словно сёрфера никогда не существовало.

— Да забей. Я ему ещё в начале восьмого накатала смску. «Слушай, Джас, ты милый, но нам не по пути». Слила, пока не привязался.

— Ты отправила его во френдзону с утра пораньше? — Джессика поперхнулась дымом. — Ну ты и жестокая баба, Рид.

— Ой, да переживёт! — Эйвери стукнула ладонями по коленям. — Джес, ты не понимаешь, это же... это судьба! Холден вернулся ко мне. Я знала! Я жопой чувствовала, что ему не похрен!

Джессика смотрела на неё, щурясь от дыма, и улыбнулась уголком губ. Спорить с ней, когда она в таком состоянии, было бесполезно. Да и незачем. Пусть порадуется. Пусть хоть

ненадолго почувствует себя счастливой. А скепсис... скепсис оставим на потом.

— Ладно, подруга. — Она затушила сигарету о край банки. — Рассказывай подробности. Во сколько? Куда? Он цветы обещал?

— Никаких цветов! Ты что, это же Холден! — Эйвери расхохоталась и запрокинула голову к небу. — Но он написал, Джес. Сам. Первый. И знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Это только начало.

Джессика ничего не ответила. Просто откинулась на спинку скамейки и прищурилась на солнце, пробивающееся сквозь пальмовые листья. Внутри у неё шевельнулось что-то похожее на тревогу, но она задвинула это подальше. В конце концов, кто она такая, чтобы портить подруге праздник?

Ближе к вечеру Холден сидел в квартире, допивал остывший кофе и прокручивал в голове вчерашнюю прогулку. Чисто стратегический интерес, не более. Она позволила довести себя до дома. Не отшатнулась, когда он приобнял её перед теми придурками у обочины. Даже улыбнулась — почти. Прогресс. Спор с Лиамом двигался в нужном направлении, и он уже почти чувствовал, как штука баксов и утёртый нос Тео Томпсона сами плывут в руки. Оставалось только закрепить и вытащить её на нормальное свидание.

Всё шло по плану.

Холден решил не размениваться на сообщения, а сразу

позвонить. Открыл телефонную книгу, пролистнул до буквы «Р» — и замер.

На экране горели две строчки:

Рид

Рид

Абсолютно одинаковые. Без имён, без пометок. Он вбил обеих под одной фамилией ещё тогда, в самом начале, потому что ему было плевать, кто из них кто. Он вообще не думал, что когда-нибудь понадобится их различать.

Холден медленно опустился на диван. Блять. Ну что за кретин. Полнейший, сказочный идиот.

Он всегда чистил переписки под ноль. Не из паранойи — просто терпеть не мог, когда в телефоне копится мусор. Сносил всё скопом, не глядя. Какая разница, что там было написано вчера, если сегодня это уже не нужно? Привычка ещё со школы, когда Лиам забивал его память гигабайтами тупых гифок с котами. С тех пор Холден удалял чаты на автомате, даже не вчитываясь.

И вот теперь он сидел и смотрел на два одинаковых контакта, уже зная ответ.

Утром он написал не Скайлар. Он написал Эйвери.

Та самая Эйвери, которая ответила «Я соскучилась» и наверняка уже напридумывала себе чёрт знает что. Которая ждёт его сегодня вечером. Которая согласилась сразу, без колебаний, потому что — бля — она до сих пор его хотела.

Он со стоном впечатал ладонь в лицо. Потом выдохнул,

взял телефон и набил:

«Сегодня не получится. Прости. Планы поменялись»

Подумал и добавил:

«Форс-мажор. Не хочу, чтобы ты ждала»

Отправил.

Секунду смотрел на экран. Потом открыл второй контакт — тот, который, по идее, должен был быть Скайлар, — и набрал:

«Есть планы на сегодня?»

Тишина. В комнате, за окном, в телефоне. Солнце уже садилось, длинные тени ползли по полу, и где-то внизу, на улице, просигналила машина. Холден откинулся на спинку дивана и уставился в потолок.

Ну, в принципе, неудивительно.

В это же время в океанариуме Скайлар и Тео стояли у огромного бассейна. За толстым стеклом, в подсвеченной синеватой воде, скользили скаты — плоские, пятнистые, беззвучные, как подводные птицы. Они двигались медленно, едва шевеля плавниками, и в этом движении было что-то гипнотическое.

Приятель Тео, бородатый Марк, выдал им по пластиковому ведёрку со льдом и очищенными креветками.

— Аккуратно опускаете руку, они сами всё всосут. Главное — не дёргайтесь, а то испугаются.

Скайлар первой опустила ладонь в прохладную воду. Из глубины тут же вынырнул здоровенный пятнистый скат, мяг-

ко коснулся её пальцев и втянул кровать — быстро, почти нежно. Она засмеялась.

— Боже, Тео, ты видел? У него рот как пылесос!

Тео стоял рядом, но на скотов не смотрел. Он смотрел на неё — на то, как она смеётся, как блестят её глаза, как капли воды дрожат на запястье.

— Ты сейчас светишься, — сказал он тихо. — Вот такую я тебя люблю больше всего.

Скайлар отвела взгляд, чувствуя, как теплеют щёки. Она снова опустила руку в воду, но внутри что-то дёрнулось — тонко, едва заметно. Тео был... замечательным. Он не давил, не играл, не притворялся. И всё же где-то на самом дне, под всей этой правильностью, сидела крошечная заноза. Она сама не понимала, откуда та взялась.

В заднем кармане джинсов пикинул телефон.

Скайлар вытерла руку о штанину и достала его. На экране горело сообщение:

«Есть планы на сегодня?»

Холден Нокс.

Она уставилась на экран. Пальцы чуть сжались вокруг корпуса, и она почувствовала, как сердце пропускает один удар и забивается быстрее. Она запретила себе реагировать. Запретила ещё вчера, когда обнаружила его номер в своём телефоне. Она нажала кнопку блокировки и сунула телефон обратно в карман.

— Кто там? — спросил Тео, не отрываясь от бассейна.

— Да мама, — ответила она, даже не задумавшись.

И тут же поймала себя на мысли: зачем соврала? Он бы не стал допрашивать, не стал бы ревновать. Можно было просто сказать правду. Но она спрятала телефон так быстро, будто в этом сообщении было что-то постыдное.

Глупость. Просто не хотелось отвлекаться. Вот и всё. Скаты были важнее. Скользкие, классные скаты. А не какие-то сообщения от Нокса.

Она снова опустила руку в воду, но пальцы всё ещё помнили вибрацию телефона. И где-то глубоко внутри — так глубоко, что она сама не хотела это замечать, — шевельнулось любопытство. Что он хотел? Куда звал? Почему сегодня?

Она отогнала эти мысли и сосредоточилась на скатах. Они были беззвучными. Они не задавали вопросов. Они просто скользили в синей воде, и это было успокаивающе.

Эйвери сидела на кровати при полном параде. Чёрное кружевное бельё — то самое, убойное, последний козырь, — облегало как влитое. От духов, дорогих, с мускусной нотой, уже слегка мутило — она вылила на себя слишком много, но отступать было поздно. Телефон лежал на тумбочке экраном вверх. Она ждала.

И дождалась.

«Сегодня не получится. Прости. Планы поменялись»

«Форс-мажор. Не хочу, чтобы ты ждала»

Эйвери прочитала оба сообщения. Потом ещё раз. Положила телефон, взяла, перечитала снова. Слова не менялись.

Она смотрела на них, пока буквы не расплылись в светящихся полосах. Внутри что-то оборвалось — не сердце, не душа, а та тонкая нить надежды, которая держала её последние сутки. Та, что натянулась утром от его «привет, как голова?» и звенела, как струна, весь день. Теперь она просто исчезла. Осталась тишина.

Эйвери стянула бретельки с плеч — резко, до красных полос на коже. Сдёрнула бельё, отшвырнула в угол. Чёрный кружевной комок ударился о стену и упал на пол — туда же, куда в прошлый раз. Она надела старую футболку с выцветшим принтом, забралась под одеяло и повернулась лицом к стене. Ни слезинки. Глаза сухие, как песок, — даже не щиплет. Вот так, значит. Он снова её кинул. А она, как последняя дура, поверила.

Внизу хлопнула входная дверь — Скайлар вернулась. Эйвери даже не пошевелилась.

Скайлар вернулась из океанариума поздно. В доме было тихо, только на кухне горел свет. Она налила себе какао, обхватила горячую кружку ладонями и только села за стол, как в дверь постучали.

На крыльце стоял курьер с картонной коробкой и подставкой под стакан.

— Доставка на имя Скайлар Рид.

— От кого?

— Без подписи. Распишитесь здесь.

Она черкнула в планшете, затащила коробку на кухню

и вскрыла. Внутри лежала книга — «Атлас глубоководных беспозвоночных Тихого океана». Тот самый раритет, за которым она охотилась больше года. Цены на аукционах были такими, что она даже не рассматривала покупку всерьёз. А рядом — большой карамельный латте. Ещё тёплый.

Скайлар схватила телефон и набрала Тео.

— Ты с ума сошёл?! — выпалила она, даже не поздоровавшись. — Откуда ты узнал про этот атлас? Он же безумно дорогой! И кофе... у меня просто слов нет! Ты когда вообще успел?

В трубке повисла пауза. На заднем плане бубнил телевизор, и слышно было, как кто-то — кажется, младший брат Тео — орёт: «Дай джойстик!»

— Скай, — голос Тео был растерянный и сонный, — я вообще не понимаю, о чём ты. Какой атлас?

— Мне курьер принёс. — Её голос стал тише. — Разве это не ты?

— Нет. Я дома, с мелким сижу. Он гипс на голову надел и сказал, что это шлем. Я ничего не заказывал. Ты уверена, что это не ошибка?

Скайлар опустилась на стул. Атлас лежал перед ней — толстый, в суперобложке, пахнущий типографской краской и старой бумагой. Не Тео.

Тогда кто?

Ответ пришёл сам, быстрее, чем она успела его обдумать. Нокс.

— Не знаю, — она заставила себя говорить ровно, почти беззаботно, — Я подавала заявку на межбиблиотечный обмен... может оттуда. Извини, что разбудила.

— Да ничего. Я всё равно не спал — мелкий требует, чтобы я изображал зомби. Слушай, если это не ошибка, то кто-то реально крутой тебе подарок сделал. Ты заслужила.

У Скайлар сжалось сердце. Он был таким... хорошим. Искренним. И она опять ему соврала. Сначала про сообщение от мамы, теперь про книгу. Где-то внутри заворочалось чувство вины

— Спасибо, Тео. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Скай. Увидимся завтра.

Она нажала отбой и опустилась на стул. Должна была разозлиться. Должна была швырнуть книгу обратно в коробку, отправить курьера назад или, на худой конец, выбросить в мусор. Это же чистая манипуляция. Купить её расположение, как будто она одна из тех, кто тает от дорогих подарков.

Но она сидела и смотрела на обложку. Провела пальцем по корешку — гладкому, прохладному. Открыла первую страницу — там, где была дарственная надпись от автора, сделанная выцветшими чернилами ещё в девяносто седьмом году. Он узнал, что она ищет эту книгу больше года, и достал её.

Внутри боролись раздражение и что-то ещё. Что-то тёплое, нелогичное, совершенно неуместное. Она злилась на собственную улыбку, которую не могла сдержать.

И на то, что так и не выбросила книгу в мусор.

Она сделала глоток латте — он был именно таким, как она любила: тройная карамель, без сахара.

Глава 8. Два шага

Скайлар ещё с минуту сидела неподвижно, глядя на обложку. Пальцы левой руки рассеянно гладили край — туда-сюда, как она обычно делала с любимыми книгами. Атлас, она мечтала о нём. Ставила оповещения на аукционах, писала запросы в библиотеки, даже узнавала, нельзя ли заказать копию через факультет. Бесполезно. Тираж был крошечный, а цена — космической.

И вот он лежит перед ней.

Она взяла телефон, открыла чат с Холденом. Перечитала дневное сообщение — «Есть планы на сегодня?» — и усмехнулась. На сегодня? Вообще-то за окном уже глубокая ночь, и она понятия не имела, какие у него были планы, но явно не книга и не латте. Хотя... может, и книга. Может, он знал, что делает, когда отправлял курьера.

Палец завис над клавиатурой. Она быстро набила: *«Книгу привезли. Спасибо, конечно. Но вообще не стоило так тратиться»*. И, помедлив, добавила: *«И да, я в курсе, что это твоих рук дело»*. Отправила. И сразу отложила телефон экраном вниз

Глупость. Ну что такого? Просто вежливо поблагодарила за дорогущий, но нужный подарок. Просто дала понять, что не дура и умеет складывать два плюс два. Вот только внутри что-то дрогнуло — где-то в солнечном сплетении, — и она

знала: это не просто ответ. Это первый шаг. Осторожный, на чужую территорию.

Телефон пикинул. Она не сразу перевернула телефон — дала себе пару секунд, чтобы унять сердцебиение. Потом всё-таки открыла.

«Понятия не имею, о чём ты. Но раз книжку получила — рад, что понравилось»

И следом ещё одно:

«Спокойной ночи, Скайлар»

Она не ответила. Просто положила телефон на тумбочку, экраном вниз, и выключила свет. Легла в кровать, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок, по которому ползли тени от лимонного дерева за окном — ветер раскачивал ветки, и тени танцевали, медленно.

Мысли не отпускали.

Она думала о Тео. О том, как он сидит сейчас дома с братом и даже не подозревает, что какой-то парень присылает его девушке подарки, и она за них благодарит, и улыбается, и не может уснуть.

И она думала о себе. О той Скайлар, которая всегда всё планировала, всегда держала чувства под контролем и никогда — никогда — не врала. А теперь...

Потому что правда была слишком сложной. Потому что она сама её ещё не понимала.

Где-то вдалеке завывала сирена, и звук растаял в ночи. Скайлар перевернулась на бок, поджала колени и закрыла

глаза. Но сон не шёл.

Она заснула только под утро, когда небо за окном начало сереть. И во сне ей снился океан — тёмный, глубокий, полный светящегося планктона.

Вторник, утро.

Эйвери к завтраку не вышла. Скайлар заглянула в спальню — сестра лежала на боку, одеяло натянуто до подбородка. Лицо бледное, глаза припухшие.

— Эйв? — Скайлар присела на край кровати. — Что с тобой?

— Горло дерёт, — сипло выдавила Эйвери. — И голова раскалывается. Простыла, наверное. Езжай, Тео уже ждёт. Я просто поваляюсь.

Скайлар нахмурилась. Вчера сестра летала по комнате, хохотала. А теперь — как сдутый шарик. Она потрогала Эйвери лоб — прохладный, даже слишком. Но допрашивать не стала. Поднялась, поправила одеяло и вышла, тихо прикрыв дверь.

Тео ждал на подъездной дорожке. В подстаканниках — два больших кофе. Скайлар села в машину, и он сразу потянулся к ней, мягко чмокнул в уголок губ.

— Доброе утро. Как ты?

— Привет. Нормально. — Она приняла стакан. — Только Эйвери расклеилась. Дома осталась.

— Жаль. Может, лекарств купить? Или фруктов?

— Я позже наберу, спрошу.

Они выехали на трассу. Тео болтал про вчерашних ска-
тов — один, оказывается, чуть не засосал ему палец вместе
с креветкой, — а потом вдруг спросил:

— Слушай, а книга в итоге от кого? Ты так и не расска-
зала.

Скайлар на секунду замерла, сжав стакан в ладонях, но
быстро взяла себя в руки.

— Не знаю. Анонимно же. Может, кто-то с факультета
узнал, что я её ищу. Или из библиотеки.

— Ого, тайный поклонник? — Тео усмехнулся. — У меня
конкуренты?

— Глупости, — она фыркнула и отвернулась к окну.

Но внутри скребло. Она только что соврала. Снова. В ли-
цо. Почему нельзя было просто сказать: «Это Холден Нокс
прислал»? Да потому что тогда пришлось бы объяснять всё
остальное. Откуда он знает про книгу. Откуда знает про
латте. Зачем вообще ему это надо. Не хотелось туда лезть.
Но где-то глубоко, под слоем самооправданий, копошилась
правда: она промолчала не потому, что не хотела объяснять.
А потому, что этот подарок уже значил для неё больше, чем
она готова была признать.

Едва снизу хлопнула входная дверь, Эйвери переверну-
лась на спину и уставилась в потолок. Никакой простуды. Ес-
ли не считать болезнью то, что сидело в груди со вчерашнего
вечера — тупое, ноющее, непроходящее.

Она лежала и разглядывала трещину на штукатурке. В

комнате до сих пор пахло духами — слишком сладко, слишком навязчиво, и этот запах теперь казался похоронным. Валялось бельё. Она не стала его поднимать. Оно лежало там как вещественное доказательство того, как эпично всё пошло по пизде. Даже встать не было сил. Не то что тащить-ся в универ, сидеть на лекциях, изображать весёлую пофигистку. Ничего не было. Только пустота и злость.

Около десяти зазвонил телефон. Джессика.

— Эй, Рид, ты где? Пара уже началась, я тебе место держу!

— Я дома, Джес. Заболела.

— Заболела? — В трубке повисла пауза. Потом голос Джессики стал тише, собраннее: — Что-то голос у тебя не простуженный. Эйви... ты плакала?

Эйвери всхлипнула, закусив край одеяла.

— Джес, он меня продинамил. Опять. Я ведь правда подумала — всё, лёд тронулся. А он: «Сегодня не получится». И всё. Я весь вечер как дура просидела, надушилась, бельё это дебильное нацепила...

— Та-а-ак. Понятно. — В трубке послышался шорох — Джессика, кажется, уже собирала вещи. — У тебя вино есть?

— С утра пораньше?

— Значит, куплю по дороге. Жди, скоро буду.

Уже через час они сидели рядом на кровати. Джессика молча притянула подругу к себе и крепко обняла, пока та рыдала, уткнувшись ей в плечо. Без всяких нотаций и советов. Просто сидела, гладила её по спине, иногда повторяя «ды-

ши, Рид, дыши», пока плечи Эйвери наконец не перестали ходуном ходить.

— Знаешь, что во всём этом самое унижительное? — тихо сказала Эйвери, когда слёзы кончились. Голос был сухой, безжизненный. — Даже не то, что он меня бортанул. А то, что я всё равно сижу и жду. Понимаешь? Он не пишет. Вообще. А я каждую секунду кошусь на телефон. Ненавижу его за это. И себя ненавижу.

— Завязывай. — Джессика перехватила её за плечи и заставила посмотреть на себя. — Ты втрескалась. Он — мудака. Классика, блин. Но ты Эйвери Рид. Помнишь ту девчонку, которая ворвалась в «Инферно» и сказала охраннику, что её ждут? Которая самому Ноксу предложила сделку, глядя в глаза? Она никуда не делась, Эйв. Она просто временно в нокауте. Проживёшь без него. Может, не сегодня. Но справишься. А пока я останусь у тебя. Закажем пиццу, врубим какой-нибудь сопливый фильм, и ты выплачешь всё, что там внутри сидит. Иногда помогает.

— Мне так хреново, Джес.

— Знаю, подруга. Знаю.

Эйвери слабо усмехнулась, вытирая тушь под глазами:

— Ты сама-то веришь, что такая безумная любовь, как в фильмах, бывает?

— Нет. — Джессика хмыкнула и протянула ей салфетку.

— Но поплакать над чужими соплями — святое дело.

— Значит, «Дневник памяти»?

— О да. Рыдать так рыдать. Врубай.

Эйвери потянулась за пультом, и на секунду её лицо осветила слабая, почти незаметная улыбка. Первая за двое суток.

В главном коридоре Холден наткнулся на Скайлар неожиданно. Она выходила из библиотеки с горой учебников — шаткой, готовой рассыпаться в любую секунду. Он молча подошёл со спины и перехватил три верхних тома, прежде чем она успела их уронить.

— Ты не похожа на человека, который умеет рассчитывать свои силы, — сказал он вместо приветствия.

— А ты не похож на человека, который умеет не совать нос в чужие дела, — парировала она, но без злости. Просто по инерции.

— Я просто шёл мимо.

— Ну да. Как тогда на остановке.

— Типа того.

Он понёс книги к её шкафчику. Скайлар шагала рядом и даже не пыталась протестовать. Когда он передавал последний том, их пальцы соприкоснулись — коротко, случайно, — и по коже пробежал острый, мгновенный разряд. Скайлар чуть не выронила книгу. Отдёрнула руку быстрее, чем собиралась. Надеялась, что он не заметил.

Заметил. Конечно, заметил.

— Спасибо за атлас, — сказала она, не поднимая глаз и уставившись на дверцу шкафчика.

— Я же написал: понятия не имею, о каких подарках речь.

— Ну-ну. — Она едва заметно улыбнулась. Сама не хотела — улыбка вышла сама.

Холден прислонился плечом к соседнему шкафчику и посмотрел на неё. Без обычной наглости — просто внимательно. Скайлар стояла так близко, что чувствовала запах его парфюма — озон, мята, что-то древесное, — и разглядела крошечный шрам над левой бровью. Раньше она его не замечала. Может, потому что раньше не стояла так близко.

— Как там скаты?

Она вскинула голову. Глаза округлились.

— Откуда ты знаешь про скатов?

— Слухами земля полнится.

— Ты опять за мной следишь?

— Делать мне больше нечего. — Он пожал плечами. — Просто увлёкся морской биологией. Ты была права — жутко интересная тема. Особенно глубоководные беспозвоночные.

Она поняла отсылку к атласу и покраснела. Покраснела! Как школьница. Холден это заметил и ухмыльнулся уголком губ, и в этой ухмылке было что-то до отвращения обезоруживающее.

— Кстати, — добавил он как бы между прочим, отлепляясь от шкафчика, — как там твой парень Тео?

— Он не мой... — выпалила она, а потом осеклась, понимая, как это прозвучало. — Ну, не совсем. Мы просто...

— Просто держитесь за ручки, целуетесь и ходите на свидания. — Он загибал пальцы. — Понял. Ничего серьёзного.

Так, лёгкое увлечение.

Скайлар окончательно закипела от возмущения:

— Это не твоё дело, Нокс!

— Конечно, не моё. — Он отступил на шаг, явно довольный её реакцией. — Ладно, отличница. Ещё увидимся.

Он развернулся и вальяжной походкой скрылся за поворотом коридора. А Скайлар так и осталась стоять у своего шкафчика, судорожно прижимая учебники к груди. Её трясло от ярости. Вот только злилась она сейчас вовсе не на Холдена, а на саму себя. За то, что в груди до сих пор бешено и до боли колотилось сердце.

В среду она сидела с Тео в кафетерии, но мысли её были где-то далеко. Тео рассказывал про новую статью о симбиозе креветок и бычков, рисовал что-то на салфетке — кажется, ту самую креветку, — а она кивала, глядя поверх его плеча.

У входа стоял Холден. Разговаривал с каким-то парнем из бизнес-школы. И вдруг его взгляд на секунду пересёкся с её. Обжёг до самых печёнок. И он сразу отвернулся, как ни в чём не бывало, будто и не смотрел.

— ...и они чистят норы, представляешь? — Тео водил ручкой по салфетке. — Скай? Ты меня вообще слышишь?

— А? Что? Да, норы. Чистят. Безумно интересно. — Она заморгала, пытаясь сфокусироваться.

— Ты сейчас вообще не здесь. — Тео улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

— Прости. Задумалась о тесте. Замкнуло.

Тео кивнул и вернулся к салфетке, но Скайлар видела, как опустились его плечи. Она заставила себя посмотреть на рисунок — там красовалась кривая одноглазая креветка с усами разной длины. Под ней подпись: «Скайлар, слушай меня, пожалуйста». Он перевернул салфетку надписью вниз, когда она попыталась прочитать.

— Ладно, — сказал он тихо. — Давай потом договорим. Когда ты вернёшься с теста.

— Тео...

— Всё нормально, правда. Я понимаю. Тесты — это важно.

Он улыбнулся — на этот раз почти искренне, — и от этой улыбки у Скайлар защемило сердце. Он не понимал. Он думал, что она переживает из-за учёбы. А она в это время боковым зрением фиксировала, как Холден направляется к выходу, и отмечала совершенно неважные вещи: что сегодня на нём была не чёрная футболка, а тёмно-серая. И как она сидела на плечах.

Чёрт.

Она не могла вспомнить, о чём Тео говорил последние пять минут.

Вечером того же дня Холден сидел за столом в особняке и чувствовал себя породистым псом на грёбаной выставке. Фарфор, фамильное серебро, три вилки, от которых никакого толку, и цветы — лилии, чей запах лез в глотку, смешиваясь с ароматом мраморной говядины и приторными духами

Сибиллы. От этого коктейля подташнивало.

Сибилла пригласила подругу Мелиссу и её дочь Ванессу. У Ванессы была идеальная укладка, фарфоровая улыбка и пустой взгляд — такой, какой бывает у фарфоровых кукол. Она стреляла глазами с первой минуты, поправляя локоны, а Холден делал вид, что увлечён стейком. Мраморная говядина, между прочим. Единственное, ради чего стоило сидеть за этим столом.

— Холден, дорогой, ты просто обязан проводить Ванессу на открытие нового казино, — щебетала Сибилла, отрезая спаржу на кусочки размером с ноготь. — Для твоего отца это такое важное событие. Пресса, партнёры, семейный имидж. Надо показать, что Ноксы держатся вместе.

Лайонел отрезал кусок мяса и бросил, не глядя на сына:

— Это вопрос бизнеса. Наденешь смокинг, будешь сопровождать Ванессу. Мы с Мелиссой уже всё обсудили.

— Ну разумеется. — Холден отпил виски, не поднимая глаз. — Куда ж мы без имиджа.

Ванесса накрыла его ладонь своей — пальцы прохладные, маникюр идеальный, — и улыбнулась. Он убрал руку. Медленно, будто стряхивал насекомое.

— Холден, — с нажимом прикрикнул Лайонел, нахмутив брови и его глаза сузились.

— Я буду. Я же сказал.

Ванесса надула губы. Мелисса тут же завела светскую беседу о том, как они с Сибиллой познакомились на неделе

моды в Милане. Что-то про шампанское и платье от кутюр. Холден перестал слушать на втором слове.

Он представил себе это открытие: душный смокинг, вспышки камер, Ванесса под руку, её дурацкие вопросы — «а что такое рулетка?», «а почему нельзя расплатиться картой?». Захотелось рассмеяться прямо за столом.

Вместо этого он вытащил под столом телефон и набил Лиаму: *«Убей меня прямо сейчас. Я на ужине с потенциальной миссис Нокс».*

Ответ пришёл быстро: *«ХАХАХА! Всё настолько паршиво? Это та, которая путает право и лево и не знает, сколько будет семью восемь?»*

«Хуже. Она думает, что Моне — это бренд шампуня».

Лиам скинул фотку кота, закапывающего себя в песок. Холден криво усмехнулся, убрал телефон и сделал ещё глоток виски. Впереди была неделя ада. Потом Ванесса. Смокинг. Пафосное открытие.

Господи, дай ему сил не прибить кого-нибудь прямо на красной дорожке.

В четверг вечером родители ушли в ресторан отмечать годовщину, и в доме сразу воцарилась глухая тишина. Эйвери стояла перед зеркалом в спальне. Плакать она больше не могла — все слёзы вышли вчера, осталась только сухая, ледяная злость. И боль. Тупая, ноющая, где-то под рёбрами.

Она натянула короткое красное платье, ярко покрасила губы и вышла, даже не взглянув на сестру. Скайлар что-то

крикнула с дивана, но Эйвери только махнула рукой — «потом».

Адрес она помнила наизусть. Двадцатый этаж, квартира 225. Ключи до сих пор валялись в сумке — он сам когда-то бросил их на тумбочку, и выкинуть рука не поднялась. Лифт взлетел за секунды. Она подошла к двери и нажала звонок. Тишина. Ещё раз, дольше. Никого. Тогда она принялась колотить кулаками, потом ладонями, потом ударила ногой — глухой, бесполезный звук. Костяшки заныли, но она не остановилась. В конце концов она просто прижалась лбом к холодному металлу двери и зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли искры.

В голове всплыло, как она пришла сюда в первый раз. Как он открыл дверь — без улыбки, но с тем взглядом, от которого внутри всё переворачивалось и дышать становилось трудно. Как они пили виски на балконе, и он спросил, о чём она думает. Она тогда сказала правду, а он не стал смеяться. Просто кивнул и налил ещё.

Теперь она стояла перед запертой дверью и чувствовала себя так, будто её выпотрошили.

Дрожащими пальцами Эйвери вытащила телефон из сумки. Набрала его номер. Короткий гудок. Сброс. Набрала ещё раз — снова сброс. На третий раз она просто слушала длинные гудки, пока не включился автоответчик. Сообщение оставлять не стала.

— Ну пожалуйста, — прошептала она в пустоту. Голос

был чужим, сломанным. — Просто возьми трубку. Я же знаю, что ты там.

Тишина.

Она медленно сползла по стене на холодный кафельный пол, поджала колени к груди и застыла. Платье задралось, но ей было плевать. Холод от пола пробирался сквозь тонкую ткань, заставляя дрожать. Она сидела, пока не окоченели пальцы. Потом поднялась, одёрнула платье, вытерла размазанную тушь тыльной стороной ладони и пошла к лифту. Пора домой.

В пятницу, около шести утра, Скайлар нашла сестру на кухне. Эйвери спала на диванчике, свернувшись калачиком в том же красном платье. На щеках — разводы туши, на одной ноге туфля, вторая валялась у холодильника. От неё пахло перегаром, сигаретами и отчаянием — едким, как дым после пожара.

Скайлар остановилась в дверях. Что-то внутри оборвалось. Она никогда не видела сестру такой. Эйвери — которая всегда была громкой, дерзкой, неуязвимой — сейчас выглядела как сломанная кукла.

Она молча сняла с неё оставшуюся туфлю и укрыла сестру флисовым пледом. Потом села рядом, взяла её за холодную ладонь и сидела, пока Эйвери не разлепила опухшие глаза.

— Пойдём наверх, в спальню, — тихо сказала Скайлар, убирая прядь с её лба.

— Я вообще не хочу вставать. Жизнь — дерьмо.

— И не надо. Просто обопрись на меня.

Она довела Эйвери до постели, уложила, укрыла одеялом и сидела рядом, поглаживая по голове, пока та не провалилась обратно в сон.

Пару часов спустя Скайлар вышла из аудитории. Голова гудела, в висках ещё стучали обрывки семинара, и она мечтала только об одном — добраться до кафетерия и выпить кофе. Холодный коридор встретил её запахом мела и старого линолеума, и она на секунду закрыла глаза, потирая переносицу.

Холден возник перед ней неожиданно. Вырос из ниоткуда. В руках — два больших стакана.

— Привет, — он сунул ей один.

— Привет, — она машинально взяла его, даже не успев подумать.

Рука коснулась его пальцев, и по коже пробежал знакомый разряд — острый, мгновенный. Она чуть не отдернула ладонь, но стакан уже был у неё.

— Спасибо, — буркнула она и сделала глоток.

Сладкий, карамельный, именно такой, как она любила.

— Опять скажешь, что просто шёл мимо?

— Не-а. — Он засунул свободную руку в карман и пошёл рядом. — Сегодня я пришёл специально. Есть предложение.

— Какое? — Она покосилась на него.

— Хочу показать тебе одно место. В «Нокс-тауэр». Там есть смотровая площадка на семидесятом этаже. Техническая зона, туда никого не пускают. Но у меня ключи.

Она остановилась так резко, что кофе плеснулся на крышку. Развернулась к нему. В голове пронеслось: «Ты серьезно?»

— Ты сейчас предлагаешь мне незаконно пробраться в здание?

— Ну да. — Он пожал плечами. — Ночью там никого.

— Это безумие, — выдохнула она, но сердце уже забилось быстрее, а пальцы сжались на стакане.

— Поэтому и предлагаю. — Не поймают. Я там каждый угол знаю. Охрана меня в лицо помнит, а если что, я скажу, что похитил тебя. Идёшь как невинная жертва, которую я загипнотизировал своим обаянием.

— А если поймают?

— Не поймают. Я там каждый угол знаю. Охрана меня в лицо помнит, а если что, я скажу, что похитил тебя. Идёшь как невинная жертва, которую я загипнотизировал своим обаянием.

Она нервно хохотнула, покачала головой. Это было неправильно, глупо, рискованно. И именно поэтому ей хотелось согласиться.

Она нервно хохотнула, покачала головой. Это было неправильно, глупо, рискованно. И именно поэтому ей хотелось согласиться.

— Я подумаю.

— Сегодня в девять. — Он уже отступал, не сводя с неё глаз.

— У меня вообще-то планы, — бросила она скорее по инерции, просто чтобы не сдаваться сразу.

— С Томпсоном? — Его бровь дёрнулась.

— Не твоё дело.

Он только хмыкнул, развернулся и зашагал по коридору, оставляя её с остывающим кофе и бешено колотящимся сердцем. Скайлар стояла и смотрела ему вслед, пока его фигура не скрылась за поворотом. Ладонь, сжимающая стакан, дрожала. Она поняла, что хочет сказать «да». И это пугало её больше, чем незаконное проникновение.

Ближе к семи вечера позвонил Тео. Голос усталый, винный:

— Скай, у мелкого начались осложнения, врачи настаивают на срочной операции. Мы всей семьёй срываемся в Лос-Анджелес на пару дней. Прости, наше свидание срывается. Я хотел с тобой увидеться, честно.

— Даже не думай извиняться, — перебила она, чувствуя, как внутри одновременно сжимаются два чувства: облегчение и вина. — Поезжай. Брату привет. И держи меня в курсе. Я буду волноваться.

— Хорошо. Я наберу, как смогу. Ты там... не скучай.

— Буду ждать. Пока.

Она отключилась и села на диван. В доме было тихо: ро-

дители ещё не вернулись с прогулки, Эйвери без задних ног дрыхла наверху, укутанная в плед. Скайлар заглянула к ней перед тем, как спуститься — сестра спала, свернувшись калачиком, лицо всё ещё опухшее, но спокойное. Скайлар поправила одеяло и тихо прикрыла дверь.

Экран телефона моргнул. Сообщение: *«Предложение в силе»*.

Скайлар смотрела на эти слова, пока они не начали расплываться перед глазами. Потом быстро, пока не передумала, пока не включился её внутренний биолог с доводами «это неправильно» и «у тебя есть парень», застучала по кнопкам:

«Ты ведь не отстанешь?»

Ответ пришёл мгновенно: *«Нет»*.

Она шумно вздохнула. Сердце внутри сразу заколотилось как ненормальное. Пальцы дрожали, когда она набирала:

«Ладно, уговорил».

«Договорились. Заеду за тобой в девять».

Она отложила телефон и уставилась в потолок. Что она только что сделала?

Глава 9. Чужая территория

В гараже особняка Ноксов воняло бензином, разогретым на солнце металлом и дорогой старой кожей — настоящий мужской ладан. Холден, склонившись над открытым капотом «Мазерати», скомкал промасленную тряпку и с размаху швырнул её на верстак. Под ногтями чернело масло, мышцы приятно ныли после возни с движком. Он выпрямился и потянулся к бутылке с водой, когда телефон на бетонном полу взорвался вибрацией и с дребезгом проехался к его кроссовку.

Лиам. Ну конечно.

— Чего тебе? — буркнул в трубку Холден, поднимая трубку грязной рукой.

— И тебе добрый вечер, Нокс, — голос Лиамы сочился сарказмом. — Я тут на досуге календарь полистал. Знаешь, есть такая штука с циферками. Ты сам сказал: «Две недели — и она моя». Так вот, они благополучно истекли еще в понедельник. Сегодня пятница. Я ничего не перепутал?

— В курсе я.

— В курсе он, — Лиам громко причмокнул. — Ну и? Где проставы? Где коронное: «Лиам, братан, накрываю поляну, потому что эта заучка уже из моей койки не вылезает»?

Холден перехватил телефон плечом, открутил крышку с бутылки и сделал приличный глоток. Вода была ледяной, аж

зубы заломило.

— Нужно ещё время.

В трубке повисла тишина. А затем раздался резкий выдох вперемешку с бульканьем — судя по всему, Уэббер подавился колой.

— *ТАК, СТОП, чувак...* — голос Лиамы от шока взлетел чуть ли не до ультразвукового свиста. — *Ты сейчас серьезно, что ли?!* Сам Холден Нокс просит отсрочку? Ты что, слил спор? Признавайся.

— Я не прошу. Я информирую. — Холден посмотрел, как прозрачная капля ползёт по горлышку бутылки. — Девчонка оказалась не такой простой, как я думал.

— Не такой простой? — Лиам уже откровенно заржал во весь голос. — Она что, диссертацию с тебя потребовала перед тем, как ноги раздвинуть?

— Лиам, блядь.

— Молчу-молчу. — Смех оборвался, но ухмылка в голосе осталась. — Ладно, даю тебе ещё три недели. Но учти: если и в этот раз результата не будет — с тебя новенькая коллекционная тачка и ящик оригинального восемнадцатилетнего «Макаллана». По рукам?

— Договорились.

— *Кстати, — тон Лиамы неуловимо изменился, — твоя эта... Эйвери. Вчера полчаса рыдала у твоей двери. Охрана уже вызванивала меня, думали, ЧП.*

Холден с силой сжал бутылку в кулаке. Пластик с хрустом

прогнулся. Вода из горлышка резко плеснула прямо на свежее масляное пятно на полу, превратив его в ядовитую, переливающуюся всеми цветами радужную лужу.

— Это вообще не моё дело, — отрезал он.

— Ну-ну. Как скажешь, чувак. Только учти — она там своими слезами и тушью весь этаж перепачкала.

Холден молча сбросил звонок, даже слушать дальше не стал, и сунул телефон в карман джинсов. Посмотрел на сверкающий капот «Мазерати». Потом перевёл взгляд на часы. Восемь двадцать пять. Пора выезжать за Скайлар.

Скайлар стояла перед открытым шкафом, вцепившись пальцами в ручку дверцы. Прошло уже минут пятнадцать, и за это время пол в спальне превратился в филиал секонд-хенда.

Сначала в угол полетело синее вечернее платье: «Я что, на выпускной бал собралась, что ли?». Следом на стул отправилась строгая юбка-карандаш. Слишком... по-взрослому. Или, наоборот, слишком вызывающе и глупо? Скайлар швырнула её, промахнулась, но даже поднимать не стала. Черные джинсы показались ей какими-то слишком правильными, будто она из кожи вон лезла, чтобы нарядиться. Она сорвала их с себя с такой злостью, словно эти шмотки лично объявили ей войну.

В конце концов она просто шумно выдохнула, уперлась лбом в прохладную деревяшку дверцы и зажмурилась.

Это ни разу не свидание. Успокойся. Это просто соуча-

ствие в преступлении средней тяжести. Незаконное проникновение со взломом на охраняемый объект. Причем на пару с парнем, который бесит её до зубовного скрежета, *и от одного случайного взгляда на которого у неё где-то под рёбрами всё испуганно подпрыгивает, как попкорн в микроволновке*. Идиотский, предательский, совершенно неуправляемый девичий организм!

«Соберись, Рид. Включи мозги, ты же умная. Ты ведь на самом деле вообще не хочешь никуда идти с этим придурком».

Врала самой себе. Причем нагло. Хотела — капец как. И это тупое желание сейчас было куда сильнее любого голоса разума.

Она схватила телефон и открыла чат с Ноксом. Быстро набила: *«Слушай, планы поменялись, я передумала. Давай вообще не сегодня»*. Палец завис над кнопкой отправки. Удалила. Быстро, *пока мозг не среагировал*.

Следом набрала: *«Нокс, это очень плохая идея, нас арестуют»*. Снова стёрла.

Вспыхнув от злости, напечатала снова: *«У меня вообще-то есть парень, если ты случайно забыл»*. Прочитала, чуть вслух не сматерилась от того, как жалко это звучит, и опять всё снесла.

Скайлар психанула, дёрнула с вешалки самые обычные синие джинсы с протёртой дыркой на правом колене, которые мама вечно грозилась выкинуть на помойку. Натянула

простую серую футболку. Волосы на автомате перетянула резинкой в хвост, даже не глядя в сторону зеркала. Обула старые кроссовки. Никакого макияжа.

Вот так. Боевая раскраска под кодовым названием «Мне на тебя абсолютно похрен».

Она всё-таки бросила мимолетный взгляд на свое отражение в зеркале и едва не рассмеялась в голос. Ну вылитая студентка-зубрила, которая собралась на ночную лекцию.

— Дура ты, Рид, — тихо бросила она зеркалу.

Отражение спорить не стало.

Мобильник коротко вильнул виброзвоном ровно в девять ноль-ноль: *«Я за углом, припарковался у дуба. Выходи»*.

Холден Нокс, великий мастер изысканной светской беседы, чтоб его.

Скайлар запихала телефон в задний кармани на цыпочках, затаив дыхание, выскользнула из спальни в коридор. На лестнице предательски скрипнула деревянная ступенька. Скайлар замерла как вкопанная, до боли прикусив губу. Тишина. Родители думали, что Эйвери зависает у Джессики, а сама Скайлар якобы ушла к себе зубрить латынь. Родители спокойно отдыхали в гостиной на первом этаже — оттуда доносился приглушенный закадровый смех из какого-то вечернего ток-шоу.

Она максимально бесшумно провернула замок входной двери. Ночь сразу обняла её прохладным шквалистым ветром, пахло сыростью и мокрым асфальтом после ливня.

Дверь закрылась за спиной с мягким, едва слышным щелчком. Назад дороги не было.

Машина ждала за углом — чёрная, низкая, неуместно дорогая для этой скромной улицы. Скайлар передёрнуло от вчернего холода, и она прибавила шаг. Холден даже не подумал выйти — просто толкнул пассажирскую дверь изнутри. Она рванула на себя тяжёлый металл и нырнула в полумрак салона. Нос сразу пробил знакомый запах дорогой кожи и ледяного кондиционера.

— Шустро ты, — вместо нормального приветствия сказал он.

— Я просто не люблю опаздывать.

Двигатель под капотом отозвался низким, сытым урчанием. Холден выкрутил руль одной рукой, и машина выскользнула из переулка на главную дорогу. Скайлар сразу уставилась в боковое стекло. Привычные, исхоженные вдоль и поперек улицы в темноте казались абсолютно чужими. Фонари то тонули во мраке, то швыряли на капот резкие жёлтые пятна, и машина на бешеной скорости скользила сквозь них.

Из динамиков зазвучала музыка — что-то ритмичное, с тяжелыми, бьющими под дых басами и хриплым мужским вокалом.

— Что за группа?

— Royal Blood. Британцы, — Холден переключил передачу.

— Не слышала.

— Не удивлён. — Он покосился на неё. — Ты, наверное, классику слушаешь.

Она шумно фыркнула, мысленно признавая: попал, гад, прямо в яблочко. В голове заиграла классика, под которую она обычно зубрила и закадровый голос Дэвида Аттенборо из документалки про сложный цикл миграции тихоокеанского лосося. Господи, какой позор. Ну почему она такая зануда?

Сзади на сиденье валялся чёрный мотоциклетный шлем. Матовый, с мелкими царапинами на визоре. Внутри проскочила глупая мысль: для неё приготовил? Или он у него всегда там катается? Она скосила глаза, пытаясь рассмотреть размер, но вовремя одёрнула себя и отвернулась. Не хватало ещё показать, что ей интересно.

Пейзаж за окном менялся быстро. Сонные спальные кварталы сменились широкими, залитыми неоном проспектами, а затем — стеклянному Даунтауну. Небоскрёбы росли прямо на глазах, вонзаясь острыми шпильями в черное небо. Кое-где на верхних этажах тускло светились окна — привет запоздалым трудоголикам и ночным уборщикам.

Скайлар даже подалась вперёд, почти прилипнув носом к стеклу, чтобы разглядеть крыши.

— «Нокс-тауэр», — негромко произнес Холден, кивая головой на гигантскую чёрную стеклянную громаду, выросшую прямо перед ними. — Самая высокая в этом городе.

— Мы... мы реально туда?

— Ага, — он нагло притопил педаль газа.

— У меня к тебе два вопроса, — Скайлар повернулась к нему всем корпусом. — Первый: как мы вообще туда проберемся мимо охраны? И второй, самый главный: зачем тебе всё это надо?

— На первый вопрос ответ простой — через служебный технический вход для випов, — он на секунду замолчал, вглядываясь в темный створ подземного паркинга. — А на второй... Ну, считай, что мне просто скучно жить.

Она только головой покачала, но скрывать очевидное было глупо: в груди уже вовсю полыхало дикое, пьянящее предчувствие приключения — острое, щекочущее и безумно запретное. «Мазерати» свернула в тёмный переулок за небо-скрёбом и Холден заглушил мотор. Всё, приехали.

Служебный вход прятался на задворках за мусорными баками — стальная дверь, выкрашенная серой краской, вообще без каких-либо вывесок. Холден открыл её одним движением, даже не глядя на замочную скважину, будто торчал тут каждый день. Из открывшегося проема на них мгновенно дохнуло подвальной сыростью и едкой хлоркой. Длинные лампы под потолком противно зажужжали и замигали, как потревоженные мухи.

— Добро пожаловать в империю Ноксов, — обронил он через плечо, даже не обернувшись. — Парадный вход чуть дальше.

Они быстрым шагом двинулись вперёд по бесконечному,

запутанному лабиринту коридоров. Воздух здесь стоял спёртый, но при этом прохладный. Где-то в самом подвале нутжно и глухо ухали генераторы — от этого низкого вибрирующего звука бетонный пол под кроссовками ощутимо подрагивал. Скайлар шла хвостиком за Холденом, с любопытством разглядывая переплетения труб под потолком, которые были опутаны разноцветными проводами, словно корни какого-то гигантского доисторического дерева.

— Эта херня питает башню, — сказал он, заметив её изумляющий взгляд. — Свет, вода, вентиляция. Если вся эта проводка накроется, люди на верхних этажах задохнутся в своих офисах за час.

— Впечатляет.

— Да ладно, обычная инженерия. Ничего такого.

Они начали затяжной подъем по пожарной лестнице — металлической с неудобными решётчатыми ступенями. Каждый их шаг отдавался гулким эхом, которое улетало по бетонной шахте и вверх, и вниз. На площадке где-то в районе сорокового этажа Холден затормозил так резко, что Скайлар чуть не впечаталась носом прямо ему в спину. Он вытащил из кармана здоровенную связку ключей и давай их перебирать.

И тут начался цирк.

Первый ключ не подошёл. Второй он загнал в скважину с такой силой, что металл противно скрежетнул, и ключ там заклинило. Холден выругался сквозь зубы и рванул связку

на себя так, что чуть кольцо не порвал. Третий ключ даже соваться в замок не захотел. Четвертый — опять мимо.

Скайлар облокотилась о бетонную стену и скрестила руки на груди. Трубы над её головой продолжали монотонно гудеть, заставляя лампу дневного света подмигивать каждые пять секунд.

— Ты вроде хвастался, что у тебя есть ключи от всех дверей.

— Они у меня есть, — Холден лязгнул связкой. — Но я не говорил, что помню, какой от какой двери. Их тут сорок штук болтается.

— То есть у нас есть все шансы куковать здесь до утра?

— Не нагнетай. — Он попробовал пятый. Тот провернулся в пазу, но дверь так и не поддалась. — Бля. Да ладно?

— Слушай, может, применишь свою фирменную харизму? На дверь. Говорят, на девчонок действует, вдруг и замок поплывет.

Он резко обернулся, посмотрел на неё в упор из-под нависшей чёлки. Уголок губ сразу дернулся в наглую ухмылку.

— Острый язычок, да? Смотри не порежься.

— Постараюсь как-нибудь.

Шестой ключ всё-таки подошел. Замок щелкнул так громко, будто пистолет сняли с предохранителя. Холден с победным видом распахнул дверь и сделал приглашающий жест рукой. Сделал широкий шаг вперед и... со всего маху зацепился кроссовком за металлический порожек. Споткнулся,

качнулся вперед и, отчаянно взмахнув руками, чудом удержал равновесие, в последний момент устояв на ногах.

Скайлар за его спиной прикусила нижнюю губу, из последних сил сдерживаясь, чтобы не засмеяться во весь голос — Ни слова, — прорычал он, оборачиваясь к ней с багровым лицом.

— Да я молчу вообще.

Они двинулись дальше — через очередной лабиринт технических этажей. Воздух здесь сделался совсем сухим и горячим, трубы отопления стали в два раза толще, а тусклый свет едва разгонял тени. Холден шёл уверенно, сворачивая в боковые проходы и невзрачные развилки без колебаний. Скайлар только сейчас заметила, что на поясе его джинсов, рядом со связкой ключей болталась маленькая чёрная рация.

А в следующее мгновение она ожила.

«Сорок второй этаж, датчики зафиксировали движение в техническом блоке «Б». Проверьте сектор».

Диспетчерский голос резанул по нервам Скайлар. Накатила паника.

Холден среагировал мгновенно. Сгрёб её в охапку и буквально затолкал в узкую нишу между бетонной стеной и массивной, пышущей жаром трубой отопления. Скайлар даже пискнуть от испуга не успела. Только выдохнула резко, когда её ладони упёрлись в его грудь.

Их разделяли какие-то жалкие сантиметры. Она чувствовала тепло, шедшее от него сквозь футболку. В нос ударил

его парфюм — мята, что-то древесное, сандал и совсем едва заметный шлейф виски. А еще она отчетливо ощущала, как ровно и спокойно бьётся его сердце. В отличие от её собственного, которое готово было ребра проломить от бешеного стука.

В этой тишине слышно было только их дыхание.

В коридоре за стеной слышались тяжелые, шаркающие шаги. Кто-то не торопясь прошёл мимо их укрытия, насвистывая под нос какой-то дурацкий попсовый мотивчик. Охранник застыл всего в метре от них, осматриваясь.

Холден наклонился к её уху. Медленно. Вплотную. Так близко, что она почувствовала кожей тепло его губ.

— Даже не дыши, — едва слышно выдохнул он.

Его дыхание мазнуло по мочке уха, и по телу Скайлар ментально прошел разряд — от затылка до самых пяток. Коленки в секунду стали ватными. Адреналин смешался с чем-то куда более горячим и опасным. Она зажмурилась, молясь, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Рация снова зашипела: *«Ложная тревога, отбой. Уборщики на тридцать девятом забыли свой хлам. Всем постам вернуться на маршруты».*

Шаги постепенно затихли. Холден выждал еще примерно минуту, прежде чем наконец разжать руки и выпустить её. Свободно вышел из ниши и как ни в чем не бывало поправил рацию на ремне.

— Всё, чисто. Путь свободен.

Скайлар осталась стоять на месте. Ноги не слушались. Она молилась всем богам вселенной лишь об одном: чтобы в этом полумраке Холден не разглядел, как полыхают её щёки и как она вцепилась пальцами в джинсы, чтобы унять дрожь в руках.

— Ты в порядке? — Он обернулся через плечо.

— В полном. — Голос сел, так что пришлось прокашляться. — Пошли уже.

Он тихонько хмыкнул и зашагал дальше. Она поплелась следом, пытаясь заставить сердце биться нормально.

Последняя дверь открылась без усилий.

Ветер ударил в лицо, заставив зажмуриться. Скайлар шагнула на крышу и замерла на месте. Перед ней раскинулось ночной Сан-Диего — бесконечное, живое море огней, уходящее за самый горизонт. Крошечные автомобили внизу ползли по трассам тонкими светящимися точками, соседние небоскрёбы мерцали жёлтыми квадратами окон, а где-то далеко, на краю этого сверкающего безумия, темнела бескрайняя гладь Тихого океана.

— Охренеть, — выдохнула она, не в силах оторвать взгляд.

— Ну да, неплохой вид, согласен, — Холден пристроился рядом, засунув ладони в карманы джинсов. — Я в детстве постоянно сюда сбегал. Когда дома всё шло по одному месту и становилось совсем невыносимо. Сидел тут в одиночку часами.

Скайлар удивлённо покосилась на него. Это было сказано без сарказма и понтов — как-то слишком просто, почти как откровение. Но Холден сразу же замялся и отвернулся, делая вид, что увлечённо разглядывает разглядывая силуэты далёких грузовых кранов в порту.

— Неплохой вид?! — не сдержавшись, воскликнула она. — Да ты издеваешься, Нокс! Это же... у меня просто слов нет, честно.

— У тебя — и нет слов? — он нагло ухмыльнулся уголком рта. — Обязательно запишу этот момент в свой ежедневник. Жирным красным маркером.

Скайлар рассмеялась. Легко так, искренне, вообще неожиданно для самой себя. Воздух на семидесятом этаже был до дури свежим, а вид на город — слишком нереальным. Она подошла к низкому бетонному бортику и опёрлась ладонями о холодный камень. Ветер вовсю трепал выбившиеся из хвоста светлые пряди, бросая их ей на лицо.

— Осторожнее там, — его пальцы резко сомкнулись на её локте. Буквально на одно мгновение. И сразу отпустили. — Я не для того тебя сюда тащил, чтобы ты в первую же минуту сиганула вниз.

Она даже огрызаться не стала. Просто продолжала стоять и залипать на расстилавшийся мегаполис. Где-то далеко-далеко внизу выла полицейская сирена — до высоты звук долетал приглушённым, едва различимым эхом. Скайлар поймала себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует

себя... не в своей тарелке. Но странным образом это чувство сейчас её ни разу не пугало. Наоборот — безумно затягивало.

Холден молча стоял рядом и не лез с разговорами. В этот самый момент у него в кармане куртки в очередной раз задергался телефон. Он даже бровью не повёл. Только поправил воротник, защищаясь от ветра.

Телефон завибрировал. Холден бросил взгляд на экран, увидел имя «Эйвери Рид» и сбросил, не раздумывая.

На другом конце провода Эйвери Рид стояла босиком на ледяном ламинате в спальне. Пальцы на ногах уже сводило от холода, но она этого даже не замечала. Вся её вселенная сузилась до бьющих по нервам длинных гудков в динамике. Красное платье — то самое, в котором она еще вчера униженно караулила Нокса у его запертой двери, — валялось на стуле. На рукаве до сих пор виднелась засохшая серая пыль, которую она собрала с кафеля в его подъезде.

— Возьми же ты трубку... — до боли вжимая телефон в ухо, умоляюще прошептала она. — Ну, пожалуйста, Холден. Всего один раз.

Автоматический сброс. Короткие гудки ударили по перепонкам.

Она с размаху швырнула телефон на кровать и уставилась в потолок.

— Ну и пошёл ты нахер, — сипло, на грани срыва выдохнула она в пустоту комнаты. — Пошёл ты, пошёл ты, пошёл

ты...

Её резко подорвало с места. Она открыла шкаф так, что створка с грохотом впечаталась в стену. Достала оттуда чёрное платье — короткое, с вырезом на спине до самого копчика. Натянула. Накрасилась в три раза ярче обычного: стрелки до самых висков, губы — цвета спелой, почти черной вишни. Застыв, она в упор посмотрела на собственное отражение. Из зеркала на неё глядела та самая Эйвери Рид, которая пару месяцев назад ворвалась в «Инферно» и предложила Ноксу сделку. Вот только глаза у этой Эйвери сейчас были мёртвые и пустые. Как у фарфоровой куклы.

— Ничего, — процедила она своему отражению. — И не из такого дерьма выбирались. Справимся.

Ночной клуб «Инферно» встретил её привычным, оглушительным ударом басов прямо в грудь и стойким запахом текилы. Бешеный неон рвано метался по стенам — синий, розовый, кислотно-зеленый. Сотни тел на танцполе двигались как одна сплошная потная масса.

Эйвери сразу направилась к барной стойке, залезла на высокий стул и швырнула карту бармену:

— Шот текилы.

Выпила, стукнула стеклом о стойку. Потом заказала ещё один. И следом — третий.

— Ого, какие люди в наших краях, знакомые лица! — бармен, которого она прекрасно помнила по прошлым визитам, подмигнув ей, протирая бокал полотенцем. — Что, Нокс се-

годня зажигает без тебя?

— Сегодня я без него, — отрезала она. — Повтори текилу.

Он молча подвинул стопку. Эйвери опрокинула её в один глоток и зажмурилась от обжигающей, цитрусовой горечи, потёкшей по горлу. Алкоголь потихоньку расслаблял тело, но был абсолютно бессилён против главного — тупой, ноющей пустоты под рёбрами.

К ней подкатили минут через сорок. Какой-то парень с пафосной татуировкой на шее и ленивой, смазливой улыбкой. Симпатичный, но совершенно незапоминающийся, из разряда тех, чьи имена стираются из памяти через пять минут.

— Потанцуем? — крикнул он, перекрикивая колонки.

— Погнали.

Она позволила утянуть себя в самую гущу толпы. Двигалась на автомате: бёдра влево, руки вверх, волосы по сторонам. Парень тут же плотно прижался к ней сзади, нагло положил ладони ей на талию что-то шепча прямо на ухо под грохот музыки. Но Эйвери его вообще не слышала. Ей было плевать.

В какой-то момент она просто закрыла глаза и представила совсем другие руки. Другие пальцы, жестко сжимающие бёдра. Другой, хрипловатый голос, шепчущий прямо в ухо: «Ты ведь сама этого хотела, Рид».

— Эй, ты живая там вообще? — парень затормозил, удив-

ленный ее внезапной зажатостью.

— Заткнись и просто танцуй, — грубо оборвала его она, не открывая глаз.

Чуть позже он потянул её за собой в сторону туалетов, и Эйвери покорно поплелась следом — просто потому, что надо было хоть чем-то себя занять. Забить хоть какой-то грязью эту чёрную дыру внутри, которая сжирала её заживо. *Может, чужие прикосновения помогут? Может, чужие губы перекроют эту рану?*

В кабинке до тошноты воняло хлоркой, чьими-то приторными духами и застарелой блевотиной. Парень с ходу прижал её спиной к перегородке и поцеловал — мокро, слюняво, с противным, въевшимся сигаретным привкусом. Она ответила чисто механически. Вцепилась пальцами в его плечи, посильнее притянула к себе, пытаясь поймать хоть какую-то искру.

И... вообще ничего не почувствовала. Пустота.

Когда его ладони полезли под край платья, её желудок аж скрутило спазмом от отвращения.

— Тормози, — Эйвери со всей дури упёрлась ладонями ему в грудь, силой отпихивая от себя. — Всё. Хорошо. Я не могу.

— В смысле — «не могу»? Ты чё, издеваешься? — придурок даже не подумал отстраниться, лишь нагло ухмыльнувшись, нависая над ней. — Ты сама сюда пришла, детка.

— Детка? — она толкнула его сильнее. — Тебе твоя ма-

мочка в детстве не объясняла, что значит слово «нет»?

— Слышь, полегче...

— Уйди от меня нахер, блядь! Пошел вон! — закричала она.

Он отшатнулся, недовольно закатив глаза. Презрительно пробормотал что-то про «динамо» и вывалился наружу, с грохотом хлопнув пластиковой дверью. Эйвери аж вздрогнула на месте.

Силы моментально оставили её. Она медленно сползла спиной по стене прямо на холодный, липкий плиточный пол. Закрыла лицо руками. В висках долбило как из пулемета, в горле стоял ком от так и не выплаканных слез. Её тошнило — то ли от лишней текилы, то ли от отвращения к самой себе.

В сумочке запиликал телефон — прилетело сообщение от Джессики: *«Дошла до дома? Живая? Я волнуюсь, отпишишь»*. Эйвери стеклянным взглядом посмотрела на экран, выключила звук и сунула телефон обратно.

Кое-как поднялась, цепляясь за раковину. Одёрнула платья. Глянула в заляпанное зеркало, вышла из туалета и направилась напрямик к выходу — мимо беснующегося танцпола, мимо бара, мимо того самого татуированного парня, который что-то там обиженно орал ей вслед.

На ночной улице пахло сыростью, бензином и выхлопными газами. Дрожащими пальцами Эйвери щелкнула зажигалкой и закурила — первую сигарету за весь этот чёртов вечер. Горький дым обжёг легкие, заставляя закашляться.

— Ну и жалкое же ты зрелище, Рид, — вслух процедила она в темноту. — Просто охренеть какое убогое.

И она побрела пешком в сторону дома по безлюдному тротуару, ловя на себе взгляды редких прохожих, которые оборачивались ей вслед. Короткое платье, размазанная по лицу чёрная тушь, стойкий шлейф текилы и полного, беспросветного отчаяния.

На крыше Холден резко хлопнул ладонью по бетонному бортику, прерывая тишину.

— Ладно. Сеанс медитации окончен, — он повернулся к ней, пряча нос в воротник куртки. — Вид заценили, ветром нас продуло до костей. Двигаем дальше.

— Дальше? — Скайлар удивленно обернулась, убирая с лица растрепанные волосы. — Ты серьезно? Будет что-то ещё круче этого?

— А ты реально думала, я тебя притащил чисто на город поглазеть? — он растянул губы в усмешке, которая не предвещала ничего хорошего. — Не обижай меня, Скайлар. Это так, разминка была. Основное блюдо ждёт внизу.

Шлем в машине. Точно.

— Мотоцикл?

— Прямо в яблочко. — Холден одобрительно хмыкнул и кивнул в сторону двери. — Заскочим сначала к тачке, заберем экипировку. Идём, пока охрана не очухалась.

Они пулей нырнули обратно в полумрак технических лестниц. Вот только теперь Скайлар уже не плелась сзади, а

летела вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Весь страх куда-то испарился. В крови бурлил чистый азарт.

Подземная парковка встретила их холодным светом галогеновых ламп, запахом жженой резины и бензина. В самом дальнем, темном углу, в стороне от пафосных «Мерсов» и «БМВ» топ-менеджмента и совета директоров, притаился байк. Чёрный, матовый, агрессивный, без единого логотипа или опознавательного знака.

Холден подошёл ближе, снял с руля шлем и протянул ей.

— Держи. Подкрутил ремешки под твой размер, так что должно сесть.

Она покрутила шлем в руках. Тяжёлый, зараза. И пахнет кожей.

— Подожди... Ты... ты заранее его сюда притащил?

— А ты думала, я всё на ходу импровизирую?

— Я никогда в жизни не ездила на мотоцикле.

— Всё бывает в первый раз, — он уверенно перекинул ногу через сидение, и байк чуть заметно просел под его весом. Холден мотнул головой на сиденье позади себя. — Запрыгивай. И держись за меня. Крепко. И без глупостей, поняла?

Скайлар натянула шлем и со щелчком застегнула фиксатор под подбородком. Пальцы самую малость подрагивали от мандража. На выдохе она забралась на пассажирское сиденье. Между их телами осталось расстояние — какая-то пара сантиметров, она упорно пыталась его не касаться.

Холден обернулся через плечо, окинув её фигуру насмеш-

ливным взглядом сквозь темный визор:

— Если будешь всю дорогу держаться за воздух, то на первом же повороте улетишь на асфальт.

— Не улечу.

— Ну-ну. Как знаешь.

Двигатель под ними не просто завелся — он оглушительно взревел. Этот низкий рык волной прошёл сквозь сиденье, прошиб позвоночник насквозь и мелкой дробью отозвался где-то глубоко в животе. Они с пробуксовкой вылетели с парковки наружу, и весь ночной город моментально схлопнулся в одну сплошную размытую полосу света. Встречный ветер с размаху ударил в грудь, обтекая визор шлема. Она чувствовала, как вибрирует бак между ног. Страшно? Капец как. Но это был чистый кайф, без примеси паники.

Скайлар вытянула руку в сторону. Пальцы резали воздух, как воду. Она сначала испуганно зажмурилась, а потом распахнула глаза. Вся её правильная, расписанная по часам жизнь осталась там, далеко позади, на асфальте. Здесь и сейчас существовали только скорость, ночь и куртка Холдена прямо перед лицом.

Неожиданно Нокс резко, до упора крутанул ручку газа. Мотоцикл бешено прыгнул вперёд, набирая скорость. Скайлар испуганно вскрикнула — и на инстинкте самосохранения намертво вцепилась в него. Обеими руками обхватила его торс, вжалась грудью в спину настолько сильно, что они в одно мгновение стали почти одним целым, ловя общий ритм

дороги. В ушах свистел ветер, а сердце бешено колотилось уже где-то в районе горла.

Байк вылетел на прибрежное шоссе, где в этот час машин практически не было. Справа сплошной стеной темнел океан — бездонный, огромный, с яркой лунной дорожкой ровно посередине. Скайлар неотрывно смотрела на эту воду и почувствовала, как под шлемом её губы сами по себе растягиваются в дурацкой, абсолютно счастливой улыбке. Ей было хорошо.

Холден плавно затормозил у самого края скалистого обрыва и со щелчком заглушил двигатель. Скайлар слезла с сиденья на ватных непослушных ногах, которые её едва держали. Стащила шлем, и светлые волосы рассыпались по её плечам, окончательно растрепавшись от ветра.

— Ну как тебе? — Холден скинул подножку и слез вслед за ней, засунув руки в карманы куртки.

— Это было быстро.

— И всё? Просто быстро?

— И весело. — Она выдохнула, убирая со лба налипшую влажную прядь. — Ты ведь специально поехал быстрее?

— Конечно, — Холден сделал к ней шаг. — Очень хотелось услышать, как ты кричишь.

— Надеюсь, я тебя не разочаровала.

— Ну, сойдет для первого раза, — нагло ухмыльнулся он.

— Я вообще-то не из пугливых.

— Да я заметил уже.

Они лениво побрели вдоль края обрыва. Говорили обо всякой ерунде, обо всём и ни о чём: про город, какую-то старую инди-музыку, про то, что местные чайки — те ещё твари и походу вообще никогда не спят. Напряжение постепенно уходило, уступая место какой-то странной, уютной лёгкости.

Обратно они ехали уже намного спокойнее, без экстрима, но Скайлар всё равно продолжала крепко держаться руками за его торс, утыкаясь носом в спину. Когда Холден довез её до дома и припарковал байк за тем же самым тёмным углом, на часах было уже полпервого ночи.

— Спасибо тебе, — тихо произнесла она, осторожно слезая с мотоцикла и протягивая ему шлем. — Это было...

— Не за что, — он бесцеремонно перебил её на полуслове, не дав договорить фразу до конца. — Ещё увидимся?

— Ну... может быть.

— «Может быть» — это почти «да», — он опустил тёмный визор, скрывая торжествующую улыбку, и бросил на прощание: — Спокойной ночи, Скайлар.

— Спокойной, Холден.

Она развернулась и пошла в сторону калитки, заставляя себя не оборачиваться назад. Но спиной она чувствовала его пристальный взгляд. Он смотрел ей вслед до тех пор, пока мотор байка не взревел в последний раз, и со свистом не скрылся за поворотом улицы.

Прошло два дня. Холден не появлялся на горизонте, но умудрялся напоминать о себе дурацкими эсэмэсками.

Суббота, 10:03 утра. От него прилетает фотка какого-то жирного рыжего котяры, который развалился на диване пузом кверху. И подпись снизу: *«Раскопал твоего тотемного зверя по выходным. Не благодари»*. Скайлар от неожиданности громко фыркнула прямо в недопитую кружку чая, едва не закашлявшись, но отвечать не стала.

Суббота, 21:15. Мемчик. Кровать в крошечном деловом костюме и с портфелем в клешнях. Текст на картинке гласил: *«Степень по морской биологии получена. Ну и где мой личный офис?»*. Она непроизвольно улыбнулась, но отложила телефон экраном вниз. В груди противно кольнуло.

Воскресенье, 14:40. Видео. Чайка-камикадзе нагло вырывает бургер прямо из рук туриста и улепётывает от него по пирсу на своих тонких лапах, смешно подпрыгивая на ходу. Тут Скайлар не выдержала и во весь голос смеялась минуты две на всю комнату. А потом, укусив губу, пересматривала этот ролик еще раз три.

И вот тут она поймала себя на том, что она сидела и улыбалась экрану, как дура.

Отвечать было нельзя. Вообще никак. Ответить ему сейчас — это значит в открытую признать, что та ночь на крыше реально что-то в ней перевернула.

Понедельник. 16:02.

В дверь позвонили, и Скайлар аж подпрыгнула на месте от неожиданности. Мобильник с открытым чатом Нокса лежал прямо на коленях — она быстро сунула его в карман, будто

её поймали на чем-то криминальном.

— Я сама открою! — крикнула она в пустоту дома и сбегала по лестнице босиком.

Распахнула дверь.

На пороге её крыльца стоял Тео. В руках он держал охапку кремовых роз, на бледном лице застыла уставшая улыбка, а под глазами залегли жуткие тёмные круги. От него за версту пахло больничным антисептиком и стиральным порошком.

— *Привет, моя Рид,* — *тихо произнес он, сглотив.* — *Ну всё, я вернулся.*

Секунда. Вторая. Скайлар молча смотрела на его взъерошенные волосы и ждала, когда внутри хоть что-нибудь щёлкнет. Когда сердце подпрыгнет. Когда захочется с разбегу броситься ему на шею, как раньше. Но в груди стояла глухая, мертвая тишина. Вообще ничего.

— Привет, — она силой выдавила из себя улыбку. — Господи, Тео... Как твой брат? Как прошла операция?

— Всё нормально, врачи — красавцы, всё прошло успешно, — он протянул ей цветы, и упаковочная крафт-бумага громко хрустнула в тишине. — Это тебе. И... умоляю, прости меня, что вообще не звонил эти дни. Больницы, консилиумы, бесконечные бланки... Я под вечер тупо вырубался прямо на стуле в коридоре.

— Тео, перестань, всё в полном порядке. Правда, — Скайлар поспешно перехватила букет, утыкаясь носом в прохладные бутоны. Вдохнула и замерла: она не почувствовала аро-

мата роз. Только въевшийся в его одежду запах дезинфекторов и магазинная химия.

— Я так соскучился, очень рад тебя видеть, — тихонько выдавил он и сделал шаг вперед, потянувшись, чтобы нормально её обнять.

Скайлар обхватила его руками в ответ. Уткнулась лицом в его плечо. Родной. Теплый. Надежный. И... совершенно чужой.

«Господи, да что со мной не так?!» — мысленно взывала она, зажмурившись, пока пальцы Тео нежно поглаживали её спину.

Тео остался на ужин. Мама сразу засуетилась так, будто к нам нагрянул как минимум мэр города: в духовку отправилась её фирменная лазанья, на столе появились фарфоровые тарелки и серебряные приборы, которые обычно берегли для Рождества. Мама даже зажгла декоративные свечи. По кухне поплыл запах плавленого сыра и базилика. Скайлар неподвижно смотрела на скатерть в красно-белую клетку и про себя считала вдохи, чтобы окончательно не загнаться.

Отец вовсю травил анекдоты и без остановки подливал Тео домашнего вина. Тот смущённо отнекивался, краснел до ушей, но бокал всё равно послушно подставлял, боясь обидеть хозяина дома.

— Ну, рассказывай, как тебе Лос-Анджелес? — Томас придвинул к нему поближе салатницу. — Я в прошлом году мотался туда на конференцию. Пробки там — просто ад

кромешный, да?

— И не говорите, мистер Рид, — Тео со вздохом покачал головой. — Мы от детской клиники до отеля ровно час ползли. Я в этой жестянке чуть с ума не сошёл.

— Да брось ты, зови меня просто Томас, мы же не на научном симпозиуме! — отец громко хохотнул и по-свойски подмигнул ему.

Скайлар сидела вплотную к Тео и ковыряла вилкой свою порцию. Отрезала кусок. Поднесла было ко рту. Подумала секунду и положила обратно. Жевать этот картонный на вкус сыр не хотелось вообще. Тео в это время крепко сжимал её свободную руку под столом своей большой тёплой ладонью. Она руку не выдёргивала, но и в ответ пальцы не сжимала.

Напротив них Эйвери зубьями вилки вырисовывала на белом фарфоре какие-то абстрактные узоры из томатного соуса. За весь вечер — ни единого слова. Под глазами пугающие тёмные круги, на лице ни грамма косметики. Изредка она поднимала взгляд на Скайлар. Потом переводила на Тео. И снова утыкалась в свою мазню.

— Эйвери, милая, да на тебе же лица нет, бледная как поганка! — испуганно всполошилась Кэтрин, прервав мужа и заботливо подливая дочери апельсиновый сок. — Доченька, у тебя точно всё хорошо? Ты не заболела?

Эйвери оторвала взгляд от тарелки и натужно растянула губы в улыбке. Улыбка вышла откровенно фальшивой.

— Всё отлично, мам. Честное слово. Просто в универе

жуткий завал, проект горит. Не высыпаюсь, вот и всё.

— Ну смотри у меня, не переутомляйся так, учёба того не стоит.

— Конечно, мам. Само собой.

Стоило тарелкам окончательно опустеть, как Эйвери резко встала со своего места. Ножки стула противно заскрежесали по паркету.

— Так, ладно, я пойду.

— Куда это ты на ночь глядя? — Скайлар подняла голову, впервые за вечер осмысленно глянув на сестру.

— К Джессике, — Эйвери даже бровью не повела. — Обещала этой козе помочь с хвостами по экономике. Вернусь поздно, так что меня не ждите. Ложитесь спать.

Она чмокнула маму в щёку, махнула рукой отцу — тот как раз собирался выдать очередную байку про рыбалку — и выскользнула в прихожую. Входная дверь захлопнулась с глухим стуком.

Скайлар смотрела на пустой дверной проём и прекрасно понимала: никакого проекта там и близко нет. Эйвери нагло врала.

Понедельник. 21:45.

Тео засобирався домой. Мама сунула ему в руки пластиковый контейнер с остатками лазаньи, а отец крепко хлопнул парня по плечу и велел заезжать к ним в любое время «просто так, без всякого повода». Скайлар вышла проводить его на крыльцо.

Ночь стояла душная, теплая и звёздная. Местные сверчки в кустах заходились в истерике. Скайлар обхватила себя руками за плечи, хотя холодно ей не было. Это была ментальная дрожь.

— Спасибо за ужин, — Тео переминался с ноги на ногу на ступеньках, сжимая в руках контейнер. — У тебя просто мировые родители. Серьёзно. Я в восторге.

— Я им передам.

Он немного помолчал, вглядываясь в её лицо, а затем шагнул ближе.

— Скай... Я правда скучал по тебе все эти дни. Очень.

— Я тоже.

Слова вылетели сами собой, на автомате.

Тео бережно положил ладони ей на талию, наклонился и поцеловал — сначала мягко, бережно, а затем настойчивее и глубже. Его пальцы скользнули по её спине, притягивая Скайлар ближе к себе, и этот поцелуй в одно мгновение стал по-настоящему страстным. Она закрыла глаза. Напряглась всем телом. *«Ну давай же, Рид. Пожалуйста. Ну включись ты. Почувствуй хоть какую-то искру, хоть что-нибудь!»* — мысленно умоляла она саму себя.

Ноль эмоций. Настоящее кладбище чувств.

Он потянул её к себе ещё ближе, пальцы жёстче сжались на её пояснице, а дыхание окончательно сбилось от нахлынувшего желания. И тут Скайлар резко отшатнулась от него, словно её со всей дури ударило оголённым проводом под на-

пряжением.

— Что? — Тео замер на месте столбом, его руки повисли в воздухе. — Скай... Что случилось-то? Что такое?

— Ничего, всё нормально, — она принялась поправлять волосы, стараясь не встречаться с ним прямым взглядом. — Просто... давай не сегодня, ладно? Прости. Я дико устала за день.

Вышло чересчур грубо и резко. Поняв, что косячит, она смягчила голос, сделав шаг навстречу:

— Правда, Тео. День был просто бесконечный. Разваливаюсь.

Он опустил руки. Молча смотрел на неё пару секунд — пристально, с явной обидой в глазах.

— Я... я сделал что-то не так, Скай? Обидел тебя? — тихо спросил он.

— Да нет же! Ты всё сделал правильно, ты идеальный, — она заставила себя вскинуть голову и посмотреть ему прямо в глаза, и изнутри её знатно полоснуло чувством вины. — Я просто... не в форме сегодня. Прости.

— Ладно, — Тео отступил ещё на шаг назад, уходя в темноту двора. Он попытался улыбнуться, но эта улыбка вышла откровенно наигранной. — Извини. Я, наверное, слишком тороплю события. Надавил на тебя.

— Ты вообще ни в чем не виноват.

Он кивнул — скорее своим собственным мыслям, чем ей. Запрыгнул в салон. Водительская дверь закрылась с глухим

стуком. Двигатель ожил под капотом, и красные задние габариты медленно поплыли по тёмной улице, постепенно удаляясь. Скайлар так и осталась стоять на крыльце, сжимая себя руками, и слушала, как удаляющийся звук мотора окончательно растворяется в бешеном стрекоте сверчков.

Едва машина скрылась за поворотом, она залезла в карман джинсов и достала телефон. Одним движением открыла их чат с Холденом Ноксом. То самое вчерашнее видео с чайкой до сих пор висело в истории их короткой переписки. Скайлар ткнула пальцем на play.

И опять улыбнулась экрану. А через секунду поморщилась от отвращения к самой себе.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Скайлар поднялась к себе в спальню и плотно прихлопнула за собой дверь. Прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Подтянула колени к груди и уткнулась в них лицом.

Вдруг телефон в её зажатом кулаке зажужжал. Новое сообщение. Она знала, от кого оно прилетело, ещё до того, как перевела взгляд на загоревшийся экран. Нокс.

«Завтра в 22:00. Будет шумно и нелегально. Одевайся во что не жалко. Откажешься — твоё право».

Она перечитала эти строчки раза три подряд. Внутри поднялась какая-то горячая волна. Бешеный адреналин пополам со жгучим стыдом перед Тео. Пальцы сами застучали по кнопкам:

«Что за место?»

«Гонки. Скорость, рёв моторов, никаких правил. Испугалась?»

Скайлар смотрела на экран. Пальцы самую малость подрагивали. Там, глубоко в груди, с новой силой закипало это дурацкое, запретное чувство — азарт, волнение и предвкушение. Всё то, чего она сегодня, так и не смогла выдавить из себя рядом с Тео, как ни старалась.

Она закусила губу до крови и решительно нажала на кнопки: *«Адрес пришли»*.

«Я заеду за тобой. В 21:50 будь на нашем углу».

Она шумно выдохнула, откидывая голову назад. В этот момент внизу, на первом этаже, хлопнула входная дверь. Следом послышались быстрые шаги по лестнице. Эйвери вернулась.

Скайлар прижала телефон к груди, зажмурилась до цветных пятен перед глазами и замерла, боясь даже вздохнуть. Всё. Обратного пути уже не было. Но она сама не хотела возвращаться назад. *Вот в чём была правда.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.